

Ноябрь
2014

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

*Проблемы внешней политики, дипломатии,
национальной безопасности*

Соблюдение прав человека или безопасности?

Екатерина Высоцкая

Атташе ДНВ МИД России

Даниил Мокин

Начальник отдела ДНВ МИД России

Илья Рогачев

Директор ДНВ МИД России

Международное право и международная информационная безопасность

Андрей Крутских

Посол по особым поручениям МИД России

Анатолий Стрельцов

*Заместитель директора Института проблем
информационной безопасности МГУ*

Крушение Югославии: как это было

Валерий Егошкин

Чрезвычайный и Полномочный Посол

Москва. Издается с марта 1922 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

Содержание

БЕЗОПАСНОСТЬ

Е.Высоцкая, Д.Мокин, И.Рогачев. Соблюдение прав человека или обеспечение безопасности: что важнее? . . . 6

Правозащитная проблематика давно отмечается высоким накалом дипломатической и политической борьбы. А такая область безопасности, как противодействие новым вызовам и угрозам, считалась (да и сейчас считается некоторыми экспертами) деполитизированной - здесь государствам якобы легче договариваться. Но за последние несколько лет ситуация изменилась.

А.Крутских, А.Стрельцов. Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности 20

Влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на все аспекты жизни человека, общества и государства трудно переоценить. Наряду с очевидными благами с точки зрения экономического, социального и культурного развития повышение роли ИКТ в современном мире неизбежно влечет новые риски для международной и национальной безопасности.

А.Кошель. Политические детерминанты
евразийской интеграции 36

Создание нового интеграционного образования - Евразийского экономического союза (ЕАЭС) - приобретает особое значение и являет собой стратегически правильный выбор. Однако необходимо понимать, что принятие решения об усилении интеграционных процессов в экономической сфере не может не затрагивать вопросы и гуманитарной сферы.

И.Иванников. «Газовое окно в Европу»: «Северный поток»
в контексте энергетического сотрудничества
России и Евросоюза 46

«Газовый конфликт» в отношениях России и Украины, разразившийся после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года, как никогда остро поставил вопрос о минимизации роли украинского транзита в транспортировке отечественного «голубого топлива» в Европу.

Э.Касаев. Международные газовые коллизии 61

По оценкам американской Energy Information Administration, через семь лет сланцевый газ станет основным видом газа, добываемого в США. В 2010 году доля сланцевого газа составляла 23%, к 2020 году ожидается - 39%. Однако перед реализацией данного прогноза может встать ряд барьеров.

Т.Кирабаев. Теоретические подходы к исследованию
процессов регионализации и региональной интеграции . . . 73

Сопутствующие глобализации процессы - регионализм и региональная интеграция - стали важным вектором развития макрорегионов в различных частях земного шара, направленного на сглаживание противоречий между макрорегионами и субрегионами, отдельными государствами через развитие экономических, социальных и гуманитарных связей, формируя тем самым целостное пространство.

Е.Брагина. Индия: итоги выборов и новая расстановка
политических сил 96

Всеобщие парламентские выборы 2014 года в Индии, одном из самых влиятельных государств на мировой арене, вызвали особый интерес далеко за пределами

страны. Впечатляют не только количественные показатели избирательной кампании, но, главное, далекоидущие последствия ее результатов.

Д.Малышева. Исламистское обличье африканских военных конфликтов 113

Проблемы африканских стран, расположенных севернее экватора и южнее Сахары, оставались до недавнего времени в целом на периферии ирового информационного и политического внимания. Все изменилось 17 апреля 2014 года, когда боевики группировки «Боко харам» похитили на северо-востоке Нигерии школьников, угрожая продать их в рабство.

С.Труш. Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай 127

Инициатива Транстихоокеанского партнерства небезосновательно трактуется как неотъемлемый - если не самый ключевой - элемент стратегического переноса центра тяжести США в регион АТР. Его часто рассматривают и в связке с симметричной по замыслу инициативой Трансатлантического партнерства между США и ЕС.

ВЕХИ ИСТОРИИ

В.Егошкин. На сломе эпохи 142

В дни кровопролитных событий на Украине и массовой информационной и экономической атаки на Россию со стороны США и их саттелитов уроки свержения неудобного Западу режима Слободана Милошевича представляются весьма поучительными. Сам Слободан, кстати, предсказывал, что все, что применялось в отношении Югославии, достаточно скоро будет применено и против России - главной, по его мнению, цели американцев. Это время, судя по всему, пришло.

А.Фролов. Крым-1954: как это было 164

Вопрос о присоединении Крыма к России (некоторые называют это возвращением или воссоединением), несомненно, один из главных на повестке дня России и Украины. Этот вопрос, будучи изначально сугубо внутренним делом советского государства, обрел международную значимость. Запад, обвиняющий Россию в скоропалительности проведения референдума среди населения полуострова и в быстроте реализации этого акта, очевидно, ни в коей мере не намерен сомневаться в такой же скоропалительности решения вопроса о передаче Крыма из состава России в состав Украины в 1954 году. Тогда это произошло без проведения какого-либо референдума вообще, при

полном игнорировании общественного мнения как российских граждан в целом, так и самих крымчан в частности.

КНИГИ И ОБЗОРЫ

- Е.Осипов.** Внешняя политика современной Франции . . . 176
- Ю.Белобров.** Американская ПРОвокация против
глобальной стабильности 183
- В.Богомазов.** Религиозные войны: прошлое и настоящее 190

Международная

ЖИЗНЬ

Безопасность

Екатерина Высоцкая, Даниил Мокин, Илья Рогачев:

«Так называемые развитые демократии во главе с США, по сути, поставили весь остальной мир перед выбором - либо вы соблюдаете права человека (речь, разумеется, прежде всего идет о личных правах и свободах), и тогда вы с нами, либо закручиваете гайки, пытаясь добиться более высокого уровня безопасности, и неизбежно нарушаете права человека, и тогда вы против нас.

На самом деле эта жесткая дихотомия, которую нам подбрасывают, а мы должны с гневом и омерзением отвергнуть, - абсолютно ложная. Можно даже сказать, что ее просто не существует. Безопасность и права человека не взаимоисключающие, а взаимодополняющие условия. Ответ на вопрос: безопасность или личные права и свободы - конечно же, и то и другое. Повышенный уровень безопасности не угрожает, а способствует соблюдению прав человека - прежде всего права на жизнь, которое западные страны так не любят вспоминать в контексте антитеррора».

Андрей Крутских, Анатолий Стрельцов:

«В список потенциальных «мишеней» для атак с использованием информационного оружия попадают не только информационные ресурсы сети Интернет, но и объекты критически важной инфраструктуры государств в сфере промышленности, транспорта, энергетики. При этом масштаб и технологический уровень подобного деструктивного воздействия неуклонно возрастают.

Острота угроз криминального, террористического и военно-политического характера в информационном пространстве признается всеми без исключения странами. Дискуссия о путях обеспечения международной информационной безопасности (МИБ) ведется международным сообществом более полутора десятилетий. На данном этапе ключевой проблемой представляется отсутствие полноценной международно-правовой базы, регулирующей деятельность государств в сфере использования ИКТ, в том числе и ее военные аспекты».

Екатерина ВЫСОЦКАЯ

Атташе Департамента по вопросам
новых вызовов и угроз (ДНВ) МИД России

Даниил МОКИН

Начальник отдела ДНВ МИД России

Илья РОГАЧЕВ

Директор ДНВ МИД России
dnv@mid.ru

Соблюдение прав человека или обеспечение безопасности: что важнее? Опыт США внутри страны и на международной арене

Правозащитная проблематика уже давно отмечается высоким накалом дипломатической и политической борьбы. А вот такая область безопасности, как противодействие новым вызовам и угрозам*, считалась (да и сейчас считается некоторыми экспертами) деполитизированной - здесь государствам якобы легче договариваться. Но за последние несколько лет ситуация изменилась: про-

* Новые вызовы и угрозы (НВУ): для целей настоящей статьи рассматриваются угрозы безопасности личности, общества и государства, исходящие (при всей условности такого деления) с негосударственного уровня, то есть в большей степени относящиеся к уголовно-правовой сфере, - терроризм и питающие его насильственный экстремизм и радикализация общественного сознания; производство и незаконный оборот наркотиков; транснациональная преступность; морское пиратство; преступления в сфере применения информационно-коммуникационных технологий.

блема соотношения прав и свобод человека, с одной стороны, и мер по обеспечению безопасности - с другой, полностью вошла в конфронтационное поле. Это отчетливо проявилось на различных международных площадках (ООН, Совета Европы, ОБСЕ), на которых разгорались дискуссии о правах человека и их соблюдении в контексте борьбы с терроризмом, и некоторые государства использовали их в качестве инструмента политического давления. В этом смысле показательна линия США (да и всех западных стран), особенно после ее сравнения с реальным положением дел в указанной сфере.

В условиях неослабевающей террористической угрозы и усиления других угроз криминального характера многие государства, включая США, подверглись критике за низкую эффективность в выполнении одной из основных функций государства - защиты личности - и стали наращивать свой контролирующий, в том числе правоохранный, потенциал. Это объективный процесс. И здесь, на самом деле, наметился определенный конфликт такой политики с правами человека в их либерально-демократической интерпретации.

Когда же Вашингтону потребовалось вывести себя из-под удара правозащитной критики, он это сделал, похоже, испытанным американским методом - перевел стрелки на ситуацию в других странах, применил двойной стандарт, политизировал проблему. Нужно было все громче требовать соблюдения либерально-демократических свобод, нарушаемых кем-то и где-то, и от тех, кто их не соблюдает, чтобы отвлечь внимание от того, как не соблюдают их сами США. Чем сильнее закручивались гайки у себя дома, тем агрессивнее надо было критиковать других. Нужно было создать соответствующий политический фон, чтобы к самим США применялся один подход, а к «недоразвитым» демократиям - другой. Например, когда борьба России с террористами на своей территории была на пике, ведомый США Запад сомневался, не борцов ли за свободу подавляет Москва, и закладывал эту философию в документы различных международных организаций. А к Гуантанамо и Абу-Грейб, наполненным арестантами, обвиненными в преступлениях против сил западной коалиции, - другой подход: мол, так можно бороться с терроризмом, так правильно, а с отдельными перекосами разберутся юристы.

Так называемые развитые демократии во главе с США, по сути, поставили весь остальной мир перед выбором - либо вы соблюдаете права человека (речь, разумеется, прежде всего идет о личных правах и свободах), и тогда вы с нами, либо закручиваете гайки, пы-

таясь добиться более высокого уровня безопасности, и неизбежно нарушаете права человека, и тогда вы против нас.

На самом деле эта жесткая дихотомия, которую нам подбрасывают, а мы должны с гневом и омерзением отвергнуть, - абсолютно ложная. Можно даже сказать, что ее просто не существует. Безопасность и права человека не взаимоисключающие, а взаимодополняющие условия. Ответ на вопрос: безопасность или личные права и свободы - конечно же, и то и другое. Повышенный уровень безопасности не угрожает, а способствует соблюдению прав человека - прежде всего права на жизнь, которое западные страны так не любят вспоминать в контексте антитеррора. Взять хотя бы их последнюю раскрученную инициативу о запрещении выплаты выкупов за заложников, в рамках которой лишь под дипломатическим нажимом с российской стороны нашлось место тезису о праве человека на жизнь.

Сами США и другие западные страны проблему соотношения прав и свобод человека и мер по обеспечению безопасности для себя давно решили в пользу усиления контролирующих функций и интрузивности действий госаппарата. Под лозунгом борьбы с терроризмом они ввели драконовские меры, нередко нарушающие как их собственные законы, так и международное право. Фактическую позицию западников - права и свободы человека можно ограничивать в интересах обеспечения безопасности общества - выразил премьер-министр Австралии Т.Эбботт, заявивший недавно, что «безопасность может быть поставлена превыше свободы»¹. На деле же права и свободы в западном мире уже ограничены не менее, а более, чем в других странах, не «удостоенных чести» называться демократическими, да и все менее стремящихся к этому.

В плане ущемления прав своих и иностранных граждан США являются безоговорочным лидером среди западников. Там чрезмерному контролю подверглись передвижение, переписка, жилище, собственность, персональные данные граждан. На примере США можно наглядно продемонстрировать, как в целях обеспечения безопасности сверх меры применяются как традиционные оперативные меры, так и инновационные подходы, в том числе с использованием новых технологий, включая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и беспилотные летательные аппараты (технологически оснащенный американский госаппарат не смог не поддаваться искушению применить весь свой богатый арсенал прикладных средств).

Об этом стало особенно широко известно благодаря материалам, рассекреченным Э.Сноуденом, которые явились источником документальных свидетельств многочисленных фактов незаконного сбора американскими спецслужбами информации о телефонных звонках и электронных сообщениях, об их практически неограниченных и скрытых от общественности возможностях тотально контролировать интернет-пространство.

Такие меры правительство США предпринимает под предлогом борьбы с терроризмом. Благодаря растущим объемам информации, собираемой спецслужбами, в федеральной базе подозреваемых в терроризме уже более 1 млн. человек, включая 25 тыс. американцев. При этом в отношении 280 тыс. лиц из списка связь с террористическими группировками не установлена². Представители Агентства национальной безопасности США (АНБ) настаивали, что программы слежки нацелены исключительно на получение информации о лицах, связанных с международными террористами, наркокартелями и оргпреступностью. Однако после разоблачений Э.Сноудена выяснилось, что в сеть АНБ попадают миллионы американцев, никоим образом не связанных с преступностью.

Государство с помощью спецслужб неотступно следит за своими гражданами, собирая всю возможную информацию о них, включая информацию личного характера. АНБ перехватывало звонки и сообщения американцев, в результате обработки которых агентство получало обширные сведения: от местоположения абонентов до номеров их кредитных карточек. В АНБ передавались данные о перемещении абонентов сотовых сетей, об их туристических планах, телефонных книгах и денежных переводах³. При этом перехвату подлежали сообщения с телефонов даже тех людей, которые никогда не подозревались в каких-либо незаконных действиях.

Примечательно, что программы АНБ по сбору информации о телефонных звонках людей по всему миру не оказывали столь существенной роли в борьбе с терроризмом, как заявляли представители американских силовых структур. Администрация США опубликовала отчет с выводом о том, что сбор данных о миллионах звонков американцев «играл минимальную роль в предотвращении атак»⁴.

Отслеживаются не только телефонные переговоры - американские спецслужбы осуществляют практически полный контроль над интернет-трафиком в США. В распоряжении АНБ находятся программы, позволяющие перехватывать огромные объемы информации, при этом

агентство постоянно расширяет технические возможности. Например, программа под кодовым названием «Turbine» позволяет автоматически заражать миллионы компьютеров и скачивать с них информацию по всему миру, а программа «XKeyscore» позволяет отследить практически все действия индивидуальных пользователей в сети Интернет, собирать все сведения о них, вплоть до содержания электронных писем и переписки в социальных сетях. У АНБ есть технические возможности дистанционно активировать микрофон и видеокамеру на смартфонах и ноутбуках, не говоря уже о возможностях слежки через GPS (этой системой оснащены практически все современные мобильные устройства). В этих же целях могут использоваться офисные и бытовые приборы (принтеры, факсы, телевизоры)*.

Складывается впечатление, что методы, используемые АНБ, по сути, ничем не отличаются от методов киберпреступников, которые крадут личные данные интернет-пользователей. В частности, агентство прибегает к рассылке спама, чтобы заразить компьютеры шпионскими программами, подключается к интернет-трафику между серверами, заманивает пользователей на подставные сайты.

Не дремлет и ФБР. Под предлогом борьбы с террористической деятельностью и шпионажем с 2007 года по запросам этого органа суд обязывал компании связи ежедневно предоставлять информацию об оплате всех телефонных переговоров пользователей, как внутренних, так и международных. Другие программы включали в себя собрание аналогичной информации об электронных письмах и деятельности в Интернете. Содержание контактов могло свободно изыматься, даже в случае отсутствия каких-либо подозрительных действий. Кроме того, могла быть затребована информация, касающаяся записей о покупке книг, данных медицинских карт и т. д.

Личную информацию американцев и иностранцев спецслужбы получали и благодаря тесному сотрудничеству с крупнейшими частными компаниями (в их числе «Google», «Microsoft», «Yahoo», «Skype», «Verizon») - с ними заключались негласные соглашения о передаче сведений о клиентах.

Слежка за собственными гражданами в США осуществляется не только в сфере коммуникаций. Фактически в стране реализова-

*Материалы на эту тему размещены, например, на сайтах: The Washington Post (washingtonpost.com); The Guardian (theguardian.com); The Intercept (firstlook.org/theintercept/).

на концепция «Большого брата», который знает все о своих гражданах. Бизнес предоставляет информацию о своих клиентах - вплоть до того, какие продукты и лекарства они покупают, какие читают книги и где отдыхают. Но и этого недостаточно - планируется увеличить количество камер наблюдения на всех улицах американских городов. Этот план снова объясняется требованиями войны с терроризмом и обеспечением безопасности общества. Тем не менее в ближайшее время число камер наблюдения, с помощью которых легко отслеживать перемещения любого человека, продолжит расти. Бывший мэр Нью-Йорка М.Блумберг, говоря о своем городе, так прокомментировал эту проблему: «Через пять лет камеры будут везде, нравится вам это или нет». Причем камеры не только на зданиях, но и на дронах - беспилотных летательных аппаратах (БПЛА). «Привыкайте», - говорил М.Блумберг⁵.

В целях обеспечения правопорядка и общественной безопасности в США любая провинность весьма жестоко карается, а меры, применяемые к тем, кто повторно нарушает закон, являются предельно суровыми. В ряде штатов действует так называемое «правило трех ударов», когда за третье совершенное преступление, вне зависимости от его тяжести, подозреваемого автоматически приговаривают к заключению на срок от 25 лет до пожизненного. Таким образом, человек может быть обречен провести всю жизнь в тюрьме за ненасильственное преступление. Известны случаи, когда к пожизненному заключению приговаривали нарушителя за украденные мелочь, пару носков или даже кусок пиццы⁶.

Столь строгое законодательство привело к тому, что число заключенных, отбывающих наказание в тюрьмах США различных уровней, достигает 2,2 млн. человек - беспрецедентный уровень в мире, а с учетом различных форм условно-досрочного освобождения общее число осужденных в США составляет без малого 7 млн. человек⁷. В стране на 100 тыс. человек приходится 716 заключенных - это самый высокий показатель в мире⁸. 159 тысяч получили пожизненный приговор, причем треть из них лишены права на досрочное освобождение⁹. Более половины заключенных отбывают срок за преступления ненасильственного характера.

Однако такая строгость в вынесении приговоров не стала залогом успеха в борьбе с преступностью. В США сейчас совершается 4,7 умышленных убийств на 100 тыс. населения, а в Канаде и Австралии, где законодательство не такое строгое, - соответственно 1,6 и 1,1¹⁰.

Примечательно, что среди заключенных значительная доля приходится, прежде всего, на выходцев из Африки, Латинской Америки и Азии. По оценке Министерства юстиции США, около трети афроамериканцев мужского пола в течение жизни оказывается за решеткой¹¹.

Применение контролируемых мер по принципу расы, этнической или религиозной принадлежности и гражданства - это отдельный аспект в проблематике нарушений прав человека со стороны государства. В августе американское общество потрясли события в городе Фергюсон, где произошли массовые беспорядки после того, как полицейский убил безоружного подростка-афроамериканца. Возмутил общественность и тот факт, что в городке, где 70% населения составляют афроамериканцы, лишь шестеро из 53 полицейских - чернокожие¹². И этот случай далеко не единственный - вспомнить хотя бы события 1992 года в Лос-Анджелесе, когда четырех полицейских, избивших афроамериканца, оправдали, что вызвало настоящий расовый бунт, ставший причиной гибели 54 человек и ущерба на 1 млрд. долларов¹³.

Спецслужбы США и ряда других западных стран в борьбе с терроризмом практикуют так называемое профилирование граждан, когда в фокус внимания спецслужб попадают люди лишь в связи со своей религиозной или этнической принадлежностью. В США под прикрытием подозрений в терроризме или шпионаже агенты внедряются в религиозные или политические объединения, нередко весьма агрессивно, что ограничивает свободу слова, вероисповедания и права на собрания.

Отдельного внимания заслуживает деятельность спецслужб в отношении мусульманских объединений. После терактов 11 сентября 2001 года ФБР совместно с ЦРУ и полицией Нью-Йорка осуществляли программу выявления террористов среди мусульман в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, автоматически классифицируя находящиеся там мечети как источники террористических угроз.

В этой связи невозможно не упомянуть весьма показательный доклад «Иллюзия правосудия: нарушения прав человека на американских процессах над террористами», опубликованный в июле правозащитной организацией «Human Rights Watch»¹⁴. В нем были разоблачены антитеррористические методы работы профильных ведомств США, вопиющая практика провоцирования спецслужбами США американских мусульман на совершение терактов и успешно-

го пресечения таких подставных преступлений. Правоохранительные органы поощряли совершение преступлений мусульманами, оказывая на них давление, а иногда даже платя им за попытку совершения терактов. Причем целями ФБР становились заведомо уязвимые лица, включая тех, кто страдал психическими расстройствами, жил в нищете или имел криминальное прошлое.

Яркий пример подобной деятельности правоохранительных органов США - дело «Ньюбургской четверки», которая планировала совершить нападения на ряд синагог и американскую военную базу. В этом случае, по словам судьи, правительство «спланировало преступление, предоставило все необходимые средства для его совершения и устранило все возможные препятствия».

Другим вопиющим примером стало дело Резвана Фердауса, приговоренного к 17 годам заключения, который признался в намерении взорвать государственное учреждение. Несмотря на то, что Р.Фердаус страдал психическим расстройством, ФБР подослало провокатора в мечеть, которую тот посещал. Провокатор убедил его совершить теракт, совместно они разработали план террористических атак на Пентагон и Конгресс США. Федеральное бюро предоставило Р.Фердаусу денежные средства и макет взрывного устройства. После этого арестовало его, «предотвратив», таким образом, теракт.

Фактически в США сложилась мощнейшая система контроля за обществом - внутри страны и за рубежом. Во внутренней политике США все больше признаков превращения страны в тоталитарное полицейское государство, в котором под предлогом обеспечения национальной безопасности инакомыслящие подвергаются преследованиям, права законопослушных граждан нарушаются, а военные наделяются правом подавлять мирных демонстрантов. А как иначе расценить ставшую обычной для американских специализированных органов практику слежки за активистами общественных движений антиправительственной направленности? Министерство внутренней безопасности США получило полномочия по организации постоянного наблюдения за активными участниками акций протеста против проводимой Вашингтоном политики в стране и за рубежом. Кстати, «нужных» оппозиционеров за рубежом американцы поддерживают, предоставляя им не только финансовую, но и технологическую поддержку (например, разработанные для участников «оранжевых революций» телефоны с «тревожной кнопкой», нажатие на которую уничтожает содержащуюся на нем информацию и посылает

сигнал о «провале» сообщникам). В сбор данных на активистов мирных шествий также вовлечены крупные частные корпорации¹⁵.

Сопrotивление государственного аппарата общественному контролю усиливается. Согласно данным, которые приводит Ассошиэйтед пресс, в 2013 году администрация отказалась предоставлять правительственные документы по общественным запросам рекордные 546 тыс. раз, а с жалобой на препоны, которые ставят чиновники независимым аудитам, обратились генеральные инспекторы 47 ведомств¹⁶. И это происходит при президенте, который обещал избирателям самое прозрачное правительство в истории!

Интересными представляются результаты опроса общественного мнения американцев - 53% не одобряют сбор правительством информации о телефонных и интернет-коммуникациях граждан¹⁷. По мнению 72% американцев, «раздувшееся государство» является главной внутривнутриполитической угрозой в будущем¹⁸. Такие результаты свидетельствуют о том, что доверие к руководству страны продолжает падать.

Но подобные настроения в обществе вовсе не удивительны. Стоит вспомнить хотя бы о том, что Б.Обама так и не внес значительных изменений в деятельность спецслужб США, несмотря на давление общественности и требования правозащитников ограничить их полномочия, не выполнил предвыборного обещания закрыть тюрьму Гуантанамо, где продолжается бессудное и бессрочное содержание заключенных и применение пыток (причем в отношении многих узников есть решения американских судов об освобождении).

В 2013 году больше 100 узников из 154, оставшихся в тюрьме, участвовали в голодовке, требуя освобождения¹⁹. Их подвергали процедуре принудительного кормления, которую ряд правозащитных органов ООН считают формой пыток. Администрация тюрьмы прекратила сообщать СМИ и адвокатам об общем количестве заключенных, подвергающихся принудительному кормлению, и не стала раскрывать детали «медицинских процедур».

Б.Обама признает, что тюрьма Гуантанамо - это «символ нарушения прав человека со стороны США»²⁰, но ответа на вопрос, что делать с заключенными, которые, по данным спецслужб, представляют угрозу США, но при этом не могут быть судимы ввиду отсутствия доказательств вины, у него нет.

Но Гуантанамо - далеко не единственный пример. В 2004 году в руки журналистов попали фотографии американских военных, под-

вергавших пыткам и унижениям заключенных в иракской тюрьме Абу-Грейб. Мир узнал о зверствах американцев, которые не только издевались над подозреваемыми в терроризме, но и снимали все происходящее на фото, позируя на фоне своих жертв. И хотя Дж.Буш-младший утверждал, что зверства чинила «лишь горстка военнослужащих, по которым нельзя судить обо всей армии», его слова вскоре неоднократно были опровергнуты все новыми и новыми фото- и видеоматериалами, запечатлевшими американских солдат, глумившихся над пленными и осквернявших тела убитых, причем как в Ираке, так и в Афганистане. Выходит, что это - обычная практика в американских войсках.

«Передовые» методы допроса, в том числе и пытки, которые запрещены на территории США, применялись агентами ЦРУ в тайных спецтюрьмах, где содержали террористов и подозреваемых в организации терактов. Известно, что многие арабские, азиатские и даже европейские страны оказывали содействие ЦРУ в осуществлении этой программы. Форма содействия варьировалась от предоставления своих аэропортов для самолетов американских спецслужб и выдачи им подозреваемых до содержания на своей территории тайных тюрем ЦРУ (как, например, Польша). По данным правозащитников, 54 страны во всем мире были вовлечены в программу секретных тюрем ЦРУ²¹.

В связи с многочисленными скандалами о пытках ЦРУ демократы подготовили сенатский доклад о программе ЦРУ по использованию «жестких методов допроса» к подозреваемым в терроризме при администрации Дж.Буша-младшего. Сам доклад до сих пор не опубликован - администрация Б.Обамы затягивает с его рассекречиванием, в очередной раз нарушая тем самым положения Конвенции против пыток 1984 года.

Благодаря утечкам, попавшим в СМИ, выяснилось, что представители ведомства неоднократно предоставляли Минюсту, законодателям и общественности неверную информацию как об интенсивности применявшихся методик допроса, так и об их результативности, пытались помешать парламентскому расследованию, взламывали сенатскую компьютерную сеть, обвиняли сотрудников аппарата Конгресса в краже секретных документов²².

Агенты ЦРУ прибегали к пыткам в отношении подозреваемых в терроризме, в частности к имитации утопления (которую Б.Обама

открыто признал пыткой), а также схожему по психологическому эффекту методу - продолжительному окунанию в ледяную воду. Другие методы, в том числе лишение сна и избивание пленников о стены, применялись вместе на протяжении длительного времени, что усиливало причиняемые им страдания²³.

При этом ЦРУ серьезно преувеличивает ценность полученной под пытками информации. В подаче представителей разведуправления, благодаря жестким методам спецслужбы выпытали у допрашиваемых данные, которые позволили предотвратить новые теракты и определить место нахождения опасных террористов (в том числе и Убен Ладена). Однако, как показало сенатское расследование, большая часть этих сведений была получена еще до применения к подозреваемым пыток. Кроме того, ЦРУ присваивало себе показания, снятые с арестантов сотрудниками ФБР в ходе обычных процедур дознания без применения насилия.

Всплыло также отсутствие протоколов многих допросов с использованием пыток - выходит, оперативная ценность подобных методов тут ни при чем. Скорее, речь идет о жестокости агентов ЦРУ, проистекающей от вседозволенности «во благо демократии». Отвратительный пример того, как действует концепция «цель оправдывает средства».

США в ходе провозглашенной «глобальной войны с терроризмом» нарушают и основополагающее право человека на жизнь. Американцы не считают себя обязанными соблюдать запрет на внесудебные казни в ходе операций по «точечному устранению» подозреваемых в терроризме за рубежом, жертвы среди гражданского населения от которых в разы превышают число уничтоженных террористов²⁴. Задokumentированы случаи гибели гражданских лиц, включая женщин и детей, в Афганистане, Йемене, Пакистане, Сомали и секторе Газа, в результате ударов, соответственно, американских, британских и израильских дронов.

Такие операции осуществляются под непосредственным руководством ЦРУ, что означает отсутствие всякой транспарентности и подотчетности органам демократического контроля, включая Конгресс США, а также правовую неуязвимость лиц, отдающих либо исполняющих приказы об уничтожении «предполагаемых террористов». При этом американцы применяют БПЛА на территории государств, с которыми не находятся в состоянии войны, поэтому понятие «сопутствующие жертвы» среди гражданского населения с юридической точки зрения неприемлемо.

Выходит, что США не гнушаются нарушать и право человека на жизнь. Более того, беспилотниками дистанционно уничтожаются без суда и следствия также и граждане США. В этом контексте речь идет не только о несоблюдении США основополагающих прав и свобод человека - в ходе так называемой глобальной войны с терроризмом Вашингтон дошел до нарушения собственной Конституции, гарантирующей американским гражданам право на беспристрастное и справедливое судебное разбирательство, а также адвокатскую защиту.

Можно с уверенностью утверждать, что под давлением разнообразных дополнительных мер в правоохранительной области гражданские и политические права в США подверглись сильнейшей эрозии. Правозащитные стандарты «прочитываются» ими по-своему, тезис об их якобы соблюдении подгоняется под американские нужды. При этом, не обеспечивая право на уважение частной жизни, нарушая универсальные стандарты в области прав человека, США, повторимся, массированно критикуют других за чрезмерный контроль при обеспечении безопасности. И это стало ключевым принципом их правозащитной политики на международных площадках в отношении других стран. Можно назвать этот феномен мягко - непоследовательностью действий администрации в вопросах защиты прав и свобод человека у себя дома и вовне: если уж США берутся обеспечивать фундаментальные права и свободы, то следует это делать единообразно и внутри страны, и на международной арене.

Но проблема серьезнее - внедрив у себя гораздо более жесткие процедуры безопасности, чем в других государствах, именно последним в рамках линии на демократизаторство вменяется в вину ущемление прав человека даже при принятии менее интрузивных контролирующих мер. Типичный «двойной стандарт». А если учесть, что в самих США репрессивный механизм обеспечения безопасности задействуют не только для борьбы с криминалом, но и как «охранку» в целях политического сыска, когда любое инакомыслие или протест немедленно подавляются, то речь идет уже о «тройном стандарте». Достаточно вспомнить, как в конце прошлого года мирное протестное движение «Occupy Wall Street» разгонялось с помощью непропорционально жесткой, жестокой полицейской силы. Это был ответ по-американски на реализацию гражданами демократических прав на свободу выражения мнения, свободу собраний и ассоциаций, гарантированных основополагающими международными договорами, в том числе Международным пактом

о гражданских и политических правах, и национальным законодательством. После знакомства с подобной «правозащитной» практикой не покидает жутковатое ощущение того, что оруэлловский «Большой брат» в США стал почти реальностью, а Океанией, той самой, на которую он распространил свой тоталитарный контроль, может стать весь остальной мир.

¹Би-би-си. 22 сентября 2014 г. // www.bbc.com/news/world-asia-29306392

²Секретная система Барака Обамы по слежке за террористами в цифрах. 5 августа 2014 г. // Интернет-ресурс The Intercept // www.firstlook.org/theintercept/2014/08/05/watch-commander/

³Wall Street Journal. 1 September 2014.

⁴Доклад Совета по надзору за конфиденциальностью и гражданскими свободами «О программе записей телефонных переговоров, осуществляемой в соответствии с параграфом 215 Закона США «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму», и деятельности Суда по надзору за внешней разведкой». 23 января 2014 г. // www.eff.org/files/2014/01/23/final_report_1-23-14.pdf

⁵New York Daily News. 22.03.2014 // www.nydailynews.com/new-york/bloomberg-new-york-eventually-surveillance-city-article-1/1296103

⁶Доклад Американского союза борьбы за гражданские свободы «Живые мертвецы - пожизненные приговоры без права на досрочное освобождение за преступления ненасильственного характера» // www.aclu.com/files/assets/111813-lwop-complete-report.pdf

⁷Заклученные в США в 2012 г. // Бюро статистики Министерства юстиции США // www.bjs.gov/content/pub/pdf/cpus12.pdf

⁸Заклученные в мире (десятое издание) 2013 г. // Международный центр пенитенциарных исследований // www.prisonstudies.org/sites/prisonstudies.org/files/resources/downloads/wpl_10.pdf

⁹Доклад организации «Sentencing Project» «Жизнь продолжается? Исторический рост пожизненных приговоров в Америке». Сентябрь 2013 г. // www.sentencingproject.org/doc/publications/inc_Life Goes On 2013.pdf

¹⁰Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности «Исследование умышленных убийств в мире». 2013 г. // www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf

¹¹www.huffingtonpost.com/kiernan-hopkins/why-is-the-african-american_b_4032382.html

¹²www.itar-tass.com/info/1386536

¹³CNN. 25.04.2012 // www.edition.cnn.com/2012/04/25/us/california-post-riot/

- ¹⁴Доклад правозащитной организации «Human Rights Watch» «Иллюзия справедливости. Нарушения прав человека в США в ходе расследований преступлений, связанных с терроризмом». 21 июля 2014 г. // www.hrw.org/sites/default/files/reports/usterrorism0714_ForUpload_1_0.pdf
- ¹⁵Кампания Американского союза борьбы за гражданские свободы по разоблачению и прекращению незаконного внутреннего шпионажа // www.aclu.org/spy-files
- ¹⁶Генеральные инспекторы: «Администрация Обамы затрудняет осуществление контроля» // The Washington Times. 5 August 2014 // www.thewashingtontimes.com/news/2014/aug/5/white-house-hindering-oversight-igs/
- ¹⁷Американцы не поддерживают программы правительства по слежке. Институт Гэллапа. 12 июня 2013 г. // www.gallup.com/poll/163043/americans-disapprove-government-surveillance-programs.aspx
- ¹⁸Рекордное количество опрошенных считают большой угрозой «раздувшееся правительство». Институт Гэллапа. 18 декабря 2013 г. // www.gallup.com/poll/166535/record-high-say-big-government-greatest-threat.aspx
- ¹⁹Медсестра в Гуантанамо отказалась насильно кормить заключенных // Гардиан. 16 июля 2014 г. // www.theguardian.com/world/2014/jul/16/guantanamo-nurse-refuses-force-feed-prisoners
- ²⁰Выступление Барака Обамы в Национальном университете обороны США. 23 мая 2013 г. // www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/05/23/remarks-president-national-defense-university
- ²¹Европейский суд по правам человека установил, что у ЦРУ была секретная тюрьма в польском лесу // Рейтер. 24 июня 2014 г. // www.reuters.com/article/2014/07/24/us-cia-jails-poland-idUSKBN0FT0TX20140724
- ²²www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/globalizing-torture-20120205.pdf
- ²³www.aclu.com/national-security/senate-torture-report-and-cia-reply-foia
- ²⁴www.hrw.org/sites/default/files/reports/yemen1013_ForUpload_1.pdf

Ключевые слова: права человека, Э.Сноуден, Агентство национальной безопасности, Министерство юстиции США, правозащитные организации, тюрьма Гуантанамо, Международный пакт о гражданских и политических правах.

Андрей КРУТСКИХ

Посол по особым поручениям МИД России,
профессор, доктор исторических наук

Анатолий СТРЕЛЬЦОВ

Заместитель директора Института
проблем информационной безопасности
МГУ им. М.В.Ломоносова, профессор,
доктор исторических наук, доктор технических наук,
доктор юридических наук
dny@mid.ru

Международное право и проблема обеспечения международной информационной безопасности

Влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на все аспекты жизни человека, общества и государства трудно переоценить. Наряду с очевидными благами с точки зрения экономического, социального и культурного развития повышение роли ИКТ в современном мире неизбежно влечет новые риски для международной и национальной безопасности. Мир уже получил реальные свидетельства тому, что ущерб от применения ИКТ в целях, противоречащих Уставу ООН, а также в криминальных и террористических целях может быть сопоставим с наиболее разрушительными видами оружия. В список потенциальных «мишеней» для атак

с использованием информационного оружия попадают не только информационные ресурсы сети Интернет, но и объекты критически важной инфраструктуры государств в сфере промышленности, транспорта, энергетики. При этом масштаб и технологический уровень подобного деструктивного воздействия неуклонно возрастают.

Острота угроз криминального, террористического и военно-политического характера в информационном пространстве признается всеми без исключения странами. Дискуссия о путях обеспечения международной информационной безопасности (МИБ) ведется международным сообществом более полутора десятилетий. На данном этапе ключевой проблемой представляется отсутствие полноценной международно-правовой базы, регулирующей деятельность государств в сфере использования ИКТ, в том числе и ее военные аспекты.

Изучением данных вопросов занимается Группа правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по МИБ, которая создана в 2014 году в соответствии с российской резолюцией «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», принятой консенсусом в ходе 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Россия выступает автором данного документа на протяжении целого ряда лет. Наша резолюция неизменно получает консенсусную поддержку, при этом к списку ее соавторов с каждым годом присоединяется все больше стран (более 40 государств в 2014 г.).

ГПЭ ООН по МИБ созывается уже в четвертый раз*. В 2010 году российское председательство в Группе завершилось принятием доклада, формулировки которого позволили заложить основу предметной дискуссии по МИБ. По оценке Д. Стоукс, австралийского эксперта, возглавившего ГПЭ в 2012-2013 годах, доклад предыдущей Группы «проложил дорогу» обсуждению наиболее актуальных проблем в данной области, включая военно-политические аспекты использования ИКТ¹.

Итогом австралийского председательства в Группе, в свою очередь, стал документ, закрепивший всеобщую заинтересованность государств в мирном использовании ИКТ. Кроме того, в докладе данной ГПЭ был достигнут консенсус в отношении еще одного принципиального вопроса - применимости международного права к

*Ранее в 2004-2005, 2009-2010 и 2012-2013 гг.

сфере использования ИКТ. В документе зафиксирована сбалансированная формула: международное право в целом применимо к данной области, однако необходимо выработать общее понимание того, каким образом оно может применяться, а также в каком направлении в случае необходимости следует его адаптировать.

Очевидно, что не все правовые нормы, сформулированные применительно к традиционным средам деятельности человека, могут «автоматически» применяться в информационном пространстве. На международном уровне пока не выработано критериев применения международного права и методологии его адаптации к межгосударственным отношениям, возникающим в сфере использования ИКТ. Отсутствие у международного сообщества единого понимания в отношении обозначенных проблем препятствует предотвращению международных конфликтов с использованием ИКТ и демилитаризации информационного пространства.

Мандат новой ГПЭ, созданной в 2014 году, предполагает исследование существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению, включая нормы, правила или принципы ответственного поведения государств, меры укрепления доверия, вопросы использования ИКТ в конфликтах и того, как международное право применяется к использованию ИКТ государствами. По итогам четырех заседаний Группа призвана сформулировать практические рекомендации, которые должны стать итогом международного компромисса.

В настоящей статье предложен детальный обзор проблемных вопросов, возникающих в связи с применением международного права к цифровой среде. Вокруг этих проблем на различных международных форумах, в первую очередь в ООН, в настоящее время идет активная дискуссия, отражающая попытки государств найти международно-правовую «панацею» от угроз в информационном пространстве. Цель данной статьи - не столько предложить конкретные «рецепты», сколько систематизировать ход международного обсуждения.

1. Каким образом трактуется противоправное использование ИКТ в рамках современной системы международно-правовых норм?

В международном праве не выработаны общепризнанные понятия войны или вооруженной борьбы. Более того, не существует общепризнанного определения информационной войны, хотя такие дефиниции и содержатся в некоторых международных актах. Из-

учение признаков информационной войны и выработка общепризнанного определения необходимы еще и в силу того, что противоправное использование ИКТ для разрешения межгосударственных противоречий силовым способом обладает рядом особенностей, затрудняющих его правовую регламентацию:

- отсутствие «предвоенного» периода, и, следовательно, невозможность определения начала силовых действий военного характера;

- трансграничность, то есть возможность осуществления по существу агрессивных силовых действий на основе противоправного использования ИКТ в отношении противника без нарушения границ его территории;

- ИКТ сами по себе не являются оружием, что создает сложности с точки зрения классификации той или иной «атаки», осуществленной с использованием ИКТ, в качестве вооруженного нападения.

Специфика ИКТ не отменяет того факта, что достижение с помощью любой войны, в том числе информационной, целей завоевания или поражения противника противоречит Уставу ООН, принципу суверенного равенства государств.

2. Может ли противоправное использование ИКТ быть классифицировано как агрессия в соответствии с резолюцией ГА ООН 3314 «Определение агрессии» 1974 года?

В соответствии со ст. 2 данного документа квалификация действий государств как агрессии проводится на основании принципов применения вооруженной силы, первенства, критериев опасности и враждебности независимо от того, была ли объявлена война. Данные положения могут быть применимы к информационной сфере, однако отдельные нормы документа нуждаются в адаптации с учетом специфики ИКТ. В отличие от традиционного понимания агрессии, противоправное использование ИКТ не связано с введением войск и использованием вооруженной силы в традиционном понимании, что затрудняет классификацию информационного воздействия как акта агрессии.

3. Может ли применяться термин «оружие» к ИКТ?

Ввиду отсутствия в настоящее время международно-правовых актов, определяющих компьютерные атаки в качестве акта вооруженного нападения, ответить на данный вопрос затруднительно. Все установленные международно-правовые принципы, касающиеся таких понятий, как «применение силы», «акт агрессии», «воору-

женное нападение», предусматривают наличие оружия и его применение, в частности определенный уровень физического ущерба или захвата территории государства, в отношении которого было произведено нападение.

Термин «информационное оружие» используется в ряде международных документов, принятых в рамках ШОС и СНГ, например в приложении к Соглашению о сотрудничестве государств - участников СНГ (Санкт-Петербург, 20 ноября 2013 г.) в области обеспечения информационной безопасности: «информационное оружие - информационные технологии, средства и методы, применяемые в целях ведения информационной войны». Определение «информационная война» содержится в ст. 1 Соглашения между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.), в соответствии с которой признаками информационной войны являются воздействие на системы транспортировки, коммуникаций и управления воздушными, противоракетными и другими видами объектов обороны, в результате чего государство утрачивает способность обороняться перед лицом агрессора и не может воспользоваться законным правом самозащиты, нарушение функционирования объектов информационной инфраструктуры, в результате чего парализуются системы управления и принятия решений в государствах, компьютерные атаки на критически важные структуры.

Предложенные подходы к определению ключевых понятий, связанных с противоправным использованием ИКТ в целях, представляющих угрозу международному миру, безопасности и стабильности, могут быть использованы международным сообществом в качестве основы для выработки общепризнанного определения информационного оружия.

4. Какие юридические факты, связанные с противоправным использованием ИКТ, могут квалифицироваться как использование вооруженных сил (по смыслу ст. 39 Устава ООН) и породить право на самооборону (по смыслу ст. 51 Устава ООН)? Как определить пороговый уровень ущерба, после которого противоправное использование ИКТ трактуется как «вооруженное нападение» (по смыслу ст. 51 Устава ООН)?

В случае противоправного использования ИКТ сложно оценить физический ущерб, так как зачастую издержки носят нематериаль-

ный характер (например, утечки секретной информации на сайте WikiLeaks). К числу актуальных задач, стоящих перед международным сообществом, можно отнести определение порогового уровня ущерба в результате использования ИКТ, превышение которого позволяет квалифицировать его как агрессию.

В связи с этим отдельного изучения заслуживает принятое странами НАТО решение о распространении принципа коллективной обороны (ст. 5 Вашингтонского договора) на информационное пространство, которое, среди прочего, противоречит позиции стран НАТО о нецелесообразности разработки новых международных договоров в области информационных технологий и «автоматическом» применении существующих норм международного права.

5. Каковы должны быть юридические факты противоправного использования ИКТ, в том числе против критической информационной инфраструктуры, для порождения права на самооборону (по смыслу ст. 51 Устава ООН) и как они должны быть объективизированы? Какие международные структуры уполномочены осуществлять юридическую оценку и объективизацию юридических фактов?

Представляется, что в настоящее время Ирану (или любой другой стране, оказавшейся в его положении) подать в Международный суд жалобу на одну или несколько стран, организовавших атаку с использованием программы «Стакнет» (Stuxnet) на центрифуги по обогащению урана, не представляется возможным, так как в условиях отсутствия международно-правовой регламентации деятельности в данной сфере и соответствующих прецедентов неясно, какие именно фактические данные необходимы для осуществления международного правосудия и как подтвердить объективность этих данных. Указанные проблемы затрудняют международное правосудие в сфере МИБ, вследствие чего государства вынуждены выбирать неправовые формы реагирования на информационные атаки.

6. Как предотвратить злоупотребление со стороны государств в квалификации факта противоправного использования ИКТ в качестве обстоятельства, предоставляющего право на самооборону? Реализация права на самооборону обуславливает необходимость выработки критериев обоснования оправданности и пропорциональности ответных действий.

7. Можно ли рассматривать национальную информационную инфраструктуру как военный объект, против которой в случае конфликта по поводу противоправного использования ИКТ может быть применено «традиционное оружие» или ИКТ, предназначенные для поражения данных объектов?

8. Какие информационные инфраструктуры необходимо защитить от возможности противоправного использования ИКТ по гуманитарным соображениям?

Исходя из того что международное гуманитарное право предполагает обеспечение безопасности гражданского населения и защиту объектов, ключевых для безопасности гражданских лиц (каковыми являются и критические информационные инфраструктуры), нормы международного гуманитарного права нуждаются в серьезной адаптации в связи с развитием ИКТ. При этом важно учитывать, что ИКТ нельзя классифицировать как объекты в понимании международного гуманитарного права, так как ИКТ - это обобщенный термин для обозначения процессов обработки информации на основе вычислительной техники, а также методов поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации.

9. Каким образом возможно обеспечить соблюдение принципов пропорциональности и избирательности при проведении компьютерных атак? Распространяются ли ограничения международного гуманитарного права на применение различных видов информационного оружия (в частности, ограничения, связанные с использованием оружия, причиняющего излишние страдания, имеющего неизбирательное действие)?

10. Как избежать злоупотреблений со стороны государств при определении субъектов, ответственных за противоправное использование ИКТ?

Квалификация противоправного использования ИКТ как террористических или криминальных атак выводит их из сферы действия международного права применения силы и международного гуманитарного права и позволяет в одностороннем порядке принимать ответные меры, что, в свою очередь, создает угрозу для международного мира и безопасности.

11. Является ли использование ИКТ в целях нарушения социальной и политической стабильности, а также общественного порядка в другом государстве противоправным и можно ли его классифицировать как вмешательство во внутренние дела суверенного государства (по смыслу ст. 2 (4) Устава ООН)?

12. Каким образом обеспечить атрибуцию субъекта противоправного использования ИКТ?

Анонимность ИКТ и, как следствие, сложность идентификации агрессора могут привести к приписыванию факта применения силы государству, чьи информационные системы были использованы в противоправных целях. Как представляется, использование территории третьего государства в подобном случае влечет за собой его вовлечение в конфликт, но не перенесение на него ответственности за агрессию.

13. Как определить ответственность третьих стран, предоставляющих свои информационные системы для противоправного использования ИКТ?

Необходима выработка международно-правовых норм, закрепляющих обязательства государства не допускать использование национального сегмента информационного пространства для совершения информационных атак со стороны другого государства против третьих стран.

14. Каким образом определить ответственность государств за действия уполномоченных ими лиц с целью противоправного использования ИКТ?

В соответствии с нормами международного права государство несет ответственность за деятельность своих органов, а также лиц, которые действуют под контролем государства. Однако определить, действует ли определенное лицо в информационном пространстве в интересах какого-либо государства или под его контролем, может быть затруднительно.

15. Каким образом обеспечить реализацию права на нейтралитет государства в условиях использования конфликтуемыми сторонами его ИКТ для нарушения международного мира и безопасности?

Актуальной правовой проблемой является реализация права государств на нейтралитет, в случае если их информационные систе-

мы используются третьими странами для осуществления компьютерных атак или иных противоправных действий.

16. Каким образом возможно провести различия между комбатантами и некомбатантами в конфликте в информационной сфере, принимая во внимание анонимный характер использования ИКТ и их доступность?

17. Каким образом возможно определить театр ведения военных действий в информационном пространстве?

18. Как оценить связь между противоправным использованием ИКТ и подрывом государственного суверенитета? Можно ли считать вмешательством во внутренние дела государства действия, направленные на получение несанкционированного доступа к почтовому ящику государственного лидера или высокопоставленного деятеля конкретной страны? Составляет ли это угрозу международному миру и безопасности, акт агрессии, подрыва государственного суверенитета? Представляется, что не всякое противоправное использование ИКТ является подобной угрозой, а только социально опасное деяние, повлекшее серьезные последствия национального или мирового масштаба.

19. Какие международные либо национальные институты и на основании каких критериев уполномочены оценивать угрозы, возникающие в связи с противоправным использованием ИКТ в целях, представляющих угрозу международному миру и безопасности, а также последствия с точки зрения безопасности отдельных государств, нарушения их суверенитета, территориальной целостности и политической независимости? Исходя из того что правоприменением норм международного права в области международной безопасности занимается прежде всего государство, возникает озабоченность в связи с возможностью неадекватной оценки последствий и, как следствие, возникновением угрозы международной безопасности.

20. Каким образом и на какие финансовые средства предполагается обеспечить оснащение нуждающихся государств ИКТ и программно-техническими средствами, необходимыми для противодействия угрозам противоправного использования ИКТ в военно-политических и террористических целях, для осуществления

компьютерных преступлений? Какие нормативно-правовые и нормативно-технические акты предполагается положить в основу законодательства нуждающихся государств?

21. В каком направлении необходимо прикладывать усилия в целях противодействия использованию ИКТ в террористических и криминальных целях?

В настоящее время оно затруднено вследствие отсутствия актуальной международно-правовой базы. Одной из попыток создать действующий многосторонний инструмент в этой сфере является Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 года (Будапештская конвенция). Россия, как и многие другие страны, не участвует в ней из-за неприемлемости одного из основных ее положений - о трансграничном доступе к данным при проведении расследований, - которое идет вразрез с принципом государственного суверенитета. Статья 32 предусматривает в рамках оказания взаимной помощи возможность трансграничного доступа без согласия другой Стороны к общедоступным данным (пункт «а») или к хранящимся данным с добровольного согласия лица, имеющего законные полномочия раскрывать эти данные (пункт «б»). При этом положения статьи сформулированы настолько расплывчато, что непонятно, чье это разрешение, как оно получено, на какие ресурсы распространяется и каковы полномочия этого лица.

Россия неоднократно высказывала опасения, что эта статья фактически дает разрешение на проникновение в сети другого государства, что нарушает принцип суверенитета государств и противоречит самому духу партнерства и уважения, установившемуся в отношениях между государствами. Более того, возникает вопрос, а не превращается ли Будапештская конвенция в попытку легализовать шпионаж в глобальных масштабах? В контексте известных разоблачений Э.Сноудена ясно, что этот вопрос далеко не праздный.

Кроме того, стремительные темпы освоения цифрового пространства и внедрение новых технологий привели к тому, что Будапештская конвенция морально устарела. В период ее разработки (1997-2001 гг.) о многих угрозах в сфере информационной безопасности, включая некоторые уголовные преступления, не было известно либо им не придавалось должного значения. Появились новые виды преступлений в сфере информационных технологий, в частности использование злоумышленниками так называемых ботнетов - сетей ком-

пьютеров, зараженных вредоносной программой, которая позволяет удаленно выполнять различные противоправные действия. Также в качестве примера можно привести отсутствие ссылок в Будапештской конвенции на принятие антиспамовских мер, «фишинг» и др.

Сложно эффективно вести борьбу с новыми проявлениями терроризма в информационном пространстве без его юридического определения и, соответственно, криминализации как самого понятия, так и его составляющих. В Будапештской конвенции таких норм нет. Кроме того, документ предусматривает сложную процедуру внесения изменений, которые можно вносить только после ее ратификации большинством голосов. Таким образом, изменение текста конвенции становится труднореализуемым.

Растущее число стран выражает солидарность с Россией в том, что в настоящее время возникла потребность разработки под эгидой ООН конвенции по борьбе с преступностью в информационной сфере, которая исключала бы наиболее противоречивые положения Будапештской универсальной конвенции, учитывала ее положительный опыт и одновременно гарантировала суверенитет и невмешательство во внутренние дела государств. Необходим документ глобального охвата, учитывающий позиции всех стран и основанный на уважении принципа государственного суверенитета.

22. Каким образом возможно решить задачу поиска баланса между безопасностью и свободой, правом на доступ к информации и ответственностью государств за действия в информационном пространстве? В соответствии с положениями упомянутого доклада ГПЭ ООН по МИБ, принятого в 2013 году, государственные усилия по обеспечению информационной безопасности должны идти рука об руку с защитой прав человека и фундаментальных свобод. Шпионаж в информационном пространстве, покушение государства на частную жизнь пользователей (о чем стало известно в результате разоблачений Э.Сноудена) представляют собой реальную угрозу информационной безопасности, что актуализирует выработку норм, касающихся защиты прав человека и данных в информационном пространстве. В этом контексте особого упоминания заслуживает Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), в котором закреплены как права человека на свободу поиска, получения и распространения всякого рода информации и идей, так и связанная с этими правами особая ответственность, сопряженная с рядом ограничений,

необходимых для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

23. Как обеспечить обмен информацией о критических информационных инфраструктурах, не превратив их в легкую мишень для нападающего?

Компьютерные атаки против критической информационной инфраструктуры могут оставить тысячи человек без воды, еды и электричества. Нарушение функционирования информационных систем, обеспечивающих работу атомных электростанций и гидросооружений, может привести к многотысячным жертвам. Для обеспечения международного мира и безопасности необходимо закрепить обязанность государств воздерживаться от атак на критические информационные инфраструктуры. Но реализация подобного обязательства требует идентификации подобных инфраструктур, определения критериев отнесения тех или иных объектов к критическим национальным или международным инфраструктурам, однако это, в свою очередь, ставит под угрозу безопасность подобных инфраструктур, делает их «открытыми» для атаки.

Таким образом, очевидно, что международному сообществу потребуется длительное время для того, чтобы разрешить это противоречие. Однако очевидно и то, что время в данном случае работает против нас. Частота компьютерных нападений растет гораздо быстрее, чем продвигаются международные переговоры по данной теме. Как представляется, параллельно с обсуждением всего комплекса проблем, связанных с критической инфраструктурой, можно было бы использовать «тактику малых шагов» - например, в качестве первоначальной меры защитить банковскую инфраструктуру и заключить своего рода «договор о ненападении» в отношении банков. Какое международно-правовое оформление могли бы получить соответствующие обязательства государств? Как они могли бы быть реализованы на практике?

24. Возникает проблема политической и юридической оценки уязвимостей, выявляемых в продаваемых на рынке программно-технологических продуктах, которые могут быть использованы для осуществления актов противоправного использования ИКТ. В докладе ГПЭ ООН по МИБ 2013 года отмечается обеспокоенность международного сообщества возможностью включения в ИКТ скры-

тых вредоносных функций, которые могут использоваться в целях причинения ущерба национальной безопасности, снижения надежности использования ИКТ, а также подрыва доверия между контрагентами в сфере торговли. Как показать, что данные уязвимости не были сознательно «заложены» в продукты с целью последующего создания информационного превосходства? Какой информацией относительно возможных уязвимостей необходимо делиться между государствами, стремящимися к «транспарентным» отношениям, по поводу продуктов, поставляемых на мировой рынок ИКТ? Каким образом возможно регламентировать порядок обмена информацией относительно уязвимостей, не охваченных действующими договоренностями?

25. Одной из «модных» тем, активно продвигаемых Западом на международных площадках, является так называемое «наращивание потенциала». Меры по преодолению «цифрового разрыва» разных по уровню технологического развития государств актуальны и действительно необходимы, но как исключить возможность их использования в злонамеренных целях? Как гарантировать, чтобы программы помощи не были превращены в инструмент и маскировку вмешательства во внутренние дела государств-получателей? Каким образом возможна реализация мер по созданию цифровых потенциалов без сопутствующего расширения возможностей доступа спецслужб к данным частных лиц и государственных структур в странах-получателях международной помощи, что неизбежно будет подрывать национальную безопасность последних? Одновременно обостряется проблема гарантий безопасности для стран-доноров. Как не допустить появления «цифрового Франкенштейна» и предотвратить использование переданных технологий против них самих?

26. Насколько существующая модель управления сетью Интернет соответствует интересам обеспечения международной и национальной информационной безопасности? В каком направлении ее необходимо реформировать с учетом возможностей «мультистейкхолдерного» подхода к данной теме?

27. Каким образом могло бы быть выработано актуализированное в контексте научно-технического прогресса определение самого понятия ИКТ, учитывающее, среди прочего, достижения в сфере робототехники, искусственного интеллекта и др.?

По меткому сравнению К.Гетао, представителя Кении в ГПЭ ООН по МИБ 2014-2015 годов, информационно-телекоммуникационные технологии - «движущаяся мишень», они настолько динамичны, что правовые нормы не всегда успевают адекватно отразить новую информационную реальность. Тем не менее это не отменяет регламентацию межгосударственных отношений нормами международного права. В то же время нельзя отрицать того факта, что многие из его положений были разработаны в эпоху до кибер-революции и в основном были направлены на регулирование традиционных международных отношений, без учета влияния на них так называемого виртуального фактора. Новые технологические реалии требуют доработки и адаптации действующего международного права, если не по духу, то по форме.

Важнейшей проблемой является выработка признанных международным сообществом определений таких понятий, как «информационное оружие», «информационная война», «информационная агрессия» и др. В существенной доработке с целью приведения в соответствие с новыми реальностями нуждаются нормы международного гуманитарного права. В отдельных случаях необходима выработка новых правовых норм, регламентирующих международные отношения, возникающие в информационном пространстве. Необходимо также выработать систему мер по адаптации общепризнанных принципов и норм международного права к специфике цифровой сферы.

Российская сторона исходит из того, что вытекающие из Устава ООН общепризнанные принципы международного права *jus cogens* и соответствующие нормы международного права, а именно невмешательство во внутренние дела государств и неприменение силы и угрозы силой, остаются незыблемыми как в традиционном, физическом, так и в новом, цифровом пространстве.

По часто цитируемому в международных СМИ данным, в наше время более 130 государств включились в процесс наращивания «кибермускул» и отработывают навыки ведения кибервойн. Ими принимаются соответствующие доктрины, создаются специальные подразделения, в задачи которых входит ведение информационного противоборства. В информационном пространстве невозможно разграничить наступательный и оборонительный потенциалы. Отсюда

особые приоритетность и актуальность приобретает задача демилитаризации информационного пространства и принятия соответствующих международно-правовых обязательств. Натовские эксперты прорабатывают подходы, направленные на легализацию и регламентацию информационного противоборства (такие как «Таллинское руководство по применению международного права к кибервойне»).

Россия противопоставляет этому политику, направленную на предотвращение военно-политического противоборства в информационном пространстве, закрепление в системе международного права правил недопущения и эффективного урегулирования конфликтов с использованием ИКТ. Часть таких правил нашла отражение в концепции Конвенции об обеспечении МИБ, представленной Российской Федерацией 21-22 сентября 2011 года в Екатеринбурге на Международной встрече высоких представителей, ответственных за вопросы безопасности² и в инициативе государств - членов ШОС «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности»³, распространенной в 2011 году в ходе 66-й сессии Генассамблеи ООН в качестве официального документа.

С учетом динамики развития негативных тенденций в цифровой среде на данном этапе необходимо перевести проходящую в международном сообществе общеправовую дискуссию в практическое русло с выходом на конкретный результат. Важно добиться этого прежде, чем на пути милитаризации информационного пространства будет пройдена «точка невозврата».

¹Выступление в ходе заседания Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, октябрь 2013 г.

²Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). Утверждена 22.09.2011 // URL:<http://mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/542df9e13d28e06ec3257925003542c4!OpenDocument>

³Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности: письмо постоянных представителей Казахстана, Киргизии, Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 г. на имя Генерального секретаря. A/66/359 // URL: <http://rus.rusemb.org.uk/data/doc/internationalcoderus.pdf>

Ключевые слова: международное право, международная информационная безопасность (МИБ), информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Международная

ЖИЗНЬ

Мир вокруг нас

Алексей Кошель:

«Процессы глобализации и модернизации не ведут автоматически к культурной унификации, социально-экономическому росту, экономическому выравниванию и конвергенции, но сопровождаются все более жесткой диверсификацией социумов и культур. Это ведет не только к нарастанию неравномерности развития в рамках стратегий «догоняющей модернизации», но и способствует появлению кризиса идентичностей вопреки ожидаемой тотальной гомогенизации культурных семиозисов».

Иван Иванников:

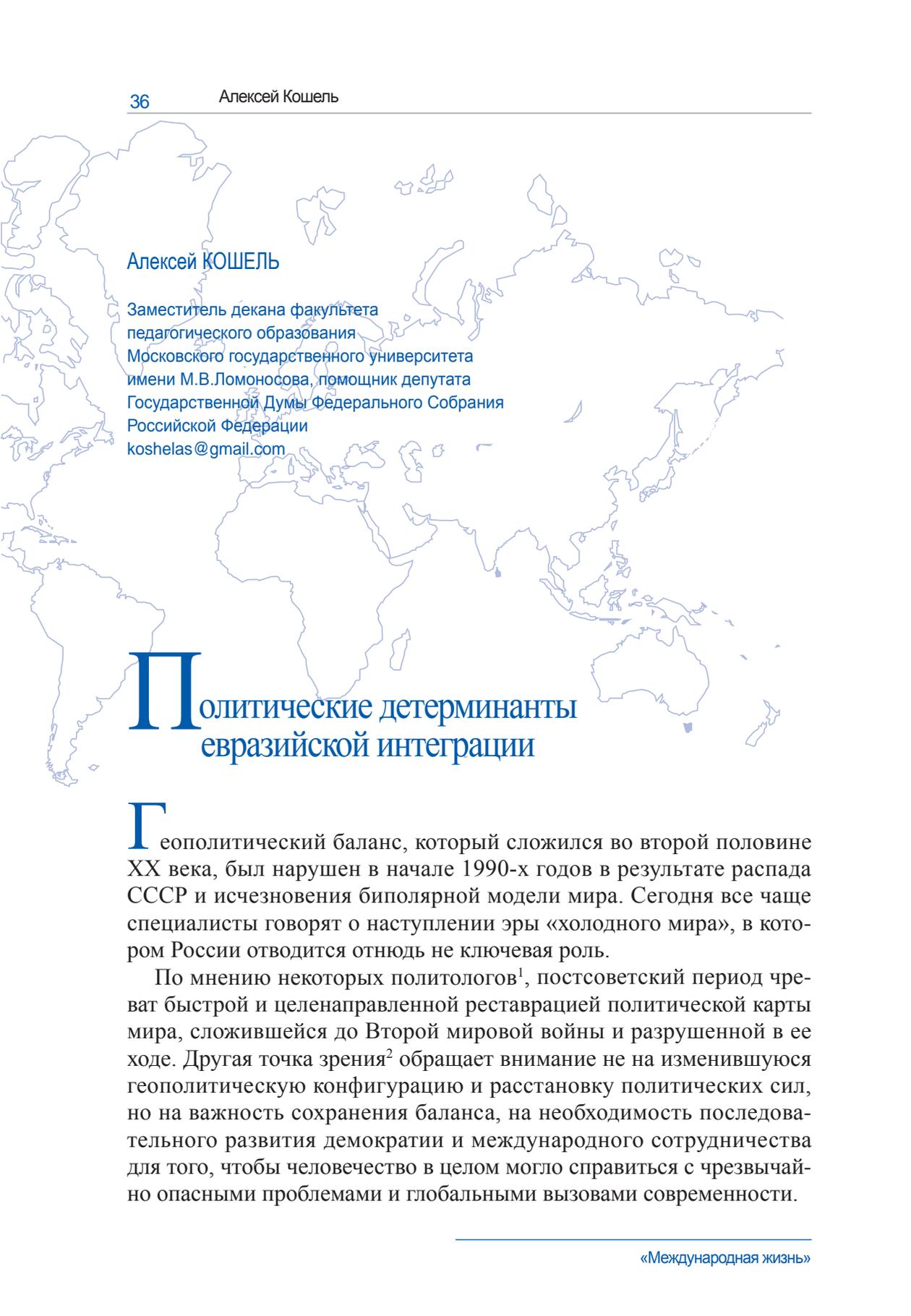
«Странные «игры» вокруг «Северного потока», очевидно, имеют не коммерческую, а геополитическую подоплеку, связанную со стремлением наших «западных партнеров» дать дополнительный политический козырь Киеву, который медленно, но верно теряет свои позиции эксклюзивного транзитера. Только от ввода в строй первой нитки газопровода Украина, по американским оценкам, теряет до 500 млн. долларов прибыли в год».

Эльдар Касаев:

«Летом 2014 года, по итогам разведочного бурения, компания заявила, что промышленных запасов сланцевого газа на востоке Украины нет. По этой причине «Shell» объявила о свертывании украинских проектов в данной области. По предположениям американских источников, крупные месторождения сланцевого газа имеются также на западе страны. Они охватывают часть Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей».

Тимур Кирабаев:

«В условиях биполярного мира вопросы военной безопасности и экономического развития были институционально разделены. «Старые» (возникшие после Второй мировой войны) региональные объединения были функционально специализированы на достижение военно-политической безопасности либо на экономическое развитие. Возникающие в последнее время «новые» региональные объединения (ЕСП, ШОС) представляют собой более всеобъемлющий, многогранный процесс».

Алексей КОШЕЛЬ

Заместитель декана факультета педагогического образования
Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова, помощник депутата
Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации
koshelas@gmail.com

Политические детерминанты евразийской интеграции

Геополитический баланс, который сложился во второй половине XX века, был нарушен в начале 1990-х годов в результате распада СССР и исчезновения биполярной модели мира. Сегодня все чаще специалисты говорят о наступлении эры «холодного мира», в котором России отводится отнюдь не ключевая роль.

По мнению некоторых политологов¹, постсоветский период чреват быстрой и целенаправленной реставрацией политической карты мира, сложившейся до Второй мировой войны и разрушенной в ее ходе. Другая точка зрения² обращает внимание не на изменившуюся геополитическую конфигурацию и расстановку политических сил, но на важность сохранения баланса, на необходимость последовательного развития демократии и международного сотрудничества для того, чтобы человечество в целом могло справиться с чрезвычайно опасными проблемами и глобальными вызовами современности.

Главным успехом отечественной дипломатии на закате советской истории стало подписание большого количества документов о взаимном признании, сотрудничестве и едином пространстве в разных областях социально-гуманитарной сферы сотрудничества в рамках нового регионального образования - Содружества независимых государств. Несмотря на ряд взаимных претензий и непонимания политики соседних государств, ряд стран СНГ успешно решают сложнейшие проблемы внутренней и внешней политики посредством участия в СНГ³. Вместе с тем глобализация и вытекающая из нее интеграция ускорили развитие сети наркотрафика, торговлю оружием, нескончаемый поток нелегальной миграции, увеличили угрозу терроризма⁴. Большинство целей СНГ в экономической сфере остались нереализованными. И только задачи СНГ в гуманитарной сфере успешно решаются посредством инструментов, которые созданы в Содружестве независимых государств.

Российский министр иностранных дел С.В.Лавров, выступая на международной конференции «Межкультурный диалог - системообразующий фактор развития гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ», заметил, что «в практике межкультурного диалога первостепенную роль играют вопросы, касающиеся образования, молодежной политики, СМИ и миграции, а для стран СНГ - также все, что связано с общим культурным наследием»⁵. Эти слова подтверждают политическую линию России, которая нашла свое отражение в официальных документах МИД России: «Позиции и авторитет российского государства в мире определяются не только его военно-политическим весом и экономическими ресурсами, но и культурным достоянием народов Российской Федерации»⁶.

Развитие международно-политической ситуации в начале XXI века, укрепление позиций России на международной арене, с учетом возросшей роли страны в становлении многополярного мира, повысили активность взаимодействия Российского государства с сопредельными государствами и всем постсоветским пространством. Это отвечает главным внешнеполитическим целям нашей страны: обеспечению безопасности, созданию благоприятных внешних условий для устойчивого и динамичного роста, модернизации экономики России, формированию отношений добрососедства с сопредельными государствами, всесторонней защите прав и законных интересов российских граждан, соотечественников, проживающих за рубежом, и всего русскоговорящего мира, поддержке русского языка и культуры народов России⁷.

После 20 лет существования Содружества независимых государств стало ясно, что отношения между бывшими союзными республиками развивались в основном на двусторонней основе. Несмотря на то что Россия остается в экономическом плане донором многих «братских народов», нынешняя политика некоторых из них приобрела несколько прозападную направленность, что, конечно, противоречит стремлениям России удержать лидирующее положение в Евразийском регионе⁸. Нельзя в полной мере согласиться с мнением А.И.Суздальцева, что возможность экономической и политической интеграции со странами СНГ практически утрачена⁹. Несмотря на то что лишь 10% договоров в рамках СНГ было реализовано, но в этой небольшой доле межгосударственных соглашений удалось сохранить серьезный фундамент для дальнейшей возможности интеграции на постсоветском пространстве.

В этой связи создание нового интеграционного образования - Евразийского экономического союза (ЕАЭС) - приобретает особое значение и являет собой стратегически правильный выбор. Однако необходимо понимать, что принятие решения об усилении интеграционных процессов в экономической сфере не может не затрагивать вопросы и гуманитарной сферы. Это в первую очередь вопросы образования, науки, здравоохранения, туризма, работы с молодежью, сфера Интернет-технологий (далее - ИТ), сфера миграции (включающая в себя как образовательную и трудовую миграцию, так и вопросы беженцев из «горячих точек» сопредельных государств).

Изначально евразийская интеграция рассматривалась исследователями только в экономическом аспекте, то есть изучались те выгоды, возможности и угрозы, которые несет региональная экономическая интеграция с учетом обеспечения механизмов экономического и технологического взаимодействия государств Евразийского региона, укрепление их конкурентоспособности на глобальном рынке.

Вместе с тем повышение конкурентоспособности, которое достигается путем модернизации производства, развития науки и техники и диверсификации экспорта, в краткосрочной перспективе имеет ряд рисков. Суть их следующая.

Страны евразийского пространства можно условно разделить на три группы по экспорту. «Группа А» (экспортеры нефти и газа) - Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан; «Группа Б» (экспортеры трудовых ресурсов) - Армения, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан; «Группа В» (экспортеры продукции с высокой сте-

пенью переработки и продукции АПК) - Беларусь, Грузия, Узбекистан, Украина.

Таким образом, если произойдет прогнозируемое резкое снижение цен на энергоресурсы, это окажет негативный эффект на экономику всех трех групп стран в случае их интеграции в экономической сфере. «Группа А» потеряет существенную долю экспортных доходов, соответственно, пострадают банковская система и реальный сектор за счет ухудшения доступа к внешнему финансированию. «Группа Б» потеряет существенную долю объемов финансовых поступлений от трудовых мигрантов. «Группа В» пострадает от высокой стоимости внешних заимствований¹⁰. Данная классификация приведена автором для отражения слабых сторон лишь экономического базиса для интеграции.

Поэтому политический аспект интеграции имеет также немаловажное значение, так как с самого начала интеграция может рассматриваться и как способ обеспечения национальных интересов в политической сфере, и как способ нивелировать либо существенно снизить негативное отношение к интеграции в случае снижения экономических показателей.

Серьезными стимулами в евразийской интеграции в политическом аспекте могут служить вопросы обеспечения безопасности, мира, укрепления демократии и социально-политической стабильности. Также стоит отметить, что анализ экономических выгод от интеграции будет иметь значение только в совокупности с анализом политических последствий региональной интеграции.

Оценка безопасности страны в результате интеграции имеет немаловажное значение, так как может способствовать смягчению противоречий между соседями. Интеграция имеет важным последствием увеличение экономического взаимодействия стран, поему стороны этой интеграции будут заинтересованы в мирном урегулировании конфликтных ситуаций (а именно: данное условие будет действовать в том случае, когда в интеграции участвуют равные по своему потенциалу субъекты, а выгоды от интеграции распределяются равномерно, и наоборот, не будет успешным, если государства будут действовать на основе политики национального суверенитета и экономического протекционизма¹¹).

Стоит отметить, что в условиях недоверия к России, в условиях желания сохранения собственного суверенитета независимых государств Евразийского региона, образовавшихся в результате рас-

пада Советского Союза, только экономическая интеграция может восприниматься этими странами приемлемой. Это подтверждается заявлениями и национальными стратегиями государств, принявших решение объединиться в Евразийский экономический союз. Отсюда и многовекторность политики, провозглашаемой странами - участниками формируемого ЕАЭС.

В основных положениях Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы, принятых в 2010 году, отмечается многовекторность внешнеполитического курса - это и укрепление торгово-экономического сотрудничества в рамках СНГ, Союзного государства, ЕврАзЭС, Таможенного союза и Единого экономического пространства наряду со стремлением участия в проекте Европейского союза «Восточное партнерство»¹². Президент Беларуси Александр Лукашенко отмечает, что Евразийский союз он видит как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции, предлагая «интеграцию интеграций». А именно найти компромиссы в политической плоскости с целью создать единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока.

Многовекторность внешнеполитического курса отмечается и в Казахстане. В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 годы, утвержденной в 2014 году, отмечается, что Казахстан развивает стратегическое партнерство с большинством глобальных игроков - Россией, Китаем, Соединенными Штатами Америки, Европейским союзом и Турцией, углубляет свое присутствие в центральноазиатских республиках, позиционируя свое участие не только в формирующемся Евразийском экономическом союзе, но и в таких альтернативных проектах, как «Большая Центральная Азия» или «Новый шелковый путь» под эгидой США, зона свободной торговли в рамках ШОС, что является интересом Китайской Народной Республики, а также «Новый османизм» (концепция пантюркизма), реализуемая Турцией¹³. Сам Нурсултан Назарбаев видит Евразийский союз звеном, сцепляющим евроатлантический и азиатский блоки, своего рода мостом, соединяющим динамичные экономики Европейского союза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии¹⁴.

Беларусью и Казахстаном непрерывно подчеркивается необходимость лишь экономического аспекта интеграции¹⁵.

Если обратиться к опыту других региональных интеграций, то будет видно, что именно экономический аспект позволяет снизить риск возникновения проблемы безопасности. Поэтому в Европе (в первую

очередь это касается Франции и Германии¹⁶) экономическая интеграция была предпринята как способ решения проблемы безопасности (Европейское объединение угля и стали). То же касается и созданной в 1991 году Аргентиной и Бразилией организации МЕРКОСУР, которая позволила заменить соперничество интеграцией. Как показал опыт этих интеграционных объединений, торговые контакты способствовали гармонизации отношений и стали серьезным барьером для создания противоречий между странами в области безопасности.

Региональная интеграция может способствовать решению и ряда социально-политических проблем, в первую очередь таких как неконтролируемые миграционные потоки.

Именно с этой целью Соединенные Штаты и Мексика договорились о создании объединения НАФТА. Это интеграционное объединение способствует развитию торговых отношений, что позволяет облегчить и, соответственно, увеличить экспорт мексиканских товаров, что снижает напряженность в вопросе нелегальной иммиграции в США со стороны Мексики путем увеличения занятости населения Мексики в производстве экспортируемых товаров, что в конечном итоге ведет к уменьшению различий между уровнем доходов и заработной платы*.

Целями, а чаще всего и условиями интеграции являются определенные «клубные правила», включающие в себя ряд социально-политических реформ в сфере демократии, развития институтов гражданского общества и защиты прав человека. Именно такие «клубные правила» установлены Европейским союзом для стран-претендентов на ассоциацию и членство в ЕС.

Так, например, Раздел III (политический) Соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом¹⁷ предусматривает, в частности, следующие положения:

- обеспечение принципов верховенства права и уважения прав человека и основных свобод;
- защита персональных данных;
- сотрудничество в области миграции, предоставления убежища и управления границами;
- обеспечение мобильности и отказ от дискриминации граждан, работающих за рубежом;

* Стоит отметить, что данное заключение чаще всего не действует в отношении низкоквалифицированной (дешевой) рабочей силы.

- создание условий для передвижения людей (реадмиссия, упрощение визовых процедур вплоть до полной их отмены);
- противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма;
- сотрудничество в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, прекурсоров и психотропных веществ;
- сотрудничество по вопросам предотвращения преступной и незаконной деятельности, организованной или иной;
- сотрудничество по борьбе с терроризмом;
- правовое сотрудничество (судебное сотрудничество по гражданским и уголовным делам).

Соблюдение указанных «клубных правил» является обязательным критерием для стран - кандидатов на вступление в Европейский союз. Указанные обязательные демократические принципы являются условием и в других интеграционных объединениях - МЕРКОСУР и ЭКОВАС. Данные принципы в рамках МЕРКОСУР* и ЭКОВАС** оказались действенными, в то время как на «великой шахматной доске» применительно к Украине, как оказалось, ими можно пренебречь для достижения политических интересов стран Европейского союза и США***.

Стоит отметить, что интеграция может включать в себя и социально-культурные (культурно-гуманитарные) аспекты, такие как сотрудничество в сфере образования и науки, туризма, поддержка семейных связей и обмен культурными программами и мероприятиями.

В данном аспекте можно показать, что Евразийский экономический союз - это перспектива, развитие на фундаменте серьезных и долгих культурных связей. Здесь немалую роль играет русский язык как средство коммуникации. Ведь большинство имиджевой инфор-

* Примером может служить приостановление членства Парагвая в МЕРКОСУР на период с июня 2012 г. по апрель 2013 г. в результате объявления Сенатом Парагвая импичмента президенту. Членство Парагвая было возобновлено только после проведения в стране демократических выборов президента.

** К примеру, 22 марта 2012 г. в Мали был свергнут президент незадолго до президентских выборов, в связи с чем государства - участники ЭКОВАС незамедлительно приняли решение о закрытии границ, введении экономических и дипломатических санкций в отношении Мали. Санкции возымели действие, и уже 8 апреля мятежники передали власть главе парламента Мали.

*** В результате государственного переворота в Украине в 2014 г. к власти пришла оппозиционная часть Верховной Рады, легитимный президент покинул страну, был заменен исполняющим обязанности без проведения демократической процедуры импичмента, депутаты от президентской Партии регионов и Компартии Украины подверглись гонению, правительство было сформировано парламентом. Но эти события не только не остановили процесс интеграции Украины и Европейского союза, но, и наоборот, стали толчком к скорейшему подписанию Соглашения об ассоциации без каких-либо нареканий со стороны Европейского союза.

мации о России и Евразийском экономическом союзе сегодня производится на русском языке. Другими базисами интеграции остаются, хотя это и может быть воспринято как спорный тезис, именно политика России в отношении цен на энергоресурсы для «дружественных» государств СНГ. Россия по-прежнему воспринимается как центр интересов русскоязычных, доля которых в странах СНГ остается значительной, и ядро миграционной системы на постсоветском пространстве.

Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный 29 мая 2014 года, и предшествующая ему Декларация о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года не содержат политических аспектов интеграции, ограничиваясь лишь тесным экономическим взаимодействием.

Учитывая аналитику, проведенную международным агентством «Евразийский монитор» по заказу Евразийского банка развития в 2012 и 2013 годах¹⁸, жители стран - участниц формирующегося Евразийского союза, а также потенциальные его участники скептически оценивают возможность политической интеграции, опасаясь потери собственного суверенитета в результате давления единственного среди участников ЕАЭС мощного государства - России. Скептикам можно возразить, отметив, что региональная интеграция, наоборот, может способствовать увеличению роли малых государств, по отдельности мало конкурентных, на мировую политику в результате участия в интеграционных объединениях¹⁹.

Можно сказать, что интеграция в рамках формирующегося Евразийского экономического союза может являться средством обеспечения национальных интересов не только в экономической, но и в политической и гуманитарной сферах, способствуя решению проблем безопасности, облегчению решения ряда социально-политических и социально-культурных проблем.

В этих условиях политика гуманитарного сотрудничества позволяет разным странам не только осознать свои национальные интересы и отстоять их на мировой арене, она дает возможность системно развивать те социальные, политические стратегии, которые способствуют возрождению национального достоинства и авторитета.

С другой стороны, гуманитарное сотрудничество, осуществляемое в последние десятилетия, показало, что многие теории классической модернизации не соответствуют приобретенному реальному опыту тотальных преобразований.

Оказалось, что процессы глобализации и модернизации не ведут автоматически к культурной унификации, социально-экономическому росту, экономическому выравниванию и конвергенции, но сопровождаются все более жесткой диверсификацией социумов и культур. Это ведет не только к нарастанию неравномерности развития в рамках стратегий «догоняющей модернизации», но и способствует появлению кризиса идентичностей вопреки ожидаемой тотальной гомогенизации культурных семиозисов. Народы ощутили, что глобальный мир содержит в себе угрозу их идентичности, и, как реакция на эту угрозу, возникла политика регионализации и «неолокализма».

Кроме того, политические аспекты интеграции государств - участников ЕАЭС и потенциальных участников ЕАЭС сегодня достигаются на других интеграционных площадках - Союзное государство Беларуси и России, Содружество независимых государств, Евразийское экономическое сообщество, Организация Договора о коллективной безопасности. И хотя деятельность СНГ и ЕвразЭС в целом сегодня, может быть, не так эффективна, остается надежда на то, что успешный опыт политического сотрудничества, созданный в рамках указанных структур, будет востребован на следующем (политическом) этапе интеграции государств - участников формирующегося Евразийского экономического союза.

¹Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро. М., 2004; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.

²Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М.: Институт экономических стратегий, 2008. С. 329-336.

³Бархударян В.Б. Исторические уроки победы над фашизмом // Победа над фашизмом в 1945 году: ее значение для народов СНГ и мира. Материалы международной конференции. Москва, 8-9 апреля 2010 г. М., 2011. С. 174-177.

⁴Гусейнов А.А. Послевоенное утстройство и современные угрозы миру // Победа над фашизмом в 1945 году: ее значение для народов СНГ и мира. Материалы международной конференции. Москва, 8-9 апреля 2010 г. М., 2011. С. 207-209.

⁵Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 827.

⁶Основные направления политики Российской Федерации в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества, утв. Министерством иностранных дел Российской Федерации 18 декабря 2010 года // URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/fd3aa5ccb0c5f96b442579ec004ec849!OpenDocument> (дата обращения: 08.07.2014).

⁷Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Президентом РФ от 12 февраля 2013 года // URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 08.07.2014).

⁸*Кортунов С.В.* Россия в мировой политике после кризиса. М.: Красная звезда, 2011. С. 366.

⁹Постсоветское пространство: единство и многообразие / А.И.Суздальцев // Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить [под ред. С.А.Караганова]. М.: ООО «ИД «РУСЬ» - «ОЛИМП», 2008.

¹⁰Риски для государственных финансов государств - участников СНГ в свете текущей мировой нестабильности. Доклад ЦИИ ЕАБР. Санкт-Петербург, 2012.

¹¹*Jean Monnet.* Note de réflexion du 5 août 1943 à Alger. // URL: <http://www.macosa.ch/PDF/Jean%20Monnet.pdf> (дата обращения - 08.07.2014 г.).

¹²Официальный портал правовой информации Республики Беларусь // URL: <http://law.sb.by/1002/> (дата обращения: 01.07.2014).

¹³Официальный сайт Министерства иностранных дел Казахстана // URL: http://mfa.gov.kz/ru/#!/консерсия_2020/ (дата обращения: 01.07.2014).

¹⁴*Назарбаев Н.* Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 октября.

¹⁵См.: Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / Под общей ред. к.полит.н. Е.М.Кузьминой. М: ИЭ РАН, 2013. С. 37-38.

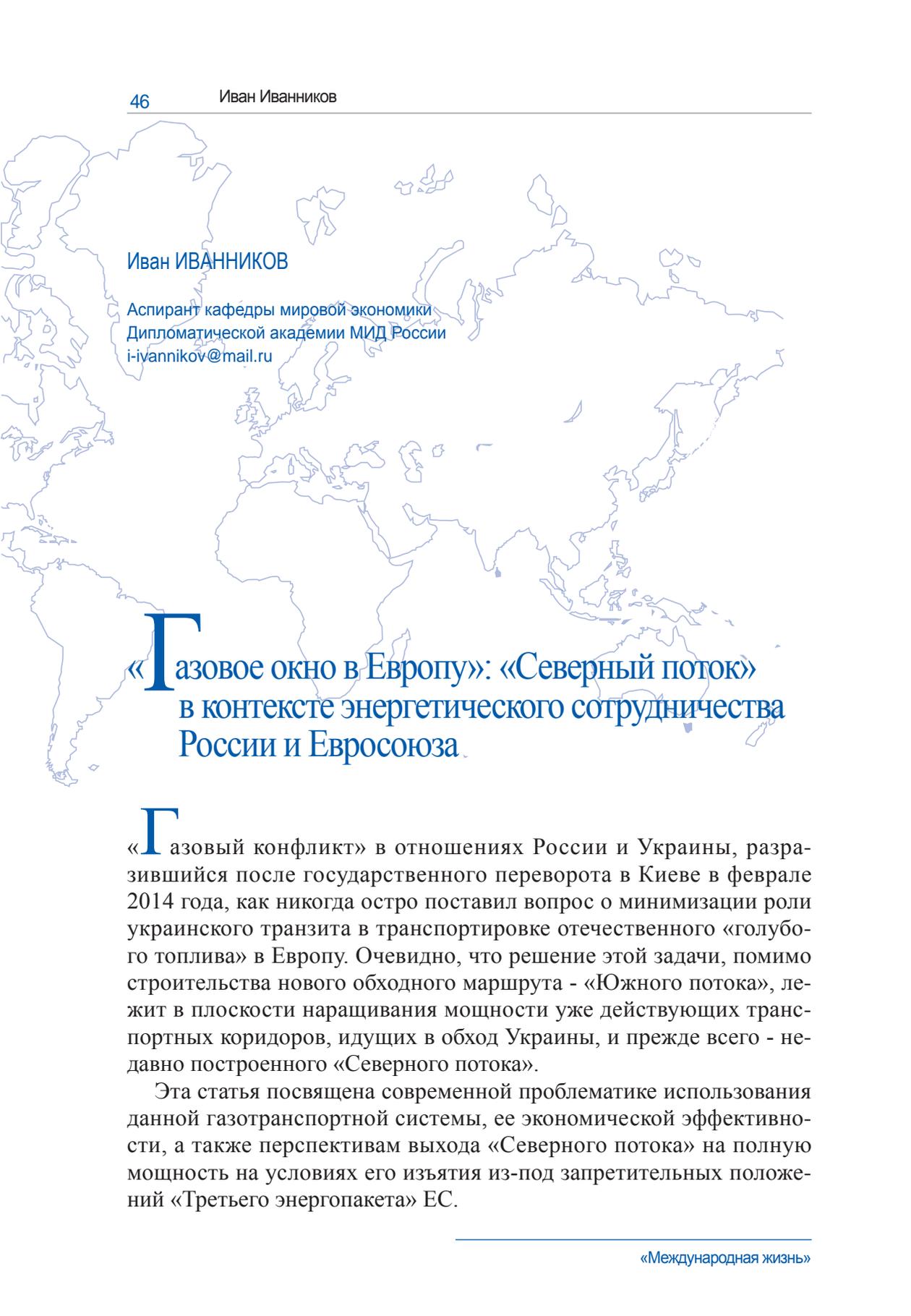
¹⁶См.: *Шахалилов Ш.* Сравнительный анализ интеграционных процессов в Европе и на постсоветском пространстве // Общество. Государство. Политика. 2008. Ноябрь. №2. С. 63-64.

¹⁷URL: [http://www.glazev.ru/upload/iblock/Ukrain_EU\(rus\).pdf](http://www.glazev.ru/upload/iblock/Ukrain_EU(rus).pdf) (дата обращения: 01.07.2014).

¹⁸См.: Интеграционный барометр ЕАБР - 2013. ЦИИ ЕАБР, 2013. С. 74 // URL: http://www.eurasiamonitor.org/rus/files/245/file/Integracionnyj_barometr_EABR_2-ja_volna_Analiticheskij_doklad_rus.pdf (дата обращения: 01.07.2014).

¹⁹*Грибанова Г.И., Марышев А.А.* Политические детерминанты региональной интеграции в современном мире // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. №14. С. 174-175.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕврАзЭС, СНГ, интеграция, политика, гуманитарное сотрудничество, регионализация, глобализация.

Иван ИВАННИКОВ

Аспирант кафедры мировой экономики
Дипломатической академии МИД России
i-iyannikov@mail.ru

«Газовое окно в Европу»: «Северный поток» в контексте энергетического сотрудничества России и Евросоюза

Газовый конфликт в отношениях России и Украины, разразившийся после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года, как никогда остро поставил вопрос о минимизации роли украинского транзита в транспортировке отечественного «голубого топлива» в Европу. Очевидно, что решение этой задачи, помимо строительства нового обходного маршрута - «Южного потока», лежит в плоскости наращивания мощности уже действующих транспортных коридоров, идущих в обход Украины, и прежде всего - недавно построенного «Северного потока».

Эта статья посвящена современной проблематике использования данной газотранспортной системы, ее экономической эффективности, а также перспективам выхода «Северного потока» на полную мощность на условиях его изъятия из-под запретительных положений «Третьего энергопакета» ЕС.

ТРАНСБАЛТИЙСКИЙ ТРУБОПРОВОД: ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ И ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА

Рассмотрим вначале базовые характеристики ГТС «Северный поток» и ключевые факты, связанные с его строительством.

Проект морского трансграничного газопровода на Балтике начал прорабатываться еще в конце 1990-х годов финско-российским консорциумом «North Transgas Oy». Впоследствии финский партнер из него вышел, и «Газпром» предложил освободившуюся долю немецким компаниям, с которыми давно и тесно сотрудничал, - «E.ON Ruhrgas AG» и «Wintershall Holding GmbH» (дочернее предприятие крупнейшего в мире химического концерна «BASF SE»). В 2000 году Еврокомиссия без проволочек, «авансом», предоставила проектируемому Северо-Европейскому газопроводу статус трансъевропейской энергетической сети (Trans-European Network: TEN-E), то есть признала его одним из приоритетных европейских проектов в области энергетической инфраструктуры.

В Евросоюзе главным лоббистом и бенефициаром проекта выступила Германия. 8 сентября 2005 года Президент России В.В.Путин и канцлер ФРГ Г.Шрёдер подписали межправительственное соглашение о строительстве газопровода. В декабре 2005 года был учрежден консорциум «Северо-Европейский газопровод» (в 2006 г. переименованный в «Северный поток» - «Nord Stream AG»), созданный с целью его планирования, строительства и последующей эксплуатации. Акционерами компании-оператора стали «Газпром» (51% акций) и германские «E.ON Ruhrgas AG» и «Wintershall Holding» (по 24,5% акций каждая). Совет акционеров возглавил бывший канцлер ФРГ Г. Шрёдер, а управляющим директором стал немец М.Варниг (гражданин бывшей ГДР и давний знакомый В.В.Путина). Несмотря на то что газопровод в то время проектировался как двустороннее российско-германское предприятие, Еврокомиссия в 2006 году вновь подтвердила его статус TEN-E как «отвечающего интересам всей Европы».

Почему Германия сделала ставку на этот «стратегически важный проект, который необходимо реализовать» (высказывание А.Меркель)? Можно выделить как минимум две причины. Во-первых, по итогам «оранжевой революции» 2004 года на Украине в Берлине сделали негласный вывод о том, что эта страна вступила в полосу длительной турбулентности, вследствие чего риски украинского газового транзита опасно возрастают и от них нужно

«подстраховаться». То, что Украина как транзитное государство не заслуживает доверия, немцы поняли намного раньше, чем об этом на Западе было сказано вслух. Во-вторых, не следует забывать, что ключевой предпосылкой строительства «Северного потока» стал обмен активами между «Газпромом» и немецкими участниками консорциума. В 2005 году Газпром договорился с «Wintershall Holding» о совместном освоении Южно-Русского месторождения - главной ресурсной базы проекта. Российская монополия впервые решилась допустить иностранную компанию к разработке своих месторождений газа, получив в обмен доступ к рынку конечного потребления в Германии.

Режим «наибольшего благоприятствования» со стороны Еврокомиссии на начальном этапе проекта был обусловлен не только лоббистскими возможностями Берлина, но и тем, что его целевыми рынками должны были стать, наряду с Германией, и некоторые другие страны Западной Европы. Кроме того, в состав Евросоюза в то время еще не вступили восточноевропейские государства, отягощенные антироссийскими фобиями и плотно «завязанные» на США. Как отмечает польский исследователь С.Гардоцкий, «создание российско-немецкого консорциума во главе с Г.Шрёдером было... не результатом тайного сговора между Россией и Германией, а частью Энергетического диалога всего ЕС (в составе до 2004 г.) с Россией»¹.

В 2008 году рентабельность газопроводов в Германии была ограничена 5%, после чего «Газпром» предложил снизить долю немецких компаний в пользу других европейцев, чтобы обосновать возврат кредитов коммерческим банкам. В том же году в консорциум вошла крупнейшая голландская газовая компания «N.V.Nederlandse Gasunie». В обмен «Газпром» получил 9% акций в ее «дочке» «BVL Company», созданной с целью строительства и эксплуатации морского газопровода «BVL» из Нидерландов в Великобританию. Эта «рокировка» была проведена с дальним прицелом: чтобы создать задел для возможного строительства третьей нитки «Северного потока» в Соединенное Королевство. В 2010 году в число акционеров «Nord Stream AG» вошел «GDF Suez S.A.», не желавший приобретать газ через немецких посредников. Его участие принесло консорциуму дополнительное финансирование, а также помогло получить необходимые экологические согласования в ЕС².

В итоге доли участников «Nord Stream AG» распределились следующим образом: ОАО «Газпром» - 51%, «E.ON Ruhrgas AG» и

«Wintershall Holding» - по 15,5%, «N.V.Nederlandse Gasunie» и «GDF Suez S.A.» - по 9%. Потребителями поставляемого газа стали семь стран Евросоюза (ФРГ, Франция, Дания, Голландия, Бельгия, Великобритания, Чехия). «Nord Stream» превратился в действительно общеевропейский проект.

Основной ресурсной базой «Северного потока» является Южно-Русское месторождение (площадь 1100 кв. км), расположенное в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого АО. Его разведанные запасы составляют 825 млрд. куб. газа и 5,7 млн. тонн нефти. В декабре 2007 года месторождение было запущено в промышленную эксплуатацию. Его проектная мощность оставляет 25 млрд. куб. метров газа в год, а добыча осуществляется в круглогодичном режиме.

На прединвестиционной стадии главным препятствием на пути «Северного потока» стали мучительные политические и экологические согласования со странами Балтии. Наиболее упорно сопротивлялись Польша, Латвия и Эстония. Они категорически отказались пропускать трубопровод через свои экономические зоны, а Эстония даже безуспешно пыталась продлить свои территориальные воды в Финском заливе на три мили, чтобы помешать трубоукладочным работам. Официальная Варшава, обозвав «Nord Stream» «газопроводом Молотова - Риббентропа», наложила запрет на его финансирование по линии Европейского инвестиционного банка. Как отмечал российский исследователь М.Буякевич, усилиями этих стран была организована «целенаправленная, последовательная и четко спланированная кампания по срыву этого проекта»³.

Действиями противников «Северного потока» дирижировали Соединенные Штаты, которые с самого начала заявили о своем негативном к нему отношении. Возглавляемая Вашингтоном коалиция «непримиримых» активно пыталась повлиять на «колеблющиеся» страны Балтии - Данию, Финляндию и Швецию, упирая в основном на энергетическую безопасность Европы, а также на вопросы экологии, которым в Скандинавии традиционно придается особое значение. Согласие североевропейской «тройки» было получено благодаря ряду уступок и компромиссов. По их требованию маршрут газопровода, намеченный, насколько это было возможно, как прямая линия, был дважды скорректирован. Было решено не применять при его прокладке по морскому дну никаких взрывных работ, а также отказаться от строительства компрессорной платформы вблизи шведского острова Готланд.

В результате «Северный поток» был построен без насосной станции, поддерживающей давление в трубе (эту задачу пришлось решать с помощью других технологических приемов). Были также минимизированы риски воздействия прокладки труб на экологию морской среды - для их укладки было использовано уникальное судно «Solitaire Allseas», способное осуществлять эти работы без якорной стоянки. Компания-оператор согласилась не производить укладку труб в районах нереста балтийской сельди в период с мая по октябрь, а также на время остановки перелетных птиц в этих местах⁴.

Процесс получения разрешений у стран Балтии длился четыре года - примерно на год дольше, чем планировалось (при этом сам газопровод в двухниточном исполнении был построен и запущен в эксплуатацию за два с половиной года). Экологические аргументы были в значительной степени прикрытием геостратегических мотивов Вашингтона и его восточноевропейских сателлитов, не желавших допустить усиления позиций России на Балтике. Однако коммерческая целесообразность, а также мощная политическая поддержка со стороны Берлина в конечном счете перевесили попытки «сдерживания России», которые Евросоюзу пытались навязать США и ряд государств бывшего советского блока.

14 февраля 2010 года истек срок, в который могли быть поданы жалобы по вопросам прокладки газопровода. К этому времени компанией-оператором были получены все необходимые национальные и наднациональные разрешения. В марте 2010 года «Nord Stream AG» привлек внешнее финансирование синдиката 26 банков на сумму 3,9 млрд. евро для строительства первой нитки, из которой 3,1 млрд. евро были получены под гарантии агентств экспортного кредитования «SACE» и «Herms». Эта сумма составила 70% бюджета проекта; остальные 30% внесли акционеры пропорционально своим долям в консорциуме⁵.

Сооружение газопровода было проведено в рекордно короткие сроки: средняя скорость трубоукладки оказалась значительно выше ожидаемой. Первая нитка «Северного потока» была построена за 16 месяцев (апрель 2010 - август 2011 г.). 8 ноября 2011 года по ней начались коммерческие поставки газа в Евросоюз. Вторая нитка (она прошла по дну моря на расстоянии в 50 м от первой) была уложена в период с марта 2011 года по апрель 2012-го также с опережением графика и введена в эксплуатацию в октябре

2012 года. «Северный поток» стал самым протяженным подводным трубопроводом в мире (длина каждой нитки - 1124 км). Его мощность составляет 55 млрд. куб. м газа в год (27,5 млрд. куб. м - пропускная способность каждой нитки). Этих объемов достаточно для снабжения более 26 млн. европейских домохозяйств. Срок гарантийной безремонтной эксплуатации трубопровода - 50 лет, однако, по мнению экспертов, «при столь стремительном росте технических инноваций он прослужит гораздо дольше при условии его регулярной модернизации»⁶.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ «СЕВЕРНОГО ПОТОКА»

Геополитические преимущества трансбалтийского газопровода достаточно весомы: он исключает транзит через третьи государства и напрямую связывает российских поставщиков газа с потребителями в странах ЕС, что повышает надежность поставок, уменьшает страховые и политические риски. Обходной морской трубопровод гарантирует поставки огромных объемов газа потребителям в случае конфликтов России с транзитными государствами, прежде всего Украиной.

Коммерческая привлекательность «Северного потока» определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, укладывать трубы в мелководном Балтийском море оказалось дешевле, чем на суше, где пришлось бы договариваться с владельцами отчуждаемых участков земли и в ряде случаев выплачивать им солидную компенсацию⁷. Во-вторых, из газотранспортного баланса исключены транзитные государства. При прокачке газа через Балтику нет необходимости платить транзитные платежи, размер которых мог бы быть весьма значителен (расчеты показывают, например, что стоимость прокачки 55 млрд. куб. м газа через территорию Украины составила бы в 2013 г. 1 млрд. долл.). Поэтому, как неоднократно отмечала компания-оператор, транзитный тариф «Северного потока» является самым дешевым из всех российских маршрутов. Тарифная ставка официально не раскрывается, но, по неофициальным данным, в 2013 году она составила 1,7 доллара за прокачку 1 тыс. куб. м газа на 1 тыс. км, что заметно дешевле ставок украинского транзита⁸.

По официальным данным «Nord Stream AG», строительство и эксплуатация «Северного потока» в течение всего срока его службы будет на 25% дешевле в сравнении с существующими наземными маршрутами. Директор по связям с общественностью компании-оператора У.Лиссек заявил по этому поводу: «Какими бы ни были геополитические преимущества [проекта]... следует признать, что «North Stream AG» создавался и действует как чисто коммерческая организация»⁹. Вместе с тем следует отметить, что общая стоимость «Северного потока» выросла с 7,4 млрд. евро до 8,8 млрд. евро. Его удорожание на 1,4 млрд. евро объясняется в первую очередь непредвиденным повышением ставок банковских кредитов ввиду того, что активная стадия строительства совпала с мировым финансовым кризисом. Несколько увеличились и его плановые сроки окупаемости: сейчас они составляют около 15 лет. Для проекта с такими капиталовложениями 15 лет - это вполне приемлемый срок, что подтверждается и готовностью крупных зарубежных банков в него вкладываться¹⁰.

Вместе с тем инвестиции в этот трубопроводный маршрут могут принести значительную прибыль лишь при его полной загрузке, которая до сих пор не обеспечена. Камнем преткновения в данном случае является вступивший в силу в марте 2011 года «Третий энергопакет» ЕС. Как известно, в него включена дискриминационная «газпромовская оговорка», в соответствии с которой от российского монополиста требуется разрешить доступ сторонним компаниям к его инфраструктуре в Европе. По новым правилам ЕС владельцы трубопроводов должны предоставлять часть своих мощностей «независимым поставщикам», не требуя с них долгосрочных гарантий прокачки, что является ключевым фактором окупаемости дорогих инфраструктурных проектов. Соответственно, «Газпром» и его партнеры должны строить удвоенные газотранспортные мощности на территории ЕС: половину для себя и половину - для других участников газового рынка.

«СЕВЕРНЫЙ ПОТОК»: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Сам морской газопровод формально не подпадает под действие «Третьего энергопакета», поскольку он проложен по дну Балтики, а не по территории стран Евросоюза. Однако с его сухопутными продолжениями «OPAL» и «NEL», построенными одновременно с пер-

вой и второй ветками «Северного потока», дело обстоит сложнее. Напомним, что ГТС «OPAL» (производительность 35 млрд. куб. м газа в год, протяженность 470 км) проходит от берегового терминала в Грайфсвальде по территории Германии на юг до границы с Чехией. ГТС «NEL» (производительность 20 млрд. куб. м газа в год, протяженность 440 км) проходит от Грайфсвальда по северу ФРГ до коммуны Реден (Нижняя Саксония), где расположено крупнейшее в Германии ПХГ (подземное хранилище газа); отсюда подаваемый по нему газ поступает потребителям в Дании, Бельгии, Голландии и Великобритании. Владельцем акций «OPAL», наряду с «WINGAS» (80%), является «E.ON Ruhrgas AG» (20%). Совладельцами «NEL» являются немецкие «WINGAS» (51%) и «E.ON Ruhrgas AG» (10%), голландская «N.V. Nederlandse Gasunie» (20%) и бельгийская «Fluxys G» (19%). Оба газопровода были построены «OPAL NEL Transport GmbH» - дочерней компанией «WINGAS». Такая схема обеспечила учет интересов «Газпрома», поскольку «WINGAS» является его совместным предприятием с «Wintershall Holding GmbH» (доля «Газпрома» - 50% минус одна акция).

«OPAL» и «NEL» начали строиться еще до вступления в силу «Третьего энергопакета» и, строго говоря, подпадают под нормы «Второго энергопакета». Однако, по логике Брюсселя, это обстоятельство означает лишь то, что окончательный уровень ограничений для них пока не согласован. Следует отметить, что на стадии строительства Еврокомиссия обещала обоим газопроводам исключения, тем более что «Третий энергопакет» тогда еще не вступил в силу, однако впоследствии пересмотрела свой подход и в марте 2012 года обязала «OPAL» и «NEL» резервировать до 50% мощностей для других сторонних поставщиков газа. Это скандальное решение означает, что «Газпром» может прокачивать через обе ветки «Северного потока» только 27,5 млрд. куб. м газа, что составляет половину его мощности.

Возникает закономерный вопрос: почему Еврокомиссия объявила об этих ограничениях после того, как «OPAL» был уже построен, а «NEL» достраивался, произвольно «изменив правила по ходу игры»? Требование обеспечения доступа третьих лиц к «OPAL» и «NEL» выглядит не только неправомерным, но и абсурдным, если учесть, что в эти ГТС входит только «Северный поток» и никто другой доступ к ним получить не может. «Сторонние поставщики» не существуют в природе, и их появления не предвидится. Искусственное 50-процентное ограничение мощности данных газопроводов, по существу, пере-

черкивает предоставленный «Северному потоку» статус ТЕН, так как фактически блокирует возможность его реализации.

Начиная с декабря 2011 года, российская сторона ведет трудные переговоры с Еврокомиссией о судьбе «OPAL» и «NEL». «Газпром», естественно, настаивает на сохранении за собой 100% резервирования их мощностей. Примечательно, что в 2012 году немецкий национальный регулятор - Федеральное сетевое агентство - удовлетворило заявку на 100-процентную загрузку «OPAL», но Еврокомиссия отменила это решение. Для ведения переговоров о выводе «OPAL» из-под действия «Третьего энергопакета» в конце 2012 года была создана специальная рабочая группа из представителей ЕС и РФ.

Весной 2013 года ограничения на эксплуатацию «OPAL» впервые создали реальную угрозу недопоставки газа по контрактам «Газпрома». Чтобы избежать этого, российская монополия благодаря разрешению немецкого регулятора «в виде исключения» смогла использовать «Северный поток» на полную мощность с 20 марта по 10 апреля 2013 года. В поддержку «Газпрома» активно выступила и совладелец «OPAL» (через компанию-оператора) германская «Wintershall Holding GmbH». Ее глава Р.Зеле назвал сложившуюся ситуацию «неудовлетворительной» и потребовал отменить 50-процентный лимит¹¹. Под давлением немцев Еврокомиссия, казалось, дрогнула: в апреле 2013 года ее пресс-секретарь М.Хольцнер заявила, что «Европа может дать «OPAL» 22-летнее исключение из правил». Летом 2013 года глава гендиректората ЕК по энергетике Ф.Лоу подтвердил, что Брюссель ведет переговоры с «Газпромом» по изъятиям из норм «Третьего энергопакета», «их продолжительность может составить 22 года»¹².

Рабочая группа ЕС и РФ рассматривает пять возможных сценариев разрешения ситуации вокруг «OPAL». Российская сторона в лице министра энергетики А.Новака считает наиболее приемлемым вариант, при котором компаниям, которые занимаются его эксплуатацией, разрешат выставлять на аукционах излишние мощности по прокачке газа. Такое решение формально предоставляет доступ к трубе сторонних производителей, но на практике эти мощности сможет использовать только «Газпром», поскольку закачать газ в трубу за пределами России невозможно. Очевидно, что предлагаемые аукционы будут носить заранее прогнозируемый характер. По мнению аналитика ИФК «Солид» Г.Галлиевой, «предложения Новака... выглядят витиеватыми. Но в реальности они решили бы проблему «формаль-

ностей)... ведь оставшиеся 50% объема ГТС «OPAL» в любом бы случае частично пустовали»¹³. Вместе с тем аукционная схема носит компромиссный характер, так как в случае ее принятия дамклов меч «Третьего энергопакета» по-прежнему будет нависать над «OPAL», а временные изъятия могут быть отменены Брюсселем.

Переговорные позиции «Газпрома» усилились после ввода в эксплуатацию в январе 2013 года чешского газопровода «GAZELLE». Эта ГТС протяженностью 166 км и мощностью 30 млрд. куб. м газа в год на севере стыкуется с «OPAL», фактически являясь дальнейшим сухопутным продолжением «Северного потока». Проходя по Чехии с севера на юг, она соединяется с ГТС «MEGAL», по которой российский газ идет в южную Германию и во Францию. Пуск «GAZELLE» обеспечивает альтернативный газотранспортный маршрут для Чехии, ранее получавшей весь газпромовский газ через Украину, а в перспективе позволит перебросить часть газа, поступающего по «Северному потоку», в Юго-Восточную Европу. Российский газ поставляется в Чехию по «старомодному» долгосрочному контракту, который дает «Газпрому» дополнительные юридические аргументы в пользу своего требования о безлимитном доступе к «OPAL».

В сентябре 2013 года рабочая группа РФ - ЕС объявила о достижении предварительной договоренности на базе «аукционного компромисса». В январе 2014 года В.В.Путин заявил по итогам саммита Россия - ЕС в Брюсселе, что стороны наконец-то договорились о 100-процентном использовании «OPAL». Однако все карты спутал украинский кризис. На его фоне Еврокомиссия, в нарушение данного Президенту России обещания, отложила принятие окончательного решения вначале на 20 марта 2014 года, а затем - на 15 июля того же года (в этот день предполагалось провести аукцион по распределению мощностей «OPAL», согласованный с Федеральным сетевым агентством). Однако и этот срок под невнятным предлогом «дальнейшего рассмотрения определенных технических аспектов» был перенесен на 15 сентября, а затем - на 25 октября 2014 года. Продление крайнего срока рассмотрения вопроса об использовании «OPAL» стало, по словам постпреда РФ при ЕС В.Чижова, «очередным проявлением политизации энергетического сотрудничества России и ЕС»¹⁴.

Аналогичная конфликтная ситуация сложилась и вокруг «NEL» - второго сухопутного ответвления «Северного потока». В 2012 году компания-оператор подала официальную заявку на его исключение из-под доступа третьих лиц, но она была отклонена Еврокомиссией

и с тех пор повторно не подавалась. Брюссель требует резервировать под доступ «независимых производителей» не менее 35% мощности газопровода, то есть примерно 7 млрд. куб. м газа в год. Возможно, оператор «NEL» все-таки добьется от Еврокомиссии права резервировать под газ «Газпрома» 100% своей мощности. Этот вопрос рассматривает Агентство по взаимодействию регуляторов в области энергетики - ACER, наднациональный орган в ЕС, который контролирует работу национальных регуляторов в энергетике стран Европы. Но последнее слово все равно остается за Еврокомиссией. И хотя «Газпром» теоретически сможет использовать мощность «NEL» на 100% через разного рода своповые схемы¹⁵, подобные ухищрения на постоянной основе вряд ли устроят российскую компанию. В целом же переговорный процесс по ГТС «NEL» идет скрытно от глаз общественности и менее активно. Думается, что компромисс по газопроводу «OPAL» создаст прецедент и для «NEL» и их судьба будет решена по одинаковому или схожему алгоритму.

В последние три года переговорная позиция Евросоюза по сухопутным продолжениям «Северного потока» явно противоречит логике и здравому смыслу. На это обстоятельство обратил внимание В.В.Путин в мае 2014 года на встрече с руководителями зарубежных СМИ: «Мы «Северный поток» построили, а в «OPAL» нас так целиком и не пускают, дали только 50% объема мощности... Чушь какая-то, какой-то бред. Мы вложили миллиарды долларов в строительство, подвели ресурс к территории Германии, а по самой территории можем провести только 50%... Это какая-то ерунда, честно говоря. Достаточно сложно работать в таких условиях»¹⁶.

Странные «игры» вокруг «Северного потока», очевидно, имеют не коммерческую, а геополитическую подоплеку, связанную со стремлением наших «западных партнеров» дать дополнительный политический козырь Киеву, который медленно, но верно теряет свои позиции эксклюзивного транзитера. И если в 2010 году (накануне запуска первой нитки «Северного потока») через УкрГТС прокачали в Европу 95,4 млрд. куб. м российского газа, то есть две трети экспорта «Газпрома» в дальнее зарубежье, то в 2013 году ее доля сократилась до 53%. Только от ввода в строй первой нитки газопровода Украина, по американским оценкам, теряет до 500 млн. долларов прибыли в год¹⁷.

Пытаясь компенсировать этот ущерб, Киев в 2012 году поднял плату за транзит более чем на 30%. «Газпром», в свою очередь, сокра-

тил объем газа, идущего по украинскому маршруту, на 15% - за счет «Северного потока» и трубопровода «Ямал - Европа», проходящего через Белоруссию. После подключения второй нитки потери Киева еще более возросли. В целом же за счет «Северного потока» Украина теряет более четверти российского газового транзита, а вместе с ним - доходы и рычаги политико-экономического влияния на Москву.

Такое положение дел категорически не устраивает Евросоюз и США. Их главной текущей задачей остается принуждение России к сохранению газового транзита через Украину.

Очевидно, что киевские власти очень заинтересованы в том, чтобы «Северный поток» был заполнен, и Евросоюз им в этом подыгрывает. Вместе с тем сбои в украинском транзите наступающей зимой вероятны как никогда прежде. Никто сейчас не может с уверенностью сказать, что будет с УкрГТС в ближайшие месяцы: будет ли в ней газ, сохранится ли сама труба в целостности и сохранности? Поэтому не только Россия, но и ЕС вынуждены рассматривать запасные варианты, важнейшим из которых является 100-процентное заполнение «Северного потока».

Готовясь к возможным перебоям, «Газпром» увеличил закачку газа в ПХГ Европы и провел летом 2014 года плано-предупредительный ремонт (ППР) ГТС «Северный поток» и «Ямал - Европа», доведя их совокупную мощность до 87,96 млрд. куб. м¹⁸. Эти два газопровода способны при максимальной загрузке взять на себя 40% текущего украинского транзита. А что делать с оставшимися 60%, должны решать все заинтересованные стороны, включая европейцев. Первые намеки на здравый смысл появились в последние месяцы и в Евросоюзе: Министерство экономики ФРГ с августа 2014 года настаивает на предоставлении «Газпрому» полного доступа к «OPAL», прямо указывая на риски, связанные с Украиной. Доступ предлагается разрешать в случае перебоев в украинском транзите в качестве компенсации за потерянные объемы, а также в случае отставания от сезонного графика заполнения ПХГ в Центральной и Восточной Европе более чем на 20-25%.

ВЫВОДЫ

Украинский кризис со всей очевидностью подтвердил приоритетность и своевременность строительства Трансбалтийского газопровода, его безальтернативность и экономическую обоснованность.

«Северный поток» уже работает и в достаточной мере сглаживает ситуацию с транзитом газа через украинскую территорию, - отметил в ходе недавней дискуссии на площадке «Международной жизни» председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России Ю.Шафраник. - Его строительство во многом было политическим решением, но видно, насколько оно оказалось правильным»¹⁹.

«Северный поток» стал новой вехой в газовых отношениях России и Европы. Он действительно уникален, и с технической, и с экономической точек зрения. Все объемы газа, которые прокачают по нему, уже законтрактованы²⁰. Такие газотранспортные системы создают каркас энергетической безопасности в Европе, диверсифицируя экспортные потоки газа, гарантируя его бесперебойные поставки из России и минимизируя транзитные риски. В результате строительства этой ГТС выиграла не только Россия, но и весь Евросоюз, в первую очередь Германия, которая с ее помощью «обеспечила себе центральную роль в распределении российского газа в ЕС... превратилась в газовый хаб Евросоюза»²¹.

Можно согласиться с оценкой известного немецкого политолога А.Рара, который назвал Трансбалтийский газопровод «коммерческим, хотя и сильно политизированным проектом». Любопытно отметить, что его успешность признают и некоторые его противники. Так, по мнению бывшего польского вице-премьера Я.Штайнхофа, «Северный поток» - это доказательство исключительной политической и бизнес-эффективности России, и он в любом случае окупит себя, поскольку «его гигантская стоимость в итоге наверняка будет переложена на покупателей газа»²².

Зима 2014-2015 годов станет «моментом истины» в отношениях России и Евросоюза в газовой сфере. Стратегическая цель Брюсселя - с помощью «Третьего энергопакета» сохранить украинский транзит как инструмент давления на Россию - все менее достижима ввиду углубляющегося кризиса украинской государственности, создающего непредсказуемые транзитные риски. Для европейцев наступила пора определяться, чего же они опасаются больше: слишком сильной зависимости от российского газа или невозможности получать его в достаточном количестве. Думается, что с началом зимы Евросоюз будет вынужден смягчить свою позицию по газовым спорам, в том числе и в отношении «Северного потока». Угроза перекрытия украинского транзита в конечном счете не оставит ему иного выбора, кроме как запустить его на полную мощность -

что станет, конечно, важным прецедентом и для строящегося «Южного потока». Можно прогнозировать, что компромиссное предложение об аукционной продаже свободных мощностей будет в конце концов реализовано.

¹Отношения Европейского союза и России: Сборник статей / С.Белень, К.К.Худолей, Т.А.Романова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 180-181.

²Nord Stream дотянулся до Франции. В проект может войти GDF Suez // Коммерсантъ. 23.12.2008 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1098474>

³Буякевич М. Риски множатся из-за политической пристрастности // Мировая энергетика. 2007. №7. С. 52.

⁴«Северный поток». Справка ОАО «Газпром» // URL: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/nord-stream/>.

⁵Вторая нитка «Северного потока» начинает поставлять газ в Европу // URL: <http://www.oilcapital.ru/transport/180179.html>

⁶«Северный поток»: угроза или шанс? // Newsweek Polska. 15.11.2011 // URL: <http://inosmi.ru/economic/20111115/177708689.html>

⁷Сердюков С.Г. Европе нужен газ Nord Stream, и она его получит // Мировая энергетика. 2007. №9. С. 8-9.

⁸Зыгарь М., Гриб Н. Бундесвер пошел в газовую атаку. Германия может присоединиться к противникам Nord Stream // Коммерсантъ. 10.06.2009 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1185655>. По оценке журнала «Эксперт», прокачка топлива по «Северному потоку» примерно в 1,5 раза дешевле, чем по украинской территории. См.: Еще одна труба в Европу // Expert Online. 08.10.2012 // URL: <http://expert.ru/2012/10/8/esche-odna-truba-v-evropu/>

⁹Лиссек У. Газопровод Nord Stream - это экономический, а не политический проект // The Wall Street Journal. США. 18.11.2009 // URL: <http://inosmi.ru/europe/20091118/156562281.html>

¹⁰Такое мнение высказывает, например, аналитик «Allianz РОСНОУправление активами» А.Черный. См.: Связующая нитка. Начались поставки российского газа по газопроводу Nord Stream // Expert Online. 09.11.2011 // URL: <http://expert.ru/2011/11/9/svyazuuschaya-nit/>

¹¹Мордюшенко О., Серов М. OPAL остался наполовину пуст // Коммерсантъ. 12.03.2013 // URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rss/2144782>

¹²ЕС и «Газпром» договорились относительно сухопутной части газопровода «Северный поток» // Зеркало недели. Украина. 17.09.2013 // URL: http://zn.ua/ECONOMICS/es-poshel-naustupki-gazpromu-otnositelno-suhoputnoy-chasti-gazoprovoda-severnoy-potok-129288_.html

- ¹³Цит. по: *Самофалова О.* «Газпром» вызывает к разуму. «Северный поток», как выяснилось, наполовину простаивает // Взгляд. 07.06.2013 // URL: <http://www.vz.ru/economy/2013/6/7/636232.html>
- ¹⁴Германия настаивает на предоставлении «Газпрому» полного доступа к МГП «OPAL» // URL: <http://neftegaz.ru/news/view/129340/>
- ¹⁵Nord Stream не может сейчас транспортировать больше 22 млрд. куб. м российского газа в год // URL: <http://www.rusenergy.com/ru/news/news.php?id=65077>
- ¹⁶Встреча В.В.Путина с руководителями мировых информагентств. 24 мая 2014 // URL: <http://www.kremlin.ru/news/21090>
- ¹⁷*Левайн С.* Украина - одна против России в возобновившихся трубопроводных войнах? // Foreign Policy. США. Август 2011 // URL: <http://inosmi.ru/ukraine/20110908/174386201.html>
- ¹⁸Миллер оптимистично заявил, что доля российского газа в импорте ЕС в 2014 г. превысит 64% // URL: <http://neftegaz.ru/new/view/130148/>
- ¹⁹Украинский кризис: энергетический вызов России? // Международная жизнь. 2014. №8. С. 19.
- ²⁰*Строганова П.* «Северный поток» не смог загрузиться // RBC daily. 01.03.2013 // URL: <http://rbcdaily.ru/industry/562949985959219>
- ²¹Отношения Европейского союза и России... С. 226.
- ²²Цит. по: *Лакома А.* Северный поток построен // Rzeczpospolita. Польша. 06.05. 2011 // URL: <http://inosmi.ru/poland/20110506/169138969.html>

Ключевые слова: «Северный поток», энергетика, газ, газопровод, Россия, Европейский союз, украинский кризис.

Эльдар КАРАЕВ

Кандидат экономических наук
eldar_karach@mail.ru

Международные газовые коллизии

Риски для сланцевого газа США, катарский СПГ
и региональные рынки

Много уже было сказано и написано о том, что «сланцевая лихорадка», поразившая Соединенные Штаты, распространится на другие регионы и это негативным образом скажется на поставках природного газа традиционными экспортерами.

Например, есть мнение, что Катар, который на протяжении нескольких лет является мировым лидером по сбыту сжиженного природного газа (СПГ), потеряет прочные позиции на азиатском и европейском рынках. Аналогичные трудности на традиционных рынках предрекают «Газпрому». Однако звучат и другие мнения - о «сланцевом пузыре» и завышенных ожиданиях относительно экспорта из США. О рисках для одних потенциальных экспортеров и возможностях для других, а также о различных направлениях поставок «голубого топлива» и пойдет речь.

Из-за океана приходит вереница сообщений о том, что в ближайшей перспективе США, которые серьезно сократили объемы газового импорта, планируют увеличить производственные мощности и начать поставки дешевого «голубого топлива» за рубеж, США уже обогнули Россию, став самым крупным в мире производителем газа.

Вместе с тем, согласно прогнозам ряда экспертов, в более поздней перспективе европейцы и азиаты вслед за США могут заметить определенную долю ввозимого сырья собственным газом, добытым из сланцевых залежей.

По оценкам американской Energy Information Administration (EIA), через семь лет сланцевый газ станет основным видом газа, добываемого в США. Для сравнения: в 2010 году доля сланцевого газа составляла 23% от общей газодобычи в стране, а лидировал традиционный природный газ. К 2020 году ожидается, что сланцевый газ выйдет на первое место (39%), потеснив конкурента. Однако перед реализацией данного прогноза может встать ряд барьеров.

БЕЗ ГИДРОРАЗРЫВА ПЛАСТА

Одно из таких препятствий - опасения по поводу влияния гидроразрыва пласта (ГРП) на состояние окружающей среды. Во-первых, ГРП весьма затратен с точки зрения используемых водных ресурсов, во-вторых, существуют риски попадания химикатов в различные водные артерии.

Летом 2014 года высший суд Нью-Йорка позволил городам штата вводить запрет на использование метода гидроразрыва пласта в рамках своих границ. Апелляционный суд оставил в силе решение о запрете ГРП в границах городов Драйден и Миддлфилд, подтвердив решение трех нижестоящих судебных инстанций.

Как представляется, это постановление может заставить нефтегазовые компании отказаться от использования в штате Нью-Йорк ГРП, применение которого в Северной Дакоте и Пенсильвании позволили США увеличить добычу газа за последние семь лет до рекордных уровней.

Часть штата Нью-Йорк расположена в пределах формации Marcellus Shale, запасов газа которой, по оценкам Министерства энергетики США, может хватить для обеспечения потребностей страны в течение почти шести лет.

Стоит подчеркнуть, что технология газодобычи с помощью гидроразрыва пласта запрещена более чем в 30 странах. С 2008 года более 75 городов штата Нью-Йорк запретили использование данного метода¹. И хотя, по ряду других данных, экологическому лобби не удастся чрезмерно потеснить ГРП в США (технологии продолжают применять в традиционных районах добычи сланцевых ресурсов, в удалении от крупных населенных пунктов и с учетом достаточных глубин скважин), в ограничениях есть серьезный риск для темпов добычи сырья, а стало быть, и для части потенциальных экспортных проектов.

ФИНАНСЫ, ВОДА И ПЕСОК...

Еще одно препятствие - заявления некоторых авторитетных компаний о снижении прибыльности разработки сланцевых активов. Появились сообщения о распродаже долей в сланцевых месторождениях (например, минувшей осенью «Royal Dutch Shell» выставила на продажу долю в месторождении Eagle Ford Shale, расположенном на территории Южного Техаса). Есть даже примеры банкротства. Одна из наиболее известных американских компаний по добыче сланцевого газа «Chesapeake Energy» испытывает серьезные финансовые трудности. У компании образовался долг в размере около 14 млрд. долларов по итогам 2012 года², для погашения которого, по всей видимости, как и в случае с «Shell», необходимо продавать имеющиеся сланцевые активы.

Сланцевые надежды уже принесли ряду компаний-гигантов серьезные убытки: «BP» потеряла 5 млрд. долларов, «Royal Dutch Shell» - 2,2 млрд. долларов, австралийская «BHP Billiton» - 2,84 миллиардов, «British Gas Group» - 1,3 миллиарда³.

Еще одной причиной, по которой крупные игроки оставляют сланцевый бизнес на одной территории и охотно принимают за освоение другой, является то, что скважины быстро истощаются. Согласно исследованию техасского геолога Артура Бермана, для сланцевого месторождения Барнетт, на котором в 2009 году добыто более 60% всего сланцевого газа США, характерны следующие показатели снижения добычи: в первый год к уровню первых дней добычи - на 65%; во второй год к уровню конца первого года - на 53%; в третий год к уровню конца второго года - на 23%; в четвертый год

к уровню конца третьего года - на 21%. Таким образом, за четыре года добыча на открытых скважинах снижается в десять раз к первоначальному уровню⁴.

На рентабельности сказывается и высокая стоимость добычи сланцевого газа, в частности многостадийного ГРП, включающего затраты на использование воды, песка и химикатов, препятствующих свертыванию образовавшихся после дробления щелей, через которые поступает газ. Стоимость одной «стадии» такого гидроразрыва составляет около 100 тыс. долларов⁵.

Соответственно, необходим постоянный доступ к большим объемам водных ресурсов и белого песка, что может быть проблематичным на некоторых территориях потенциальной добычи.

В целях значительной экономии водных ресурсов США и Канада уже применили технологию так называемого «сухого» ГРП, позволяющую при добыче сланцевого газа отказаться от жидкостей на водной основе⁶.

Увеличение добычи песка для ГРП также вызывает беспокойство населения по поводу проблем с экологией и здоровьем, в частности протесты наблюдались в штате Висконсин, на территории которого ведутся масштабные работы. В целом в 2013 году энергетические корпорации использовали 56,8 млн. фунтов песка, что на 25% больше, чем в 2011 году. В 2014-2015 годах ожидается увеличение еще на 20%⁷.

Ко всем названным препятствиям в области сланцевой разработки добавляется шаткость прогнозов потенциальных запасов сырья в США. Например, если ранее заявлялось о 30 трлн. м³ прогнозных ресурсов сланцевого газа в США⁸, то сейчас эти показатели сократились вдвое.

ЧТО С ЕВРОПОЙ?

Осознавая проблемы на сланцевых месторождениях США, крупнейшие нефтегазовые компании заняты поисками новых источников сырья. Так, в Европе одной из стран с потенциальными ресурсами сланцевого газа называлась Украина. «Shell», оставившая свои сланцевые активы в США, надеялась добывать в этой стране.

Однако летом 2014 года, по итогам разведочного бурения, компания заявила, что промышленных запасов сланцевого газа на восто-

ке Украины нет. По этой причине «Shell» объявила о свертывании украинских проектов в данной области.

По предположениям американских источников, крупные месторождения сланцевого газа (около 7 трлн. м³) имеются также на западе страны. Они занимают 6,3 тыс. км² и охватывают часть Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей. Однако геологическая разведка там не проводилась⁹.

Еще одна страна, где прогнозировались потенциальные залежи сланцевого газа, - Польша. Высокий спрос на лицензии на разработку был вызван там смелыми оценками американской EIA, согласно которым запасы сланцевого газа в этой восточноевропейской стране могут составлять 5,3 трлн. м³. Однако последующие оценки польского Геологического института показали, что запасы государства достигают в лучшем случае лишь от 346 млрд. м³ до 768 млрд. м³¹⁰.

По предварительным, но не подтвержденным данным, потенциалом для коммерческой добычи сланцевого газа обладают Болгария, Румыния, Германия, Франция, Испания и Великобритания. Как представляется, с учетом имеющихся трудностей при разработке сланцевых месторождений европейцы, желающие ослабить свою зависимость от российского газа, на начальном этапе добычи будут долго запрягать, а вот быстро ехать смогут лишь с 2020 года.

Текущие события позволяют предположить, что европейские страны все же не будут «педалировать» разработку сланцев у себя, прежде всего в силу компактности территорий и связанного с этим риска разработки, а также неясностью по запасам.

Сегодня между членами ЕС идут ожесточенные дискуссии по поводу возможных перспектив сланцевой промышленности. Франция запретила добычу сланцевого газа, ссылаясь на экологический вред при ГРП. Германия ввела мораторий на добычу сланцевого газа, а Европарламент ужесточает правила, по которым может вестись разработка сланцевых месторождений.

Кроме того, в Европе рентабельность сланцевых проектов является еще более низкой, нежели в США, из-за себестоимости добычи и различных географических особенностей.

Плотность населения в Европе гораздо выше, чем в Соединенных Штатах. Это обстоятельство не только ограничивает пространство для строительства крупных объектов для производства сланцевого газа, но и серьезно затрудняет получение разрешения на его добычу. Например, требования к уровню шума, которому в США

придается гораздо меньшее значение, чем прочим потенциальным ограничениям, могут стать серьезной проблемой для густонаселенных районов Европы¹¹.

Согласно европейскому законодательству, владельцы земельных участков не получают прибыли от добычи газа, что не способствует поддержке добычной деятельности компаний со стороны граждан.

Великобритания, например, пошла другим путем. Правительство страны активно лоббирует принятие поправок в законодательство о применении ГРП, которые позитивно отразятся на разработке сланцевых месторождений. Законодательные изменения позволят осуществлять геологоразведку, не получая разрешения собственника земли. Это требование сильно замедляет оформление документов, необходимых для проведения работ по определению зон наиболее перспективной добычи.

Помимо этого, муниципалитеты, находящиеся на территории применения метода ГРП, получают денежную компенсацию за каждую пробуренную скважину.

Что касается стран континентальной Европы, то соответствующие перспективы крайне низкие¹². Еще одним камнем преткновения служит тот факт, что в арсенале европейских игроков, занятых в сланцевой индустрии, не хватает буровых установок. Не лучшим образом повлиял на объемы европейского газового импорта кратко усилившийся экспорт туда другого, более дешевого энергоносителя - американского угля, который насытил европейский рынок. Этот экспортный поток усилился ввиду ограниченной реализации на внутреннем рынке США.

На желание европейских государств осуществлять дорогостоящую разработку сланцевых месторождений будут влиять также финансовые проблемы на фоне продолжающегося экономического кризиса. Стоит напомнить, что, по итогам 2012 года, ВВП Европейского союза упал на 0,3%, что повлекло за собой снижение спроса на углеводороды, которое сохранилось в прошлом и ожидается в текущем году.

Поэтому вряд ли европейцев заразит пример Китая, который старается мобилизовать все источники сырья - и внешние, и внутренние. Пекин готов пойти на любые риски ради увеличения объема поставок энергоносителей, в том числе разрабатывать сланцевый газ. Это и понятно, ведь экономика государства развивается гораздо стремительнее, чем в Европе.

Однако единственной страной, где сланцевый газ добывается в промышленных масштабах, пока остаются только США. Причем американские компании, несмотря на ряд очевидных рисков, вынуждены увеличивать объемы производства, поскольку уже связаны контрактными обязательствами по будущим экспортным поставкам «голубого топлива».

Будут ли выполнены эти планы? Если да, то какой рынок станет приоритетным для американского экспорта - европейский или азиатский? Сколько объемов может поступить в названные регионы? Ответы на поставленные вопросы до сих пор не найдены.

В этой связи целесообразно обратиться к традиционным экспортерам газа в Европу и проанализировать их планы. В частности, интересны позиции такого ключевого игрока на международных газовых рынках, как Катар. Монархия вынашивала планы поставок СПГ именно в США, а теперь американцы намерены превратить созданные для этого импортные мощности в экспортные.

КАТАР В ЕВРОПЕ И РОССИИ

По объемам экспорта в Европу эмират превосходит Нигерию, Ливию, Тринидад и Тобаго, Египет, а уступает лишь Норвегии, России и Алжиру - давним поставщикам на этом рынке.

В последнее время Катар перешел к среднесрочным и долгосрочным контрактам с указанием фиксированной стоимости топлива.

Катарцы имеют долгосрочные контракты на поставку сырья с Великобританией, Францией, Бельгией, Италией, а также ведут переговоры об экспорте СПГ в страны Балтии, Белоруссию и на Украину. Весьма примечателен 20-летний контракт с Польшей, условия которого уже были описаны автором на страницах отраслевого издания OGJR¹³.

По итогам 2013 года, эмират продал европейским потребителям 23,4 млрд. м³ СПГ¹⁴. Катарские объемы на рынке Европы создают сложности «Газпрому», поскольку понижают конкурентоспособность российского сырья, и, вероятно, эта тенденция будет усиливаться. После 2014 года в результате увеличения производства из-за планируемого снятия действующего с 2005 года моратория на расширение добычи на катарском месторождении North Field, а также вследствие введения в эксплуатацию новых регазификационных

мощностей в Европе (например, в Польше и Германии) эмират сможет активнее насыщать этот рынок, что гораздо серьезнее затронет интересы российского газового гиганта. Тем более европейцы постоянно говорят об источниках замещения российского газа, особенно в связи с ситуацией на Украине.

Несмотря на нынешнее падение потребления топлива в Европе, в стане «Газпрома» ожидают, что потребности этого рынка в дополнительном импортном газе в ближайшие 10-20 лет будут расти.

КАТАР: ПРЕИМУЩЕСТВА И УГРОЗЫ

Что может произойти с поставками Катара на фоне европейского и мирового спроса на сырье, роста конкуренции со стороны других крупных производителей?

Одним из последствий мирового финансово-экономического кризиса некоторые аналитики называют снижение темпов роста спроса на СПГ в европейских странах, что на самом деле не вполне обоснованно, учитывая строительство мощностей по приему СПГ в Европе.

В целом природный газ будет пользоваться наибольшим спросом на международных рынках в ближайшие два десятилетия. Соответствующие поставки в первую очередь обеспечат страны Ближнего Востока (26%), среди которых центральное место займет Катар. Подобная точка зрения основана на прогнозах предложения СПГ, которое будет расти быстрее мировой газодобычи и торговли трубопроводным газом. Вклад СПГ в глобальный рост экспорта в 2010-2030 годах составит 25% (для сравнения: в 1990-2010 гг. - 19%)¹⁵.

Британские специалисты полагают, что растущая конкуренция со стороны Австралии, а также стран Восточной Африки и Северной Америки в течение текущего десятилетия станет серьезной угрозой для прочных позиций Катара на международных газовых рынках¹⁶.

Одной из таких угроз также является падение показателя доказанных запасов катарского природного газа. Ожидается, что в 2013-2021 годах это сокращение составит 1,9%. Показатель 2010-2012 годов равнялся 25 трлн. м³. Однако в 2013 году запасы эмирата уже сократились на 1,2% - до 24,7 трлн. м³¹⁷.

При этом экспортный потенциал арабской страны останется высоким. В 2013 году объем производства газа там составил

158,5 млрд. м³, что на 5,4% превышает показатель 2012 года¹⁸. По прогнозам, валовой показатель экспорта катарского СПГ останется высоким при условии растущего спроса, особенно в странах Азии.

Аналитики британской консалтинговой компании «Business Monitor» подчеркивают, что сегодня Катар настойчиво придерживается механизма расчета цен на СПГ в привязке к стоимости нефти, хотя импортеры все более явно озвучивают требования отвязать их друг от друга, тем самым стремясь добиться ценового понижения. Учитывая, что в скором времени на международных рынках ожидается начало новых поставок природного газа из России, Австралии, стран Восточной Африки и Северной Америки, способность Катара сопротивляться реформе ценообразования на «голубое топливо» может оказаться под угрозой¹⁹.

В свою очередь, весомые коррективы в катарскую стратегию в будущем способны внести долгосрочные планы других весьма активных игроков, которые прикладывают усилия для того, чтобы укрепить собственные позиции на новых региональных рынках. Речь идет о странах Северной и Латинской Америки, которые постепенно начинают проявлять большую независимость от сырьевого импорта, делая ставку на собственные углеводороды.

Тем не менее пока страны этого региона входят в число рынков сбыта катарского СПГ. В эмирате было построено несколько крупных заводов по сжижению газа специально для его поставок в США, в том числе для пополнения их стратегических сырьевых запасов в хранилищах на берегу Мексиканского залива. Однако эти амбициозные планы столкнулись с перспективами экспорта американского сланцевого газа.

ЭКСПОРТ ИЛИ ИМПОРТ?

США стремятся превратиться из потребителя СПГ в его поставщика. Как было отмечено выше, на этом пути есть значительная доля рисков. Прогнозирование американских поставок также затруднено в силу мощной информационной кампании, сложностями с данными по запасам газа и возможностью его рентабельного извлечения.

Форсирование процесса разработки сланцевых месторождений с обширной географией сбыта сырья в виде СПГ - это попытка потеснить давних экспортеров с международных рынков и, заняв там

свое место, получить финансовые ресурсы, необходимые переживающему нелегкие времена американскому хозяйству.

Одновременно ведущие западные компании (например, «ExxonMobil», «ConocoPhillips», «Royal Dutch Shell») инвестировали крупные средства в строительство сжижающих заводов в Катаре, а также в создание приемных мощностей на территориях других стран. Принимая во внимание масштабы сделанных вложений, иностранные концерны захотят получить дивиденды от финансовых затрат. Это вносит серьезные сомнения в сценарий, при котором США в перспективе полностью откажутся от приема катарского СПГ.

Факт начала поставок сжиженного газа из эмирата на американский новый крупный терминал «Golden Pass» подтверждает названный тезис. Поставки осуществляются с 2010 года в рамках долгосрочного контракта, рассчитанного на 25 лет.

Следует также отметить нюансы экономики СПГ-проектов, способные повлиять на поставки в том или ином направлении. Если американцам удалось на внутреннем рынке заместить значительное количество ранее импортируемого газа на собственное сланцевое топливо, то это не означает, что США способны серьезно увеличить нынешние экспортные объемы СПГ, которые начали значительно падать в последние годы, поскольку Соединенные Штаты кратно понизили газовый импорт, что негативно отразилось на их реэкспорте. Для сравнения: в 2011 году страна поставила 2 млрд. м³ СПГ на рынки Латинской Америки, Европы и Азии, а в 2013 году - лишь 0,1 млрд. м³ Мексике²⁰.

По данным специалистов «BP», три года назад совокупный американский импорт (трубопроводный газ плюс СПГ) равнялся 98,1 млрд. м³, а спустя два года этот показатель упал до 81,6 млрд. м³.

В ЕВРОПУ ИЛИ В АЗИЮ?

Как представляется, основной объем поставок сланцевого газа, скорее всего, будет направляться в виде СПГ не на европейский (с меньшей платежеспособностью), а на азиатский рынок, где растет потребление энергоносителей и наблюдается благоприятная ценовая конъюнктура. Однако Вашингтон и дальше будет делать заявления о возможном экспорте дешевого американского сырья

не только в Азию, но и в Европу. Это позволит косвенно понижать цены на российское и катарское топливо за рубежом.

Будущая цена американского СПГ в Европе (если он все-таки поступит туда) будет значительно выше, чем на внутреннем рынке США. Причем дело не только в расходах на сжижение и последующую логистику. Добыча сланцевого газа в США лишена налогового бремени, его добычу де-факто субсидируют американские налогоплательщики. По итогам этого года, средняя газовая цена за 1 млн. BTU на бирже Henry Hub ожидается в районе 4-4,5 долларов. На европейском и азиатском рынках цена экспортируемого Соединенными Штатами газа уже будет в три раза выше. Для сравнения: нынешняя цена газпромовского сырья для европейских потребителей составляет 10 долларов за 1 млн. BTU.

Катар, перешедший от спотовых поставок к долгосрочным контрактам, перестраховался на случай возможного появления американского топлива на внешних рынках и в прошлом году заявил о снижении цен на газ для азиатских покупателей²¹. В России же вступили в силу законодательные изменения, предусматривающие расширение состава субъектов, которым предоставляется право на экспорт СПГ, что усилило конкурентные преимущества российских СПГ-проектов.

Однако введенные Западом секторальные санкции в отношении российских компаний и финансовых структур способны серьезно замедлить процесс реализации экспортных поставок российского СПГ, для которых требуется внешнее финансирование и технологическое участие зарубежных партнеров. Например, попавшие под действие санкций «Роснефть» (проект строительства завода по производству СПГ на Сахалине), «НОВАТЭК» (проект «Ямал СПГ») и «Газпромбанк» (проекты «Владивосток СПГ» и «Балтийский СПГ») рискуют не только не уложиться в ранее запланированные сроки реализации названных проектов, но и вообще не довести начатый процесс до конца.

¹*Dolmetsch C., Klopott F., Efstathiou J. Jr. Anti-Fracking Win in N.Y. Court May Deal Blow to Industry. Bloomberg. 30 June. 2014.*

²*Симония Н.А. Революция сланцевого газа // Международные процессы. 2013. №3-4. С. 66.*

³Там же. С. 67.

- ⁴Молачиев А. Говорить о сланцевой революции нет оснований // Мировой рынок нефти и газа. 2010. №4.
- ⁵Симония Н.А. Указ. соч. С. 65.
- ⁶Даннахо Т. Сухой разрыв // Oil&Gas Journal Russia. 2014. №7. С. 52-54.
- ⁷Симония Н.А. Указ соч. С. 65.
- ⁸Зуев А. В ожидании революции. ЦДУ ТЭК // URL: <http://www.riatec.ru/catalog/mintop/infograf/022013/>
- ⁹Промышленных запасов сланцевого газа на Украине не нашли // Агентство информационных сообщений. 28 июля 2014.
- ¹⁰Kavanagh M. Europe: Continental shift may aid competition // Financial Times. 16 April. 2013.
- ¹¹Три четверти запасов сланцевого газа Европы сосредоточены в четырех странах: России, Польше, Украине и Франции // Металлоснабжение и сбыт. 17 января 2014 // URL: <http://www.metalinfo.ru/ru/news/68705>
- ¹²Minister opposes change in fracking residential drilling rules // BBC. 15 August. 2014.
- ¹³Касаев Э. Золотой век Катара продолжается? // Oil&Gas Journal Russia. 2014. №1-2. С. 24-27.
- ¹⁴BP Statistical Review of World Energy 2014. June 2014. P. 28.
- ¹⁵BP Energy Outlook 2030. London, 2012. January. P. 31.
- ¹⁶Rising Competition Will Pose a Challenge to Qatar's Hold on the Global Gas Market // PRWeb. 10 October. 2013 // URL: <http://www.prweb.com/releases/2013/10/prweb11207927.htm>
- ¹⁷BP Statistical Review... P. 20.
- ¹⁸Ibid. P. 22.
- ¹⁹Rising Competition Will Pose a Challenge...
- ²⁰BP Statistical Review... P. 28.
- ²¹Vukmanovic O. Qatar cuts gas prices to keep competition at bay // Reuters. 8 November. 2013.

Ключевые слова: сланцевый газ, ГРП, СПГ, региональные рынки.

Тимур КИРАБАЕВ

Второй секретарь Генерального секретариата МИД России,
кандидат политических наук
kirabaev@yahoo.com

Конкурс молодых дипломатов

Теоретические подходы к исследованию процессов регионализации и региональной интеграции

Глобальные трансформации, происходящие в последние десятилетия, оказали большое влияние на изменение конфигурации международного пространства. Глобализация и связанные с ней человеческая мобильность, размывание национальных границ, мощное развитие информационных технологий, транспортной инфраструктуры и т. д. существенно влияют на характер выстраивания отношений между людьми, транснациональными компаниями, организациями и государствами.

Значительно изменилась роль государств, считавшихся ранее «периферийными». Изменились и традиционные «кодексы поведения» на мировой политической арене, причем отмечается как появление новых позитивных тенденций развития, так и резкий откат к консервативным моделям ведения международной политики.

Сопутствующие глобализации процессы - регионализм и региональная интеграция - стали важным вектором развития макрорегионов в различных частях земного шара, направленного на сглаживание противоречий между макрорегионами и субрегионами, отдельными государствами через развитие экономических, социальных и гуманитарных связей, формируя тем самым целостное пространство. Сотрудничество государств является главным приоритетом в обеспечении политической стабильности, безопасности, экономического роста, социального и культурного развития.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать основные теоретические подходы к изучению региональной интеграции и дифференциацию видов «сообществ безопасности».

Термины «регионализм» и «региональная интеграция» получили распространение после Второй мировой войны в работах по теории международных отношений для описания реалий мировой политики и политической системы в условиях противостояния двух крупных военно-политических блоков, возглавляемых СССР и США в так называемую эпоху биполярного мира.

В начале 1950-х годов термин «интеграция» применялся для описания изменений в политической и экономической архитектуре послевоенной Европы. Кооперация в сфере экономики и политики рассматривалась не только как условие эффективного управления и разрешения конфликтов, возникающих в отношениях между государствами, без применения силовых средств, но и как основа формирования нового политического регионального сообщества или системы новых региональных отношений. На разработку теории европейской «региональной интеграции» оказало влияние использование этого термина в социологических исследованиях, в которых под интеграцией понимается одна из жизненно важных функций социальной системы, обеспечивающая интегрирование отдельных индивидов и групп в социальное целое или в социально-политическую общность. Интеграция предполагает координацию различных типов ролевой социальной активности на основе организации сети нормативных статусов и актуализации норм, предписывающих образцы ролевого поведения.

Значительный вклад в разработку теории интеграции как основы перехода к новому мировому порядку, основанному на нормативном регулировании международных отношений, без применения силы, был сделан теоретиками функционалистского направления

в теории международных отношений (Д.Митрани, К.Дойч)¹. Теоретики функционализма уделяли основное внимание невоенным формам развития межгосударственного сотрудничества, полагая, что по мере усиления международных связей и взаимозависимости тенденции мирового развития будут определяться возрастающей ролью и влиянием международных организаций и международных агентств, к которым постепенно будут переходить многие важные управленческие функции, выполняемые до настоящего времени исключительно государствами.

Д.Митрани, один из основателей функциональной теории и теории интеграции, полагал, что международное сотрудничество должно начинаться со специфических транснациональных проблем (таких, например, как контроль над распространением заболеваемости). Успешное применение специального технического знания и преимущества функциональной упорядоченности будут способствовать эффекту «перелива» достижений, то есть перенесению методов «технической кооперации» в другие проблемные области.

В качестве примера успешной реализации идей функциональной интеграции он рассматривает развитие таких организаций, как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Международный почтовый союз. Д.Митрани также полагал, что если национальное правительство начнет передавать функциональную ответственность международным агентствам с предоставлением им соответствующего мандата на решение проблем, по которым достигнут широкий консенсус, то со временем, с учетом возрастающей потребности в кооперации, принципы территориальности и правового суверенитета ослабнут сами собой.

В работах Митрани принцип субсидиарности рассматривался как основа и условие демократизации управленческих отношений. Существует мнение, что функционализм выступает как экономический и социальный эквивалент современного концепта субсидиарности, который используется в контексте европейской интеграции: мысль о том, что политическое решение должно приниматься на самых нижних уровнях организации, чтобы стать наиболее приемлемым для тех, кого непосредственно затрагивает его исполнение.

Важная роль в разработке основ теории интеграции в рамках функционального подхода принадлежит работам К.Дойча, в частности сформулированной им теории коммуникативной интеграции. В отличие от Митрани, он видел основу интеграционных процессов в

формировании и распространении «культуры безопасности» и создании «сообществ безопасности». К сообществам безопасности он относил группы людей, которые интегрированы в некое сообщество на основе специально созданного объединения, нацеленного на мирное разрешение конфликтов, рассматривая войну как устаревшую форму решения масштабных политико-экономических, социальных и религиозных разногласий. Участники политического сообщества объединены не территорией или государством, а общей культурой, формальными и неформальными нормами, обычаями, нравами и ценностями.

Интегрированная группа образует некое единство. Отличительной особенностью всех принадлежащих к такой группе является более высокий уровень доверия и взаимопонимания, который дает участникам группы ощущение своей сопринадлежности к некоему единству. В работе «Политическое сообщество и Северо-Атлантический регион: международные организации в свете исторического опыта»² К.Дойч предлагал проводить различия между двумя видами сообществ безопасности: амальгированными и плюралистическими.

Амальгированные сообщества безопасности встречаются крайне редко. Они образуются в результате объединения двух или нескольких независимых государств в новое единое государство с общими органами управления. Примером может служить образование США путем объединения 13 штатов, освободившихся от колониальной зависимости и образовавших федеральное правительство. Однако опыт создания амальгированных сообществ безопасности не всегда успешен, в частности неудавшийся союз между Швецией и Норвегией является тому подтверждением.

Исторически более эффективным оказался опыт создания плюралистических сообществ безопасности путем интеграции государств в международные объединения при сохранении государственного суверенитета. Объединение США и Канады в плюралистическое сообщество безопасности предполагает сохранение политической независимости, но исключает возможность политической конфронтации, несмотря на конфликты в прошлом. По мнению К.Дойча, плюралистические сообщества безопасности проще создавать и легче поддерживать их существование в сравнении с амальгированными.

Хотя функционализм часто представляют и как универсальное, политически нейтральное направление в исследованиях международной интеграции, на деле оно основывается на либеральных утилитарных политических ценностях. Поэтому его положитель-

ное влияние зачастую ограничено теми частями мира, население которых разделяет ценности общества благосостояния, на поддержку и распространение которых ориентирован функционализм. Проблемы возникают при вовлечении в интеграционный процесс правительств и стран, не разделяющих подобных ценностей. Неофункционализм - более модернизированная концепция, разработанная применительно к изучению процесса интеграции в Европе (см. работы Э.Хааса), - признавал, что функциональный процесс легче достичь в региональном контексте Западной Европы, особенно в свете исторического прошлого.

Слабостью ранних теорий интеграции он считал недостаток внимания, уделяемого реальному процессу обучения и адаптации, который требуется для поддержания функциональной логики в том виде, в каком она необходима в более или менее противоречивых проблемных областях. Как показал опыт ЕС, эффект «перелива» конкретных интеграционных форм и методов из одной проблемной области в другую не может быть гарантирован. Другим недостатком прежних разработок он считал недостаточную проработку проблемы социальной адаптации: ни один из политических и институциональных проектов интеграции не был органично адаптирован к техническим требованиям отдельных проблемных областей.

Политолог Э.Хаас полагал, что решающим фактором интеграции является установление формальных институтов, которые могут контролировать исполнение соглашений, принятых государствами. Подобные структуры могут пользоваться определенной степенью автономии по отношению к национальным правительствам, особенно если они эффективны, но весь процесс не может быть запущен до тех пор, пока государства не будут руководствоваться двумя принципами - принципом верховенства закона и принципом принятия решений большинством. Кроме того, Э.Хаас уделял значительное внимание таким механизмам, как социализация и совместное обучение, действующим в отношениях между элитами, подчеркивая, что неофункционализм зависит от способности политических деятелей и технических экспертов применять знание для решения общих проблем, опираясь на консенсусный подход.

В отличие от функционального направления реализм и неореализм рассматривали образование региональных объединений как фактор обеспечения безопасности с точки зрения баланса сил и установления отношений гегемонии.

Реалисты (Е.Карр и Г.Дж.Моргентау) скептически относились к идеям возможности перехода от мирового порядка, основанного на силовом противоборстве и военно-политическом противостоянии между государствами, к порядку, основанному на правовом регулировании международных отношений, торговом и экономическом сотрудничестве. В своих исследованиях они отдали предпочтение политике, основанной на «балансе сил» - динамическом соотношении сил, зависящем от взаимодействия многих факторов. Сила обладает не только разрушительным и деструктивным потенциалом, но и созидательным, стабилизирующим, конструктивным, в том смысле, что она является средством стабилизации, интеграции, закрепления центростремительных тенденций.

Сила (силовые методы и средства воздействия) рассматривается как естественное, законное и обязательное орудие политики, подчиненное ей и ее обслуживающее. Выступая в качестве орудия политики агрессии и войны, империализма и гегемонизма, захвата чужих территорий и т. д., сила одновременно является средством поддержания политического статуса государства в ряду других государств, сохранения баланса, порядка и мира в обществе, выступает в качестве гаранта выполнения принимаемых властями решений.

Понятия «государство», «власть», «могущество», «война» являются ключевыми концептами политического анализа в реализме. Поскольку военный аспект зачастую доминирует в мировой политике, теоретики-реалисты главное внимание уделяют военной безопасности или стратегически связанным с ними проблемам, относя их к «высокой политике». При этом особое внимание обращается на вопросы создания и анализа действий военно-политических союзов, и прежде всего актуальных или потенциальных конфликтов между государствами-акторами, а также применения силы как средства разрешения споров и предотвращения нарушения территориальной интегрированности и целостности. Вопросы международной экономической и социальной политики рассматриваются ими как второстепенные, менее значимые, выполняющие подчиненную роль.

Особое внимание авторы уделяют созданию систем военно-политических альянсов. Военное сотрудничество в их трудах основано на традиционном представлении о государственной безопасности как условии, при котором группа государств координирует использование своих вооруженных сил, обращаясь к угрозе применения силы как средству устрашения потенциальных агрессоров. Государ-

ства вступают в военный альянс, когда они сталкиваются с угрозами безопасности, которые не могут нейтрализовать самостоятельно. Часто создание военного альянса одной группой государств провоцирует государства, проводящие отличную политику в регионе, также создавать военные объединения, находящиеся в оппозиции к первым. В результате мировая структура принимает вид системы противостоящих друг другу военно-политических объединений и совокупности неприсоединившихся государств. Зачастую принадлежность к военному альянсу не только не укрепляет безопасность государства-члена, но делает его более уязвимым, превращая в объект дискриминации и потенциальной агрессии уже в силу факта самой принадлежности к оппозиционной группировке.

Реализм рассматривает государство как наиболее важного актора международных отношений и как ключевую единицу внешнеполитического анализа вне зависимости от того, о каком историческом периоде и о каком типе государств идет речь - о греческих государствах-полисах античности или о современных государствах-нациях. На международной арене государство выступает как интегрированный, рационально действующий актор, который при принятии внешнеполитических решений предварительно рассматривает различные альтернативы и связанные с ними выгоды и издержки, соотнося сделанный выбор как с максимизацией пользы, так и с приемлемыми возможностями. Однако действовать ему приходится в условиях международной анархии, нестабильности, разнонаправленного действия сил и конфликтов интересов. Поэтому в отличие от внутренней политики, где конституционные формы управления направлены на исправление агрессивной природы человека, достижение гармонии интересов и реализацию принципов свободы, внешняя политика является сферой выживания, а не прогресса.

В 1960-1970 годах происходит обновление ряда важных положений теории реализма с учетом возросшего уровня институциональной и экономической взаимозависимости в мире. Американский политолог Кеннет Уолтц усматривал источник агрессии и войн в анархической природе международной системы, отказавшись от традиционного для реализма постулата об агрессивной природе человека как источнике войн³. Он признавал, что в настоящее время в международных отношениях международное сотрудничество и кооперация не менее значимы, чем конфликт и анархия. События, связанные с войной и безопасностью, не монополизируют повестку дня мировой

политики. В сфере внимания теоретиков неореализма находятся экономические, социальные вопросы и вопросы благосостояния.

В рамках неореалистского направления разработана теория гегемонистской стабильности. Ее основным аргументом является утверждение о том, что международные режимы устанавливаются и поддерживаются тогда, когда государство располагает преобладающими властными ресурсами, как США после Второй мировой войны. Если гегемонистская власть утрачена и властные ресурсы более или менее равномерно распределяются между государствами, международные режимы также падают и наступает период анархии и борьбы за гегемонию, пока наиболее сильному лидеру не удастся установить новый гегемонистский режим, который восстановит состояние баланса сил и стабильности.

Анализируя успех европейской интеграции, неореалисты основной акцент делают на то, что ее начало совпадает с началом холодной войны. Первоначальный импульс ей был придан планом Маршалла и особыми обстоятельствами, связанными с восстановлением послевоенной Европы.

В настоящее время в исследованиях по вопросам внешней политики и теории международных отношений регионализм и региональная интеграция рассматривают как ключевые индикаторы международных изменений, последовавших после завершения эпохи холодной войны и вступления мира в постбиполярную, полицентричную стадию развития. Рост внимания исследователей к регионализации и региональной интеграции обусловлен возрастанием роли и активности таких региональных организаций, как ЕС, АСЕАН, АПЕК и НАФТА, осуществляющих координацию процесса принятия решений на наднациональном уровне и международным регулированием проблем.

Дж.Гриффит утверждал: «Главные дебаты о регионализме ведутся по вопросу о том, ведет ли он к более поляризованной или к более интегрированной мировой экономике и мировому порядку. Пока пролиферация региональных торговых соглашений вызывает беспокойство относительно их применения для многосторонней торговли, многие обозреватели доказывают, что эти две системы не противоречат друг другу. Тем не менее отношения между регионализмом и многосторонней системой комплексны и становятся более комплексными по мере того, как увеличивается количество и диапазон региональных инициатив. Уверенность, что регионализм и

многосторонность развиваются совместно (открытый регионализм), а не раздельно (закрытый регионализм), является, возможно, самой серьезной проблемой, вставшей перед творцами торговой политики сегодня»⁴.

Наряду с традиционно сложившимися подходами к исследованию интеграционных процессов в конце XX века в теории международных отношений, политологических и социологических теориях, получило развитие новое теоретическое направление - конструктивизм. Социальные конструктивисты полагают, что кооперация, регулируемая правилами, может со временем привести акторов к изменению их убеждений и представлений относительно того, кем они являются и каково их отношение к международной системе. По мере того как кооперация становится привычным явлением, государства и другие негосударственные акторы могут развиваться в более коллективные идентичности. И это, в свою очередь, ведет к усилению готовности международных акторов к кооперации. В ходе этого процесса структурная трансформация международной системы может осуществляться постепенно и государства смогут избежать худших аспектов международной анархии.

Конструктивизм, кроме позитивистско-рационалистических методов анализа, активно использует когнитивные методы исследования. Когнитивные теоретики доказывали, что государственные интересы не являются данностью, а формируются. Они исследовали роль нормативных и каузативных убеждений в принятии решений, объяснении выбора предпочтений и формировании интересов. Если обнаруживаются изменения в убеждениях и это, в свою очередь, влияет на поведение, тогда имеет место процесс обучения. Они стараются продемонстрировать, что государства могут пересмотреть свои интересы без заметного сдвига во всем системном распределении власти. Знание может стать общим для политиков, принимающих решения, под влиянием транснационального сообщества, определяемого как «сеть профессионалов, обладающих признанным опытом и компетенцией в отдельных областях»⁵.

Например, экологи, ученые, экономисты и другие могут влиять на формирование и устойчивость международных режимов различными способами. Международные режимы зависят от деятельности более широких нормативных структур международного общества, и как результат - государства, как правило, не могут игнорировать институциональные решения без соответствующих для них последст-

вий. Только интересы не могут объяснить механизма поддержания режимов, которые обладают не единственно регулятивной функцией, требующей, чтобы государства вели себя в соответствии с определенными нормами и правилами. Они также создают общий социальный мир, который интерпретирует смысл международного поведения. Иными словами, режимы обладают «конститутивным измерением».

При исследовании интеграционных процессов современные исследователи большее внимание уделяют региональным интеграционным институтам, логика образования которых отличается от ставшей классической европейской схемы интеграции. Разрабатываемые ими концепции, основанные на новых теоретических моделях и описывающие новые практики кооперативного взаимодействия государственных и негосударственных акторов в разных областях общественной жизни, можно отнести к «новому регионализму».

В отличие от традиционных подходов к исследованию региональной кооперации и интеграции, сформировавшихся в биполярном контексте холодной войны, когда интеграционные сообщества только создавались, новый регионализм (как теория, так и практика) является продуктом полицентричного мира, когда создание многочисленных интеграционных объединений, политических союзов и коалиций, направленных на решение задач безопасности, стало распространенной международной практикой.

Специфической чертой нового подхода к исследованию интеграции и регионализации является не только сугубо военное представление о безопасности. Феномен многоаспектного, комплексного характера процессов секьюритизации и десекуритизации как выражение потребности в устойчивом развитии определяет новые тенденции в развитии международной кооперации на глобальном и региональном уровнях.

В новых исследовательских подходах регион рассматривается как активная и динамически развивающаяся единица. Он может как конструироваться, так и деконструироваться в идеально-символическом и в пространственно-географическом отношениях. Зачастую процессы интеграции и дезинтеграции дихотомичны и развиваются в регионе одновременно.

Рассматривая особенности регионального структурирования мирового пространства, Б.Хеттне выделяет следующие признаки, влияющие на характер интеграционных процессов, происходящих в регионе:

- во-первых, регион рассматривается как единая территориальная система и включает в себя по крайней мере несколько государств (политически оформленных единиц), объединенных друг с другом географическими отношениями и определенным уровнем взаимозависимости;

- во-вторых, возможность несовпадения региональных очертаний (административных и государственных границ): в состав региона может входить не все государство, а только его часть (восточная часть Швеции является частью Балтики, западная - тяготеет к Атлантике, а южная - к европейской континентальности);

- в-третьих, степень развитости региональных связей может не совпадать по экономическим, политическим и культурным параметрам (неравномерность степени развитости внутрорегиональных экономических, политических и культурных связей и кооперации);

- в-четвертых, степень региональной сплоченности может возрастать или ослабевать со временем в зависимости от того, как определяют свои интересы субъекты, действующие в регионе⁶.

«Новый регионализм» как парадигма для исследования новых политических стратегий отражает изменения в подходах как к исследованию, так и изучению самих практик регионализации и региональной интеграции, происходящих в постбиполярном мире. Изменения прослеживаются по трем основным параметрам: по особенностям возникновения новых региональных объединений, по составу и характеру их участников и по стратегическим целям, которые преследуют участники этих объединений⁷.

1. По истокам или механизмам возникновения. Ранее, при создании региональных институтов, важным условием являлось сходство политических и экономических структур, в настоящее время необходимость объединения диктуется наличием общих проблем и готовностью правительств к ведению диалога для согласования позиций и выработки общих решений. Поскольку новая глобальная система характеризуется более интенсивными и плотными информационными потоками и коммуникативными связями, возрастает значимость новых «кросс-границных» и трансграничных проблем, таких как миграция, терроризм, распространение наркотиков. Возрастает влияние этих внешних (невоенных) проблем на внутреннюю ситуацию, делая безопасность страны более уязвимой и повышено чувствительной к внешнеполитическим проблемам. Ресурсы национальных государств оказываются явно недостаточными для предотвращения угроз в одностороннем порядке.

Поэтому государства предпочитают участвовать в коллективной безопасности и сотрудничестве и устанавливать транснациональную координацию политики, с тем чтобы объединить издержки по расходам.

2. По участникам. Региональные сообщества в эпоху холодной войны создавались «сверху» сверхдержавами, в настоящее время процесс формирования новых региональных сообществ приобрел спонтанный характер, инициативы исходят «снизу», они генерируются самими регионами, главными инициаторами выступают сами участвующие государства и негосударственные организации, локализованные в регионе.

3. Различия по целям. В условиях биполярного мира вопросы военной безопасности и экономического развития были институционально разделены. В рамках «старых» региональных объединений прослеживается специализация создаваемых региональных объединений, ориентированных в одном случае на военно-политическую безопасность, а в другом - на экономическое развитие. Новый регионализм представляет собой более всеобъемлющий, многогранный процесс, включая в сферу своей компетенции вопросы, связанные с торгово-экономической интеграцией и охраной окружающей среды, социальной политикой, безопасностью, демократией. Региональная кооперация может быть начата правительствами, которые рассматривают переговоры о строительстве добрососедских отношений, экономические связи, передачу знаний и координацию политики как наиболее предпочтительные инструменты решения проблем, вызванных глобальными процессами.

Концепция Хетне - Съедербаума, рассматривая применительно к Европе региональность по аналогии с «государственностью» и «национальностью»⁸, выделяет пять уровней регионального развития:

Первый уровень - региональное пространство. Традиционная система производства и обмена не позволяла создавать устойчивых связей между локальными сообществами, объединенными общими геофизическими границами, в рамках которых они осуществляют контроль над определенным набором природных ресурсов. Хотя традиционные общества и объединены общими культурными ценностями и общими представлениями о социальном порядке, естественные природные границы являются доминирующей характеристикой (одним из важных оснований различения) ранних цивилизаций: «Европа от Атлантики до Урала», «Африка южнее Сахары», Центральная Азия или «Индийский субконтинент».

Второй уровень - региональные комплексы. Возникновение региональных комплексов связывается с межкультурным влиянием и повсеместным распространением транслокальных отношений между крупными социальными группами. Создание средневекового христианского общества в Европе периода 800-1200 годов связывают с зарождением европейской идентичности.

Третий уровень - региональное общество - является важной характеристикой становления современного общества. Этот уровень региональности теоретики британской школы рассматривают как региональную форму «международного общества» кооперирующихся государств, но не ограничивающегося только государственными отношениями.

Б.Хеттне описывает этот процесс как «возникновение разнообразных процессов взаимодействия между множеством акторов - государствами и негосударствами - по различным направлениям: экономическим, политическим и культурным, то есть многосторонней регионализации». По мере развития регионализации разнообразие процессов на различных уровнях (например, микро - макро) и в различных секторах должно привести к нарастанию масштабов кооперативных связей и повлечь комплиментарность и взаимоусиление, а не конкурентность и дивергенцию.

Четвертый уровень - региональное сообщество. Региональное сообщество предполагает установление более прочных кооперативных отношений между формальными регионами, определяемыми как сообщества государств. Происходит транснационализация гражданских обществ в региональное сообщество. Это ведет к конвергенции идей и совместимости организаций, появлению общих легитимных структур и процессов принятия решений внутри региона. Возникает коллективная идентичность, отношения характеризуются взаимным доверием, основанным на общности процессов социализации и взаимного обучения. На этом уровне регион во все большей степени превращается в активного субъекта с отличной идентичностью, более или менее ответственным региональным гражданским обществом, превосходящим старые государственные границы.

Пятый уровень - регион-государство. Гипотетический уровень регионализации. Высшим результатом регионализации может стать регион-государство, которое в отношении масштабов и культурного многообразия будет сопоставимо с классическими империями. Ре-

гион-государство следует отличать от нации-государства. Оно никогда не достигнет того состояния однородности и суверенности, которым обладало государство вестфальского типа, поэтому регионализированный порядок нельзя рассматривать как аналог Вестфальской системы с меньшим количеством государств-участников. Подобно тому как существует много типов наций-государств, также существует несколько типов регионов-государств.

Далее, политическая логика регионализации отлична от логики построения нации-государства. Гомогенизация внутри региона не может быть как в нации-государстве простым применением культурной стандартизации в соответствии со специфической этнической моделью, но, скорее, совместимостью между различиями в рамках плюралистических культур. Мировые регионы, по определению, мультикультурны и гетерогенны. Поэтому только силового потенциала и готовности применения силы недостаточно для поддержания в них единства.

В терминах политического порядка «регион-государство» конституирует добровольную эволюцию групп бывших суверенных национальных сообществ в новые формы политического единства, которые намного демократичнее ранее существовавших политических образований. Национальные интересы могут превалировать, но они не становятся идентичны интересам национальных государств. Более того, власть и принятие решений децентрализованы и располагаются на локальном (микрорегиональном и макрорегиональном) или наднациональном уровнях. Эта идея является основой для ЕС, так как она прописана в Маастрихтском договоре. Три корзины - рыночная интеграция, внешняя безопасность наряду с социальным измерением, применяющим европейскую форму более или менее регулируемого социального капитализма, - покрывают существенные функции организованного политического сообщества, или региона-государства. Для других регионов эта модель, возможно, представляет отдаленное будущее, но, несомненно, будет выработана.

В концепции о «сообществах безопасности» Е.Адлера - Б.Кроуфорда сообщества безопасности рассматриваются не столько как группы людей, взаимодействующих на основе общих ценностей и взаимопонимания, сколько как социальные структуры, которые конституируют интересы и идентичности своих членов (по аналогии с исследованием Б.Андерсоном нации как «воображаемого сообщества»). Ощущение коммунальной общности «Мы-принадлежности»

является не только и не столько фактом общественного сознания, но подтверждается и закрепляется набором институционализированных в сообществах практик. В онтологическом отношении сообщества безопасности не сводимы ни к пространственно-географическому, ни к культурно-символическому ареалу, то есть не являются ни исключительно географически локализованным местом, ни культурно-символическим пространством. Им также отводится инструментальная роль в обеспечении условий достижения мира или его поддержания. Состояние мира является основой создания и воспроизводства коммунальных отношений.

«Сообщества безопасности формируют те государства, которым удастся сформировать и поддерживать чувство солидарности - «Мы-общности». Обучение, а не баланс сил становится частью механизма изменения. Под обучением понимается не столько интернализация индивидами некоторых идей или верований, а активный процесс коллективной интерпретации реальности, основанный на новом каузальном и нормативном знании. Институционализация этого процесса позволяет оказывать практическое воздействие не только на сознание отдельных людей, но и вызывать изменения как в их повседневном поведении, так и в общественной практике, снижая уровень насилия и агрессии»⁹.

«Сообщества безопасности формируют новые механизмы поддержания безопасности на международной арене, отличные и противоположные механизму «баланса сил». Если «баланс сил» гарантирует достижение безопасности средствами сдерживания, принуждения и силы, сообщества безопасности добиваются той же цели благодаря действующим общим нормам и чувству идентичности, которые вынуждают государства, являющиеся членами сообщества, соблюдать мирные принципы взаимодействия. Обращаясь в своих взаимоотношениях к новым практикам - диалогу, дискуссии, аргументированному убеждению, Адлер и Барнетт определяют сообщества безопасности как «транснациональные регионы, состоящие из суверенных государств, члены которых поддерживают ожидания о мирных изменениях. Примеры таких сообществ - Скандинавия, Канада и США, ЕС, Евroatлантическое сообщество и в меньшей степени АСЕАН»¹⁰.

На международной арене сообщества безопасности развивались не спонтанно. Их появление активно поддерживалось и продвигалось региональными международными и транснациональными ин-

ститутами, которые, в свою очередь, опирались на экономическую мощь и политическое влияние ведущих государств. Создание новых институтов, вокруг которых складывались новые идентичности, основывалось на представленных этими государствами материальных ресурсах и нормативных концептах, которые определяли стандарты «правильной» внутренней и легитимной международной политики (демократия, права человека, устойчивое развитие, региональные модели развития, например, «азиатский путь», «африканский социализм» и т. д.), направленной на «социальное конструирование» транснациональных идентичностей.

Поэтому, как это ни парадоксально, сила играет важную роль в создании сообществ безопасности. Эта роль может быть понята как «магнетическое притяжение» центрами периферийных государств. Это динамичные и позитивные отношения между силой, идеями, нарастающим взаимодействием и социальным обучением, которые содействуют взаимному доверию и коллективной идентичности. Они, в свою очередь, являются непосредственными необходимыми причинами для развития устойчивых ожиданий мирных изменений.

По мнению авторов, некоторые международные институты ЕС, НАТО способствовали созданию ряда элементов сообществ безопасности, дальше всех в этом направлении продвинулась ОБСЕ, трансформируя себя в институт, формирующий сообщества безопасности. Инновационная практика этой организации способствовала широкому распространению нового понимания международной безопасности.

Особенность нового понимания безопасности, заключается в наборе следующих характеристик:

- во-первых, она должна иметь всеобъемлющий характер, поскольку связывает традиционные военные элементы безопасности с экономикой, окружающей средой, культурой и человеческим фактором;
- во-вторых ее неделимость, то есть безопасность одного государства, не может обеспечиваться за счет безопасности других государств;
- в-третьих, «кооперативный характер» отношений безопасности основывается на взаимном доверии, практике мирного разрешения споров и реализуется в ходе взаимодействия многосторонних институтов.

Кооперация в сфере экономики и политики рассматривается как условие эффективного управления и разрешения конфликтов, возникающих в отношениях между государствами, без применения си-

ловых средств. Одновременно Адлер и Кроуфорд предупреждают о том, что не следует думать, что сообщества безопасности могут развиваться в любых условиях. «Развитие сообщества безопасности требует минимум доверия и коллективного понимания, которые отсутствуют во многих случаях серьезных и затянувшихся конфликтов, таких как ближневосточный. Поэтому не следует ожидать появления сообщества безопасности в ближайшей перспективе между Израилем и Палестиной»¹¹.

Ф.Аттина в публикации «Евро-средиземноморское партнерство безопасности в сравнительной перспективе»¹² в рамках своей концепции предлагает шкалу разграничения и упорядочения многообразия форм региональных систем безопасности в соответствии со степенью интегрированности участников и уровнем достигнутой институционализации.

Крайними точками предложенной шкалы выступают «нулевой» уровень, то есть полное отсутствие мер, обеспечивающих коллективную безопасность, и другой «экстремум», представляющий развитые институциональные структуры кооперации, по определению К.Дойча, - амальгированные сообщества безопасности.

Между этими «экстремумами» Ф.Аттина выделяет пять промежуточных уровней:

- система противостоящих альянсов;
- система коллективной безопасности;
- региональное партнерство по безопасности;
- слабоинтегрированные плюралистические сообщества безопасности;
- высокоинтегрированные плюралистические сообщества безопасности.

1. Система противостоящих альянсов. Военное сотрудничество основано на традиционном представлении о государственной безопасности как условии, при котором группа государств координирует функционирование своих вооруженных сил, используя угрозу применения силы как средства устрашения потенциальных агрессоров. Государства вступают в военный альянс, когда они сталкиваются с угрозами безопасности, которые не могут нейтрализовать самостоятельно. Часто создание военного альянса одной группой государств провоцирует государства, проводящие отличную политику в регионе, также создавать военные объединения, находящиеся в оппозиции первым. В результате мировая система принимает

вид системы противостоящих друг другу военно-политических объединений и совокупности неприсоединившихся государств. Зачастую принадлежность к военному альянсу не только не укрепляет безопасность государства-члена, но делает его более уязвимым, превращая в объект дискриминации и потенциальной агрессии уже в силу факта самой принадлежности к оппозиционной группировке. Аттина обращает внимание на то, что после Второй мировой войны на протяжении 40 лет европейская система безопасности представляла собой систему противостоящих альянсов¹³.

2. Система коллективной безопасности (СКБ) не предполагала ни создания постоянных вооруженных сил, ни подписания соглашений об обязанности совместных действий для управления конфликтами. При этой системе правительства сохраняют национальный контроль над вооруженными силами и представляют свое согласие на их применение только в случае интервенции со стороны агрессора.

Гриффит и О'Каллаган подчеркивают, что «формально под коллективной безопасностью понимается набор легально установленных механизмов, созданных для предотвращения или подавления агрессии в отношениях между государствами. Это достигается посредством демонстрации потенциальным или реальным агрессорам возможностей принятия мер для поддержания мира, а если необходимо - для принуждения к нему.

Подобные меры могут ранжироваться от дипломатического бойкота до введения санкций и даже осуществления военных действий. Суть заключается в коллективном наказании агрессора через использование превосходящей силы»¹⁴.

3. Региональное партнерство по безопасности основывается на иной, в сравнении с альянсами, концепции безопасности - концепции кооперативной безопасности. Хельсинкский процесс разрядки рассматривается как образец начала формирования этого направления. Он основан на мерах коллективной безопасности, оговоренных в региональных соглашениях, включающих перечень мер доверия, которые предполагают обмен информацией по вопросам военной политики и организационных структур, а также поддержание как военных, так и невоенных структур безопасности, которые включены в соглашения. Быстрое и скоординированное вмешательство вооруженных сил для предотвращения военных конфликтов и сдерживания агрессивных действий и способность

кризисного управления как в военной, так и гражданской сфере позволяют восстановить мирные отношения.

4. Слабоинтегрированные плюралистические сообщества безопасности (термин заимствован у К.Дойча и употребляется аналогичным образом) распределяются между двумя формами - слабо интегрированными и плотно интегрированными.

Слабоинтегрированные сообщества обычно нецентрализованы или слабо централизованы, и входящие в них государства пользуются всей полнотой государственного суверенитета.

5. Высокоинтегрированные плюралистические сообщества безопасности. В качестве образца может выступать Европейский союз, обладающий структурами наднационального управления и проводящий общую внешнюю и оборонную политику.

Ф.Аттина предлагает рассматривать партнерства по безопасности как переходную форму к образованию сообществ безопасности на основе анализа особенностей формирования и деятельности ОБСЕ, ШОС, АСЕАН и выделяет основные типологические черты новой формы трансрегиональных объединений. В основу рассматриваемой им модели регионального партнерства по безопасности положен опыт создания и деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), впервые организационно структурировавшей и институционально оформившей отношения регионального партнерства.

Региональные партнерства по безопасности (РПБ) обычно представляют собой международные организации, опирающиеся на сложные многосторонние структуры, использующие набор внешних мер и механизмов (например, нормативные акты, созданные на основе базовых и оперативных соглашений), которые обеспечивают урегулирование конфликтов или способствуют их предотвращению.

Ф.Аттина выделяет следующие признаки институционализированных структур регионального партнерства по безопасности:

- базовые соглашения о совместных действиях;
- договоры по безопасности (заключенные официальными лицами);
- пакты о мире и стабильности, включающие меры поддержания доверия, меры превентивной дипломатии, а также меры воздействия на внутригосударственные процессы и структуры в случае возникновения риска применения внутреннего насилия;
- международные организации безопасности¹⁵.

В отдельных случаях в процесс создания региональных партнерств по безопасности вовлечены сверхдержавы, так, например, СССР и США участвовали в Хельсинкском процессе, хотя подобная практика является скорее исключением, чем правилом.

Под партнерством понимается совместное участие двух или нескольких субъектов или акторов политических отношений в решении стратегически значимых проблем на принципах равенства, взаимоуважения, отказа от использования силовых методов при решении спорных вопросов. Во внешней политике под партнерством понимают отношения, складывающиеся между отдельными странами или группой стран, вовлеченных в совместные инициативы на паритетной основе. Формирование межгосударственных структур и институтов, обеспечивающих региональную безопасность, не предполагает создания наднациональных политических институтов. Поэтому отношения партнерства могут развиваться между странами, отличающимися между собой по ряду важных экономических, социально-политических и культурных параметров и, возможно, ранее находившимися в состоянии конфликта, но в настоящее время заинтересованными в совместных действиях, направленных на ослабление риска взаимной силовой конфронтации, и готовыми к ним¹⁶.

Существует мнение, что, по мере того как региональное партнерство усиливается и становится более продолжительным, государства-партнеры на основании устойчивых форм взаимодействия и сложившихся общих практик формируют единые ориентации в отношении решаемых проблем и ценностей, которые лежат в основе принимаемых решений. Практики совместных действий ведут к постепенному снижению различий в культуре безопасности взаимодействующих акторов.

Однако общие практики и ориентации ведут к формированию ощущения общей принадлежности и общей идентичности граждан государств-партнеров. Поэтому существует возможность эволюции РПБ в региональные сообщества безопасности.

Партнерства по обеспечению безопасности в отдельных случаях могут объединять не только страны, ранее находившиеся в состоянии конфликта, но и страны, связанные большими потоками взаимных трансакций и коммуникаций, если они разделяют общие или совместимые культурные и институциональные ценности. Более того, даже в случае отсутствия общей культуры безопасности или институционального сходства и похожие лишь только по отдельным

политическим и практическим мотивам страны региона могут быть готовы к совместным действиям, направленным на ослабление риска взаимной силовой конфронтации, и к созданию условий, обеспечивающих поддержание регулярного взаимодействия в различных сферах - экономической, социальной, культурной, политической.

Подводя итог анализа эволюции теорий интеграции, можно сделать следующий вывод. Новый подход теории «нового регионализма» и концепции «сообществ безопасности» позволяет дать более адекватное описание изменений, происходящих в практиках создания новых международных региональных объединений с учетом новых условий их возникновения, изменившегося состава и характера участников, по стратегическим целям, которые преследуют участники этих объединений, формам и методам их воплощения.

В условиях биполярного мира вопросы военной безопасности и экономического развития были институционально разделены. «Старые» (возникшие после Второй мировой войны) региональные объединения были функционально специализированы на достижение военно-политической безопасности либо на экономическое развитие. Возникающие в последнее время «новые» региональные объединения (ЕСП, ШОС) представляют собой более всеобъемлющий, многогранный процесс с включением в сферу своей компетенции вопросов, связанных и с торгово-экономической интеграцией, и охраной окружающей среды, социальной политикой и политикой безопасности.

Если при строительстве региональных институтов в условиях холодной войны важным являлось сходство политических и экономических структур стран-участниц, то в настоящее время необходимость объединения диктуется наличием общих проблем и готовностью правительств к ведению политического диалога для согласования позиций и выработки общих решений.

Процессы регионализации отличаются большим разнообразием, развиваясь на различных уровнях (микро- и макро-) и в различных секторах, что ведет к нарастанию масштабов кооперативных связей, их комплиментарности и взаимоусилению, одновременно ослабляя негативные последствия конкуренции и опасность дивергенции.

¹*Deutsch K.W.; et al. Princeton: Political community and the North Atlantic area; international organization in the light of historical experience. Princeton University Press, 1957.*

²Ibid.

³Waltz K. Theory of International Politics // Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

⁴Griffiths J. and O'Callaghan T. International Relations: The Key Concepts. L. 2002.

⁵Viotti P.R. & Kauppi M.V. International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism, and Beyond. 3-d Ed. Boston: Allyn and Bacon, 1999. P. 217.

⁶Hettne B. and Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. 5(3). P. 38.

⁷Hettne B. The New Regionalism Revisited / F.Söderbaum and T.M.Shaw. Theories of New Regionalism. A Palgrave Reader, 2003; Attina F. The Euro-Mediterranean Partnership Assessed: The Realist and Liberal Views // European Foreign Affairs Review. Vol. 8. №2. 2003.

⁸Hettne B., Söderbaum F. and Stålgren P. The EU as a Global Actor in the South // Report. 2008. №8. June. P. 41.

⁹Adler E. and Crawford B. Constructing a Mediterranean Region: A Cultural Approach // Conference on «The Convergence of Civilizations? Constructing a Mediterranean Region», Arrábida Monastery, Fundação Oriente, Lisboa, Portugal, June 6-9. 2002. P. 11-12.

¹⁰Ibid. P. 9.

¹¹Ibid. P. 12.

¹²Attina F. The Euro-Mediterranean project of security partnership in comparative perspective. JMWP. №52. 2004. September. P. 1-19.

¹³Ibid. P. 1-19.

¹⁴Griffiths J. and O'Callaghan T. Op. cit. P. 38-39.

¹⁵Attina F. The Building of Regional Security Partnership and the Security Culture Divide in the Mediterranean Region. W P AY0405-8. Institute of European Studies. 8 May. 2004. P. 4-5.

¹⁶Ibid. P. 5-6.

Ключевые слова: региональная интеграция, принцип субсидиарности, «новый регионализм», дивергенция, институализация, региональное партнерство по безопасности.

Международная

ЖИЗНЬ

Региональный вектор

Елена Брагина:

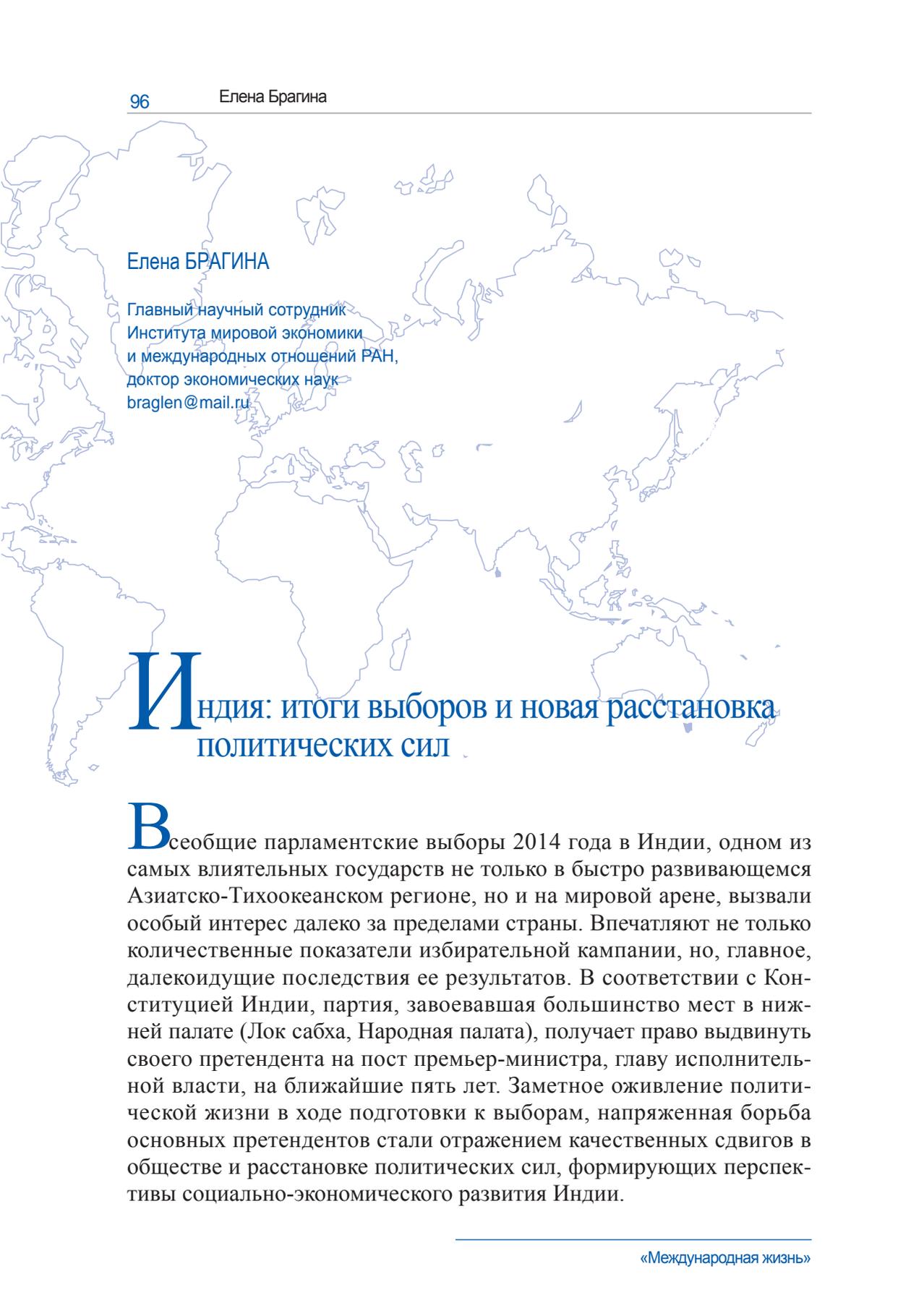
«Победа БДП на нынешних выборах была ожидаемой, но ее масштабы, тотальное поражение ИНК превзошли все прогнозы. Предполагалось, что итогом выборов станет образование очередного коалиционного правительства, как не раз бывало в политической жизни Индии. В этом сказались определенная инерционность в оценке сдвигов в структуре индийского общества, его спроса на перемены».

Дина Малышева:

«Конфликты, где активную роль играют исламистские экстремисты, протекают в основном в африканских странах, обладающих важными стратегическими ресурсами (нефть в Нигерии, уран в Мали и Нигере, алмазы в ЦАР и пр.), что автоматически выводит такие конфликты в разряд международных, обеспечивая им широкое информационное освещение в западных медиа. Неоднозначно выглядят при этом и конфликтная политика европейских государств, прежде всего Франции, а также и США: свою миротворческую миссию они спешат исполнить именно в тех африканских странах, которые богаты полезными ископаемыми».

Сергей Труш:

«По замыслу инициаторов, помимо обнуления (стадийно к 2025 г.) всех торговых таможенных барьеров, страны принимают на себя обязательства, регламенты, принципы экономической деятельности, получившие в кругу экспертов название «платиновый стандарт». Этот стандарт касается не только собственно торговли, но и производства, налогообложения, правил конкуренции частного и государственного бизнеса, прозрачности инвестирования, прав интеллектуальной собственности, трудового законодательства».

Елена БРАГИНА

Главный научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений РАН,
доктор экономических наук
braglen@mail.ru

Индия: итоги выборов и новая расстановка политических сил

Всеобщие парламентские выборы 2014 года в Индии, одном из самых влиятельных государств не только в быстро развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и на мировой арене, вызвали особый интерес далеко за пределами страны. Впечатляют не только количественные показатели избирательной кампании, но, главное, далекоидущие последствия ее результатов. В соответствии с Конституцией Индии, партия, завоевавшая большинство мест в нижней палате (Лок сабха, Народная палата), получает право выдвинуть своего претендента на пост премьер-министра, главу исполнительной власти, на ближайшие пять лет. Заметное оживление политической жизни в ходе подготовки к выборам, напряженная борьба основных претендентов стали отражением качественных сдвигов в обществе и расстановке политических сил, формирующих перспективы социально-экономического развития Индии.

СЛОЖНЫЙ ФОН ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Среди факторов, решивших исход выборов, прежде всего следует отметить ухудшение экономического положения страны. После рывка Индии в начале XXI века, среднегодового роста ВВП 8-9 %, начавшийся мировой кризис привел к его резкому снижению из-за сокращения спроса на основные экспортные товары Индии. В предвыборном, 2013 году ВВП вырос на 4,9%, самый низкий показатель за последние 25 лет. По оценкам индийских экономистов, стране с быстро увеличивающимся населением необходим ежегодный рост экономики не менее 7%.

Острой социально-экономической проблемой остается массовая бедность. По данным Азиатского банка развития, к этой категории относятся почти 584 млн. человек, половина жителей Индии, по показателю бедности. По предложению Всемирного банка он был поднят с 1,25 доллара дохода в день на человека до 1,57 доллара за счет включения в перечень необходимых расходов платы за мобильный телефон, наличие которого, как подчеркивалось, имеет приоритетную социальную значимость в странах Азии¹. Это типичный парадокс XXI века - нехватка средств на продукты питания, чистую воду и другие повседневные нужды сосуществует с необходимостью владения одним из современных символов - мобильной связью. По оценке «Google», Индия принадлежит к странам с самыми высокими темпами ее распространения.

Продолжился рост цен на продовольственные товары, особенно на овощную продукцию, основу питания большинства населения, что привело к активным протестным выступлениям. Дефицит по текущим торговым операциям составил 49,2 млрд. долларов к исходу 2013/14 финансового года. Валютные запасы Резервного банка Индии не превысили 280 млрд. долларов. Курс рупии к доллару девальвирован и подвержен колебаниям: 62,1 рупии за доллар в 2012 году, 66,0 - в 2013-м, 59,8 - в марте 2014 года. Инфляция, выросшая до 8-9%, заметно ухудшила инвестиционную привлекательность Индии. Сопоставление этих показателей привело индийских экономистов к выводу, что страна находится на грани стагфляции².

Дополнительным раздражителем стал рост коррупции, масштабы которой оцениваются от 4 до 12 млрд. долларов в год. В коррупционных скандалах были замешаны правительственные чиновники, что ухудшило репутацию партии Индийский национальный

конгресс (ИНК), видный деятель которой - Манмохан Сингх возглавлял правительство с 2004 года, как и в предыдущие пять лет. В борьбе с коррупцией, наряду с уличными демонстрациями, проводились голодовки, традиционная для Индии форма протеста с времен Махатмы Ганди.

На исход выборов существенно повлияла позиция крупного национального капитала, недовольного отсутствием реформ трудового законодательства, а также сохраняющимся давлением бюрократии на бизнес. В последние годы усилился вывод активов за рубеж, снизились капитальные вложения в промышленность. Темпы роста этого сектора не превышали 2%, что существенно ограничило его роль генератора производства и занятости. Постоянная зависимость от импорта углеводородов, до 75% их потребления, также тормозит рост. Задача реиндустриализации стоит на повестке дня, причем, как подчеркивает известный индийский экономист Амартья Сен, речь идет о современных наукоемких производствах, а не о повторении пройденного с упором на тяжелые отрасли промышленности.

Основной сферой занятости в Индии остается аграрный сектор, 244 млн. человек по сравнению с 59 миллионами в промышленности. Социально-экономические трудности Индии усугублены нарастанием двух взаимосвязанных процессов - высокой рождаемости и урбанизации, что увеличивает масштабы предложения на рынке труда. Возрастная группа до 26 лет достигла 50% всего населения, но страна при количественном росте трудоспособных граждан не получает демографического дивиденда из-за невозможности обеспечить их занятость. Массовые миграционные потоки молодежи из сельских районов в поисках работы ориентированы прежде всего на крупные города. В ближайшие 25 лет примерно еще 300 млн. мигрантов покинут деревни, но спрос на их неквалифицированный труд ограничен. Города дают две трети национального дохода страны, в них концентрируется наиболее динамичное население, значительная часть которого не удовлетворена своим положением, отсутствием занятости, перспектив социального лифта, и ждет перемен.

Число избирателей по сравнению с предыдущими парламентскими выборами (2009 г.) выросло почти на 100 млн. человек - с 717 миллионов до 814 с перевесом молодых возрастов. Обозреватели прогнозировали растущую политизацию этого поколения, его стремление обозначить свои интересы в ходе голосования. Высокая доля участия женщин, 48% всего электората, и молодежи стала осо-

бенностью выборов. Длинные очереди на 930 тыс. избирательных участках характерны прежде всего для городских ареалов в ходе 35-дневной кампании, с 7 апреля по 12 мая 2014 года. Такая продолжительность связана с тем, что правительству не хватало полицейских и оно было вынуждено перебрасывать их для соблюдения порядка на избирательных участках, организованных в 28 штатах и пяти союзных территориях страны (29-й штат, Теленган, с населением 30 млн. человек был выделен из штата Мадхья-Прадеш после завершения избирательной кампании).

В голосовании приняли участие 66,4% зарегистрированных избирателей, 551 млн. человек по сравнению с 417 миллионами в 2009 году. За места в парламенте боролись 464 партии, свыше 8 тыс. претендентов, в том числе 638 женщин. Впервые на этих выборах в бюллетенях появилась графа «против всех». Борьба за места в парламенте стоила кандидатам в среднем сотни тысяч долларов (например, в штате Хайдарабад, по оценкам, их расходы достигали 700-800 тыс. долл., по курсу в рупиях 40-50 млн.). Индии вся избирательная кампания обошлась в 5 млрд. долларов³.

Участвовавшие в избирательной кампании партии в силу объективных условий в стране на первый план выдвигали внутренние социально-экономические проблемы, уделяя внешнеполитическим аспектам значительно меньше внимания. Основные их позиции во многом были близки, концентрируясь на необходимости повышения темпов роста, создании новых рабочих мест, преодолении нищеты. Неспособность ИНК как правящей партии создать предпосылки для реализации таких задач сильно ударила по его имиджу.

Бхаратия джаната парти (БДП) - вторая общенациональная партия, традиционно главный соперник ИНК на выборах в парламент страны. В ходе избирательной гонки БДП и ИНК почти в одинаковых выражениях подчеркивали особую роль среднего класса, называя его новым (new middle, neo-middle class), правда без расшифровки, в чем состоит новизна и каковы его количественные оценки⁴. Речь шла прежде всего о горожанах со средними доходами, так называемых городских потребителях, хотя такой подход сужает влияние этой прослойки, в которой значительная роль принадлежит представителям малого бизнеса. Поскольку этот слой численно рос в годы экономического подъема и проявлял относительно высокую политическую активность, его позиция на выборах была важна для победы. Н.Моди, главного кандидата БДП, даже называли кумиром среднего

класса, признавая в то же время, что ему присущи диктаторские наклонности. В избирательной кампании 2014 года активно использовались СМИ, особенно телевидение, с учетом значительного числа неграмотных избирателей в сельских районах. Его роль выросла, благодаря увеличению числа домохозяйств с доступом к телевизионным сетям с 123 миллионов в 2009 году до 153 миллионов в 2014-м. Но решающую роль играли личности главных претендентов на победу.

ПОЧЕМУ ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ?

На выборах 2014 года заметно было влияние партий, сформировавшихся в штатах, сильной стороной которых были хорошее знание местных проблем и настроения избирателей, но основная борьба развернулась, как всегда, между ИНК и БДП. Помимо тяжелого экономического спада в стране, самой уязвимой чертой ИНК стало отсутствие сильного кандидата на пост премьер-министра в случае победы партии на выборах (глава правительства, 82-летний Манмохан Сингх, влиятельный член ИНК, еще до выборов заявил, что при любом их исходе не будет выдвигать свою кандидатуру). ИНК сделал ставку на Рахула Ганди в надежде, что он, представитель династии Неру - Ганди, правнук и внук таких прославленных лидеров страны, как Джавахарлал Неру и Индира Ганди, сохранит симпатии большинства избирателей. Расчет строился также на его поддержке молодежью, поскольку 43-летний Ганди, как считали в руководстве ИНК, выгодно контрастировал с претендентом от БДП Нарендрой Модии, приближавшимся к 64 годам (впервые за пост главы правительства от двух общенациональных партий боролись кандидаты, родившиеся после завоевания страной политической независимости).

Политологи ИНК не сумели адекватно оценить накопившиеся в индийском обществе ожидания перемен, определенную психологическую усталость и разочарование политикой, которую ИНК с небольшими перерывами проводил как единолично, так и в коалиционных правительствах 54 года своего пребывания у власти из 67 лет независимой Индии. Но главное - не было в должной мере понято принципиальное отличие кандидата БДП Нарендры Дамодардаса Модии от Рахула Ганди.

Выборы стали острым противостоянием наступательной тактики, курса на экономические перемены, отражавшие характер и практический опыт Н.Моди (БДП), и позиции Р.Ганди (ИНК), во многом апеллировавшей к прошлому, отмеченному важными достижениями, но не создающей стимулов к продвижению в изменившихся условиях страны. Происхождение обоих кандидатов, их жизненный путь, манера поведения, политический опыт были совершенно разными. Н.Моди, прошедший школу партийной работы, начав с низов, а главное - успешный практик на посту губернатора, уловил настрой общества на «сильную руку», способную провести реформы, и в своей избирательной кампании сделал упор на необходимости иного стиля управления во имя «Новой Индии». Характерен один из его главных лозунгов: «У меня есть шанс посвятить себя порядку во власти Индии».

Р.Ганди не был готов к упорной политической борьбе, он и его партия не смогли представить сильную программу, а его личный авторитет был недостаточен для завоевания голосов массового избирателя. Не оправдались надежды на поддержку Р.Ганди молодым поколением, позиция которого во многих штатах оказалась решающей. Дополнительным осложнением для ИНК стала болезнь председателя партии Сони Ганди, лишившая ее возможности активно поддержать избирательную кампанию сына. Итоги выборов показали, что самая многочисленная группа населения - от 18 до 35 лет голосовала в основном за кандидатов от БДП, в то время как ИНК поддерживали избиратели от 55 лет и старше.

Победа БДП на нынешних выборах была ожидаемой, но ее масштабы, тотальное поражение ИНК превзошли все прогнозы. Предполагалось, что итогом выборов станет образование очередного коалиционного правительства, как не раз бывало в политической жизни Индии. В этом сказалась определенная инерционность в оценке сдвигов в структуре индийского общества, его спроса на перемены. Не будет преувеличением видеть в успехе БДП на выборах 2014 года прежде всего победу Н.Моди. Еще до окончательных результатов выборов поражение признали и взяли на себя ответственность за него руководители ИНК Соня и Рахул Ганди, объявив о своем переходе в оппозицию.

16 мая 2014 года были опубликованы официальные итоги выборов, на которых БДП одержала самую внушительную за последние 30 лет победу, завоевав в нижней палате парламента Индии вместе

с союзниками 336 мест из 545 при необходимом большинстве для формирования правительства - 272 мандата. На этом фоне 44 мандата ИНК по сравнению с 206 в предыдущем составе нижней палаты свидетельствуют о глубине его поражения. БДП обеспечила себе право выдвинуть Н.Моди на пост премьер-министра, который при формировании правительства из своих сторонников не нуждался в коалиции с другими партиями. Рынок ответил на его избрание взлетом котировок. 26 мая 2014 года в присутствии Президента Индии Пранаба Мукерджи и 4 тыс. гостей состоялась торжественная церемония приведения к присяге в качестве нового премьер-министра Индии Нарендры Дамодардаса Моды.

ПУТЬ К ПОСТУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ

Н.Д.Моди родился 17 сентября 1950 года в маленьком городке Ваднагар штата Гуджарат. Наверное, в этом есть некая закономерность - Махатма Ганди родился в этом штате и жил там после возвращения из Южной Африки. Из уважения к его памяти жители штата, пользующиеся репутацией умелых торговцев, настояли на введении сухого закона, действующего до сих пор. В этом штате родился основатель богатейшей семьи современной Индии Дхирубхай Амбани. Поработав за рубежом, он вернулся в родной штат и начал строить промышленные предприятия. Семье принадлежит нефтеочистительный завод, на долю которого приходится 2% мировой переработки нефти. Глава семейного дела Мукеш Амбани - ныне самый известный предприниматель Индии с состоянием 23,5 млрд. долларов, владелец холдинга «Рилаенс» (Reliance Industries), успешно работающего на национальном и мировом рынках⁵.

Н.Моди - выходец из бедной семьи торговца чаем, принадлежавшей к касте с низким социальным статусом. Его упрекали, что в бытность губернатором Гуджарата он провел законы, дающие определенные преимущества выходцам из каст, имеющим такой статус. С раннего детства он помогал отцу, разнося чай на железнодорожной станции. Совсем юным начал участвовать в работе местной партии националистического толка и этому направлению никогда не изменял. В зрелые годы характеризовал себя как последовательного сторонника индийского национализма. В школе отличался не столько успехами в учебе, сколько страстью к дискуссиям и публич-

ным выступлениям. В 17 лет женился по воле родителей. Правда, в СМИ его называли закоренелым холостяком, по другим сведениям, он развелся накануне парламентских выборов и намерен следовать обету безбрачия. Действительно, во время избирательной кампании и на официальных приемах он неизменно предстает один.

Вскоре после женитьбы Моди неожиданно ушел из дома, и два года о нем не было ничего известно. В период странствий, посещения ашрамов увлекся йогой, которой остался верен (в ходе избирательной кампании 2014 г. он говорил, что спит не более трех-четырёх часов и восстанавливает силы с помощью йоги)⁶. Получив дипломы по политологии двух ведущих индийских университетов, Делийского и Гуджаратского, вновь стал активным функционером БДП, завоевав авторитет своей работоспособностью и четкостью. Эти качества способствовали его быстрому подъему по карьерной лестнице в партии. Н.Моди настоящий трудоголик и в то же время поклонник литературы, автор двух сборников стихов на гуджарати. Он активный участник социальных сетей, на его «Твиттер» подписались свыше 2 млн. человек.

С 2001 года Н.Моди - главный министр (губернатор) штата Гуджарат с населением 50 млн. человек, одного из самых развитых в стране с дифференцированным сельским хозяйством и промышленностью, причем особое место занимает нефтепереработка. На территории штата располагаются 13 аэропортов, в том числе международные, а также морские порты, самый значительный из них - в Кандле. В Гуджарате впервые была организована Особая экономическая зона, ориентированная на экспортную продукцию, ныне их насчитывается несколько десятков. По уровню дохода на душу населения штат - один из лидеров в Индии.

На посту губернатора, важной ступени к дальнейшему продвижению, в полной мере развернулся талант Н.Моди как организатора и политика. Он начал свою деятельность, когда штат переживал глубокий спад из-за разрушительного наводнения. Репутацию Моди сильно омрачили кровавые конфессиональные столкновения в 2002 году, в ходе которых погибли около тысячи мусульман. Моди проявил свой характер, отказавшись извиниться за то, что, как считалось, не принял должных мер к прекращению конфликта, был судим, впоследствии оправдан. Этот инцидент стал предлогом для лишения его американской въездной визы, восстановленной после избрания на пост премьера.

Основой роста его популярности стали хозяйственные успехи Гуджарата в результате мер по улучшению инвестиционного климата, ограничению бюрократических процедур для открытия бизнеса. Штат стал привлекателен для крупных компаний, например холдинг «Тата» перевел туда одно из своих предприятий, канадская компания намерена возвести в Гуджарате завод, выпускающий вагоны для метрополитена. Следующим шагом, существенно укрепившим его позиции, стала финансовая и организационная помощь фермерам, а также мелким предприятиям, которые в Индии составляют основу местной промышленности.

В своей экономической политике Н.Моди стремился поддержать инициативы предпринимателей Гуджарата без оглядки на их профессиональную принадлежность. Сдвиги в экономике штата в печати называют «гуджаратским чудом». Важным результатом 12-летнего губернаторства Н.Моди стал рост ВВП штата до 10-10,5% в год, что способствовало его высокому авторитету не только в Гуджарате, но и далеко за его пределами.

Заслуживает внимания, что по программе регионального сотрудничества Н.Моди в составе делегаций дважды посетил Астрахань, был в Москве. В сентябре 2014 года делегация нынешних руководителей Гуджарата, а также представители науки и образования вели переговоры в Горном университете (Санкт-Петербург) о сотрудничестве в подготовке национальных кадров для Индии.

В ходе избирательной кампании Н.Моди в полной мере проявил свои лидерские качества. Он провел 457 встреч с избирателями, не раз в форме массовых чаепитий, используя их для общения и напоминания о своем тяжелом детстве, продвижении из низов, акцентируя имидж «премьера из трущоб». В предвыборных выступлениях он позиционировал себя как сторонник модернизации экономики, ограниченного по составу правительства, высказывался за поддержку фермерства. Особое внимание бизнеса и политиков привлекли его заявления в пользу приватизации части государственных предприятий, роста инвестиций в оборонную промышленность.

На встречах с избирателями Н.Моди подчеркивал свое намерение проводить «хорошее управление» (good governance), стимулировать развитие, противопоставляя то и другое политике уходящего правительства, что отвечало настроению большинства избирателей. Значительное место в его выступлениях занимала проблема бедности и методы ее преодоления - первоочередной для большинства избирате-

лей. Моди не скрывал своих националистических симпатий, перенося акцент на культурные и исторические корни индуизма. Как только стали известны результаты выборов, он, с присущим ему острым политическим чутьем, написал в своем «Твиттере»: «Победила Индия», подчеркивая тем самым, что он представляет всю страну.

НАРЕНДРА МОДИ И ЕГО КОМАНДА: ПЕРВЫЕ ШАГИ

Опыт Индии подтверждает общее правило - к экономическим реформам приступают, когда заметно ухудшается положение страны. Реформы стали ключевым словом в лексиконе премьер-министра Н.Моди и его правительства, сокращенного, как и обещал Н.Моди, до 45 человек вместо 76 в прежнем составе. Было уменьшено также число комитетов с целью упростить бюрократические процедуры. Для нового правительства характерны жесткая централизация и концентрация принятия решений в офисе премьера. Экономическое положение Индии не из легких. Эксперты считают, что страна переживает структурный спад, а не циклическое замедление⁷. Членами нового кабинета министров стали в основном выходцы из Гуджарата, чиновники, которых, как правило, он хорошо знал, с опытом практической работы, в возрастной категории, близкой Н.Моди. 17 сентября 2014 года ему исполнилось 64 года, что для официальных лиц в Индии время расцвета сил и карьеры. В его родном штате прошел торжественный вегетарианский обед. Президентом БДП стал его последовательный сторонник Анит Шах, тоже гуджаратец.

Первые выступления Н.Моди в парламенте были в духе движения и реформ, «Новой Индии», о которой он говорил в ходе предвыборной борьбы. Свою программную речь в парламенте 11 июня 2014 года он посвятил преодолению бедности, заявив, что в 2022 году, когда Индия будет отмечать 75 лет независимости, ни один человек в стране не будет страдать от отсутствия своего дома, электричества, туалета и воды. В других его выступлениях говорилось о модернизации железных дорог с упором на скоростные магистрали и улучшение дорожного покрытия в стране - заявка на коренное улучшение инфраструктуры, которая находится в тяжелейшем состоянии и нуждается в гигантских инвестициях, учитывающей территориальные масштабы Индии.

Поскольку высока вероятность, что в 2022 году Н.Моди будет занимать пост премьера второй срок, то ему придется объяснять причины неудач в случае невыполнения этих обещаний, реализовать которые крайне сложно. Но в присущей ему наступательной манере Моди идет на риск. В День независимости Индии, 15 августа 2014 года, выступая в Красном форте, он говорил далеко не празднично о плохом состоянии санитарии в городах и деревнях, об участившихся случаях изнасилования женщин, низкой трудовой этике. Он подверг критике Плановую комиссию Индии за увлеченность централизованным планированием, традиционную для ИНК, подчеркнув важную роль бизнеса в экономическом развитии страны, которому не следует мешать излишними ограничениями. В соответствии с политикой модернизации оборонной промышленности правительство приняло решение об увеличении доли частного капитала в этой отрасли с 26 до 49%.

Надо заметить, что фортуна благосклонна к Н.Моди - в стране обозначился рост ВВП, оценки колеблются от 5,8 до 6% в 2014 году, хотя говорить о том, что это результат новой политики, преждевременно. Экономика способна реагировать на настроения в обществе - Sensex, основной биржевой индекс страны, вырос, как только стали известны итоги выборов, и последние месяцы показывает повышательную тенденцию. Курс рупии к доллару к сентябрю 2014 года снизился незначительно по сравнению с началом года - 60,5 рупии. Немного подросли валютные резервы Индии. Большое воодушевление вызвал успех индийских ученых и инженеров - в конце сентября 2014 года они с первой попытки вывели космический аппарат на орбиту Марса.

Преодоление бедности, прямо связанной с массовой безработицей, требует дальнейших кардинальных мер. Индийские исследователи считают, что в стране в следующее десятилетие должно быть создано 115 млн. новых рабочих мест вне аграрного сектора. Даже частичное решение этой задачи зависит не только от развития инфраструктуры, но и обновления систем обучения, в том числе подготовки квалифицированной рабочей силы⁸.

Ригидность рынка труда отрицательно сказывается на инвестиционном климате Индии с точки зрения иностранного частного капитала и крупного местного предпринимательства. Без особого согласования можно уволить не более 100 работников. Предлагается повысить этот показатель до 300 человек, что не решит проблемы. Предприниматели стремятся ограничивать численность персонала,

чтобы не выполнять законы о труде, которые не распространяются на предприятия с ограниченной занятостью. Иностранные инвесторы, недовольные уровнем подготовки местных работников, на ряде современных предприятий предпочитают использовать роботов. 94% малых предприятий с занятостью пять-десять человек, составляющих подавляющее большинство в промышленности, относятся к нецензовому сектору, в котором невелико привлечение новых работников. Растущая техноёмкость снижает возможности занятости. Экономический обозреватель Винай Рандей, комментируя заявление Н.Моди о необходимости существенного роста занятости в промышленности, назвал задачу иллюзорной⁹.

Хотя БДП победила в борьбе за нижнюю палату парламента, в ближайшие два года в верхней палате большинство принадлежит ИНК, имеющему 68 мест против 46 у БДП, что теоретически позволяет ему ветировать законы, предлагаемые нижней палатой. Это до известной степени может ограничить активность Н.Моди в таких чувствительных для правительства областях, как изменение налоговой системы, трудовое законодательство, земельные отношения. Тем не менее он заявил, что предыдущее правительство слишком полагалось на государственный сектор в ущерб частному предпринимательству.

Его давний соратник, министр финансов Арун Джетли, заметив, что предыдущий кабинет оставил непогашенные долги, призвал правительства штатов к фискальной сдержанности, осторожности в расходах, избегая популизма. Он сослался на существенное превышение расходов над доходами за последние несколько месяцев и критически оценил сохраняющиеся субсидии на топливо, которые разворовываются, достаются богатым хозяйствам, не принося облегчения большинству нуждающихся в них крестьян. Особого внимания заслуживает предложение Джетли выставить на продажу часть государственных фирм и с помощью бюджетных мер «ободрить производительную работу частного капитала»¹⁰.

При обсуждении в парламенте бюджета на остающиеся восемь месяцев (до 1 апреля 2015 г., когда начнется новый финансовый год) в числе особых трудностей были названы нехватка финансовых ресурсов, рост цен на продовольствие из-за слабого муссона, неопределенность нефтяных котировок, особенно в связи с кризисом в Ираке (возможно, что снижение мировых цен на нефть даст Индии временный выигрыш). Ситуацию на продовольственном рынке страны несколько облегчили государственные резервы зерновых,

благодаря высокому урожаю в предыдущем году. Правительство поставило задачу сократить текущий дефицит бюджета к ВВП с нынешних 4,1 до 3,6% в 2015/16 году и 3% - в 2016/17-м.

Намеченный в бюджете объем капиталовложений, 301 млрд. долларов, на 29% выше предыдущего, отвечает основам экономической политики правительства Н.Моди. Первое место заняли инвестиции в инфраструктуру (дорожное строительство, а также воздушные и морские порты), создание 100 «умных городов» (smart cities), которые в совокупности образуют «алмазный четырехугольник», связывающий скоростными магистралями крупнейшие города Индии. Это попытка правительства с помощью концентрации инвестиций на строительстве увеличить спрос на рабочие руки, улучшить/удешевить логистику перевозок, способствуя, как было опробовано в Гуджарате, росту предпринимательства.

В бюджете заложено выполнение еще одного принципиального обещания Н.Моди - повышены расходы на оборону до 37,5 млрд. долларов с целью модернизации этой отрасли. Не менее важно разрешение увеличить долю иностранного частного капитала в отрасли с нынешних 26 до 49%, что заметно активизировало интерес зарубежных компаний. Вслед за принятием бюджета в Дели стали съезжаться представители стран - экспортеров вооружений. Правительство Моди делает упор на расширении и диверсификации национального производства вооружений, не ограничиваясь их закупками.

Частью экономической политики правительства Моди стали меры по привлечению прямых иностранных инвестиций, что дало определенные результаты. В число первоочередных для инвестиций включены сталелитейная, машиностроительная, энергетическая, цементная отрасли, инфраструктурное строительство. В сфере мобильной связи поступило предложение от норвежской «Uninor», индийский конгломерат «Махиндра» ведет переговоры с шведским автопроизводителем о приобретении «Сааба», повысилась активность на индийском рынке японской «Хитачи» и компаний из стран Персидского залива. Правительство надеется на приток «длинных денег» от зарубежных пенсионных и суверенных фондов, свой первый офис открыл в Индии Сингапурский суверенный фонд.

Бюджет, принятый в атмосфере определенной эйфории, призван усилить государственно-частное партнерство, заложенное и в пятилетних планах Индии. Оно необходимо для реализации инфраструктурных проектов, поскольку масштабы и длительность окупаемости

таких капиталовложений требуют объединения усилий. Это отвечает интересам обеих сторон, так как реализация бюджета позволит оживить гигантский внутренний рынок Индии.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

В ходе избирательной кампании Н.Моди сравнительно мало внимания уделял внешней политике, но, заняв пост премьера, проявил присущую ему высокую активность и в этой области. Первые визиты он нанес ближайшим соседям, начав с Бутана, явно стремясь оживить взаимосвязи в рамках Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК, 23% мирового населения), в которой Индии принадлежит ведущая экономическая и политическая роль. Руководители всех стран - членов СААРК, за исключением лидера Бангладеш, занятого ранее назначенным визитом, присутствовали на церемонии принесения присяги Нарендрой Модии в качестве премьер-министра. Наблюдатели отметили, что во время пребывания в Шри Ланке он не пользовался английским языком, который хорошо знает, говорил только на хинди. Его восторженно принимали в Непале, за последние 17 лет это был первый визит руководителя такого ранга в страну, политически и особенно экономически тесно связанную с Индией.

Не оправдались ожидания на улучшение отношений с Пакистаном, вызванные присутствием на церемонии инаугурации Нарендры Модии премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа и его обращением к новому руководителю Индии с предложением о встрече. В октябре 2014 года вязкий индийско-пакистанский конфликт в очередной раз обострился из-за перестрелки на границе штатов Джамму и Кашмир. С обеих сторон были жертвы. Урегулирование отношений с Пакистаном едва ли возможно в краткосрочном периоде. Но как справедливо отметила российский исследователь Н.Галищева, «приоритетность южноазиатского вектора во внешнеэкономической политике Индии, очевидно, сохранится и в обозримой перспективе»¹¹.

Новый министр иностранных дел Индии Сушма Сварай посетила Мьянму, Сингапур и Гонконг. Привлекли внимание визит индийских военных кораблей на Филиппины, совместные учения с вьетнамскими подводными лодками и продажа этой стране патрульных

кораблей. В число внешнеполитических интересов были включены прежде почти забытые Андаманские острова в Бенгальском заливе, что связано с курсом на укрепление морского флота Индии. В июле 2014 года были проведены российско-индийские маневры в акватории вблизи Владивостока.

Отношения с Китаем - неизменная сфера особого внимания правительства Индии. Визит в Дели Председателя КНР Си Цзиньпина в сентябре 2014 года имел место после посещения им ряда стран Южной Азии, в том числе Шри Ланки, Непала, Мальдив, что прямо отвечает принципам предложенной им доктрины «Морской шелковый путь XXI века». Индийско-китайские переговоры касались роста взаимного торгового товарооборота - ныне порядка 70 млрд. долларов в год. Здесь Н.Моди проявляет определенную сдержанность, поскольку в ходе недавних опросов 56% индийцев посчитали КНР главной угрозой их стране.

Большое внимание привлек пятидневный визит Н.Моди в Японию в сопровождении группы крупнейших бизнесменов Индии, начавшийся 30 августа и ставший важным шагом в развитии взаимных связей. Индийские газеты отмечали дружественный характер отношений Н.Моди и премьера Японии. Н.Моди посещал эту страну и встречался с премьером Японии Синдзо Абэ, когда был губернатором. Последние годы отмечены участием японских капиталов в крупном инфраструктурном строительстве в Индии и оживлением активности японских бизнесменов. На этом направлении тесно смыкаются экономические и политические интересы обеих стран в их стремлении создать противовес влиянию Китая, особенно в Южной и Юго-Восточной Азии. Устойчивым отражением внешнеполитической позиции Индии остается доктрина «Взгляд на Восток», сближение со странами Юго-Восточной Азии, с самой влиятельной интеграционной группировкой в регионе - АСЕАН. Визит премьера Австралии Тони Эббота в Индию отмечен возобновлением переговоров о поставках в Индию урана.

Взаимодействие руководителей Индии и США после прихода к власти Н.Моди началось в сложных условиях после ряда визовых скандалов, касающихся самого Моди и индийского консула в США. Но похоже, что обе стороны оставили их за кулисами и на встрече 30 сентября обсуждали проблемы, традиционно интересующие обе страны - взаимная торговля, поставки технологий. Обама назвал Индию другом и партнером, поддержал ее стремление занять

место постоянного члена Совета Безопасности. Оба лидера признали необходимость увеличения взаимного товарооборота в шесть раз с нынешних 100 млрд. долларов. Учитывая планы Н.Моди модернизировать оборонную отрасль, видимо, будут предприняты дальнейшие шаги в сфере высокотехнологического сотрудничества. На данном этапе эту встречу можно рассматривать как стабилизацию отношений с прицелом на будущее¹².

РОССИЯ - ИНДИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

19 мая 2014 года Президент России В.В.Путин поздравил Нарендру Моди с победой БДП на выборах и высоко оценил традиционно дружественные отношения России и Индии. Была выражена уверенность, что сообща удастся приумножить достижения предыдущего периода. Первая встреча лидеров двух стран имела место в июле 2014 года на очередном саммите БРИКС в городе Форталезе (Бразилия). В.В.Путин поздравил Н.Моди с избранием на пост премьер-министра и выразил уверенность в дальнейшем развитии взаимного сотрудничества между странами. Н.Моди упомянул, что его первая поездка после назначения на пост премьера была на авианосец Викрамадитья, переданного Россией Индии, и пригласил Президента России во время очередного саммита Россия - Индия в конце 2014 года посетить совместное строительство АЭС в Куданкуламе. Оба руководителя выразили уверенность в дальнейшем расширении взаимного сотрудничества.

Объективные условия этому способствуют: нет пограничных конфликтов, многолетние дружественные связи, регулярные взаимные визиты руководителей обеих стран, устойчивый интерес к культурному и историческому наследию. Но, видимо, с новым премьером изменится тип этих отношений, уйдет некий налет идеализма, отличавший их в минувшие годы, они станут более практичными.

Экономическое и торговое взаимодействие России и Индии явно не соответствует их потенциальным возможностям. Медленно растет взаимный товарооборот (порядка 10 млрд. долл.), годами не меняется его структура. Видимо, недостаточно взаимной информации о новых экспортных возможностях и направлениях сотрудничества. Перспективными представляются переговоры между руководством Центрального банка России и Резервным банком Индии о перехо-

де в торговле на расчеты в национальных валютах. Правительство Моди наметило расширить национальное производство вооружений. В этом сегменте индийского рынка усиливается конкуренция ведущих мировых торговцев вооружением. Это не только США, но и Франция, и Израиль. На сегодняшний день РФ остается основным поставщиком вооружений Индии, однако борьба за рынок ведет к постепенному снижению ее доли в общих поставках вооружений, по оценкам, - до 37% в 2015 году. В то же время имеют место определенные сбои с российской стороны по срокам поставок и их качеству. Вряд ли правительство Н.Моди отнесется к этому снисходительно. Определенную напряженность в Индии вызвали российские переговоры о поставках вооружений Пакистану. Эти сложности не подорвут сложившихся доброжелательных отношений между Индией и Россией, но, если не принять мер к их устранению, долгосрочные перспективы могут стать не столь ясными.

¹The Economist. 30.08.2014. P. 69.

²Global Asia. Vol. 9. №2. September 2014. P. 14-15.

³Associate South Asia Program at the Carnegie Endowment for International Peace. 10 June. 2014.

⁴Подробно см.: Брагина Е. Индия - иной средний класс?// Международная жизнь. 2014. №2. С. 132-142.

⁵The Economist. 02.08.2014. P. 8, 47.

⁶The Economist. 30.08.2014. P. 40.

⁷Global Asia. Vol. 9. №2. September 2014. P. 105.

⁸[http://www.mckinsey.com/insights/asia-pacific/indias ...](http://www.mckinsey.com/insights/asia-pacific/indias...)

⁹The Times of India. 8 October. 2014.

¹⁰The Economist. 19.07.2014. P. 48.

¹¹Галищева Н.В. Индия в мировом хозяйстве на рубеже веков: внешнеэкономические связи и внешнеэкономическая политика. М., 2013. С. 378.

¹²Russian News. 30.09.2014.

Ключевые слова: всеобщие парламентские выборы в Индии, экономические трудности, рост населения, урбанизация, ИНК и БДП - основные общенациональные партии, особенности предвыборной борьбы, новое правительство, первые экономические меры.

Дина МАЛЫШЕВА

Главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
доктор политических наук
dsheva@mail.ru

Исламистское обличье африканских военных конфликтов

Проблемы африканских стран, расположенных севернее экватора и южнее Сахары, оставались до недавнего времени в целом на периферии не только российского, но и мирового информационного и политического внимания.

Все изменилось 17 апреля 2014 года, когда боевики группировки «Бoko харам» похитили из лица в населенном пункте Чибок на северо-востоке Нигерии школьниц в возрасте от 12 до 17 лет, угрожая продать их в рабство. По данным полиции, 53 девочки смогли сбежать, 223 - остались удержанными в заложниках. Большая часть похищенных - христианки, но в сделанной 19 мая видеозаписи некоторые признались, что обратились в ислам¹. Нападение на учебное заведение группировка объяснила тем, что «западное образование должно прекратиться, а девочки должны покинуть школу и выйти замуж».

Эта драма в Нигерии привлекла внимание мировой общественности к серьезно осложнившейся обстановке в странах африканско-

го континента (особенно в Нигерии, Ливии и Мали), где вследствие радикализации исламистских течений, расширения баз транснационального терроризма и распространения наркотиков уровень насилия значительно возрос.

Тревогу вызывает то, что подобные действия осуществляются на фоне расширения масштабов общей конфликтности в Африке. Ее центральные и восточные районы превратились в места непрерывного кровопролития, и там нет практически ни одного государства, которое не боролось бы либо с войной и политико-экономическим кризисом, либо с их последствиями. Перестало существовать с 1991 года как единое государство Сомали, ставшее символом «ничейной земли» и погрузившееся в непрерывную гражданскую войну, усугубленную пиратством, беспределом правящих на юге и северо-востоке страны кланов и радикальных исламистских движений. Хронической нестабильностью отмечено развитие Демократической Республики Конго, Республики Судан, Республики Южный Судан. В последние два года вооруженные конфликты охватили новые африканские страны - Мали, Нигерию, Чад, Центрально-Африканскую Республику; неустойчива внутриполитическая ситуация в Нигере.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОЙ СРЕДЫ

Имеется ряд объективных предпосылок, создающих благоприятную среду для возникновения в странах рассматриваемого региона кризисных явлений и усиливающих конфликтность. Это и внутреннее раздробление стран по конфессиональному, этническому, клановому и прочим признакам; это и демографические сдвиги, которые привели к резкому увеличению численности молодежи, по большей части лишенной работы; это и внешнее влияние, включая столкновение интересов региональных сил и крупных мировых держав, склонных для решения международных проблем все чаще прибегать к военной силе.

И все же большая часть происходящих в Африке конфликтов имеет внутренний характер, и они представляют собой действия по разрешению социально-политических, национально-этнических, религиозных и иных противоречий с применением вооруженного насилия. В основе большинства конфликтов лежит противостояние правительства с вооруженной и организованной оппозицией, ставя-

щей целью захватить власть. Это противоборство принимает форму гражданских войн или так называемых этнических конфликтов, вызываемых стремлением к государственному обособлению групп людей, идентифицирующих себя как самостоятельный этнос, иногда инорелигиозный. Подобные внутренние конфликты часто вовлекают в свою орбиту внешние силы. Так, например, Франция, будучи заинтересованной стороной конфликта в Мали, напрямую вмешалась в него, направив в эту страну свой воинский контингент; к разрешению этого конфликта подключились и соседние страны - Мавритания, Нигер, Алжир, где, как и в Мали, остро стоит проблема туарегов.

Внутригосударственные вооруженные конфликты порождены в регионе, как правило, несправедливым - истинным или мнимым - распределением государственного бюджета, отношением властей к экономическим, социальным, экологическим проблемам тех или иных территорий, на которых компактно проживают отдельные этнические общности. Конфликты часто гальванизируются отсутствием реформ или неуспехом в их проведении, что обычно сопровождается коррупцией в верхних эшелонах власти и обнищанием «низов». В вооруженное противостояние выливается и неудовлетворенность своим положением в политических системах, органах государственной власти отдельных этнических или религиозных групп. Недовольство провоцируют также культивируемое властями политическое неравенство в отношении представителей отдельных конфессий и этносов, их дискриминация в системе государственного управления, преобладание в ней, равно как в армии, полиции, службе безопасности, представителей какого-либо одного этноса или религиозной группы в ущерб другим.

Существенную роль в африканских конфликтах последних лет сыграл внешний фактор. Речь идет в первую очередь о возникшем вследствие так называемой «арабской весны» политическом дисбалансе на Ближнем Востоке, при том что в странах традиционно неспокойной зоны африканского Сахеля* главным триггером дестабилизации стала «послереволюционная» Ливия. Здесь начавшееся в феврале 2011 года протестное движение трансформировалось затем в

*Этот обширный полупустынный район (в 300-500 км), отделяющий Сахару от африканских тропических лесов, простирается от Атлантического океана на западе континента до Красного моря на его восточной части и включает в себя такие государства, как Алжир, Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Судан, Чад и Эритрея.

гражданскую войну с вовлечением в нее внешних сил. Кульминацией насилия стал захват, а затем и жестокое убийство в Сирте 20 октября 2011 года лидера Джамахирии Муаммара Каддафи. С тех пор Ливию из-за непрекращающейся там междоусобицы и де-факто распада некогда единого государства уже сравнивают то ли с Сомали, то ли с Афганистаном, где полевые командиры практически определяют жизнь людей.

А между тем Каддафи оставил в жизни стран Сахеля, да и в целом в африканских делах, заметный след, который не был однозначно негативным или позитивным. Джамахирия спонсировала Африканский союз и многие программы регионального развития на континенте. Ливия - прямо или косвенно - участвовала во всех конфликтах в соседних африканских странах. Например, в 1986-1988 годах ливийские вооруженные силы вступили на территорию Чада и поддержали одну из мятежных группировок в разгоревшейся там этнической междоусобице. В то же время в каких-то конфликтах ливийский лидер довольно эффективно посредничал вместе со своим алжирским коллегой, как это было в Нигере и Мали во время восстаний туарегов - белых и воинственных кочевников-берберов, утративших в годы колониального правления Франции возможность доминирования над оседлыми земледельцами - преимущественно чернокожими африканцами.

В судьбе туарегов Каддафи вообще сыграл особую роль. Во время засух туареги Африки получали от Ливии гуманитарную помощь. Они, благодаря panaфриканской политике лидера Джамахирии, обрели возможность беспрепятственно перемещаться и торговать в ряде стран Сахеля, а в некоторых (Мали, Нигере) туарегам были дарованы даже дополнительные права и торговые привилегии. В 1970-х годах из туарегов в Ливии было создано мобильное военизированное подразделение, которое подчинялось лично Каддафи и выполняло поставленные задачи в конфликтах в Чаде, Судане и Ливане. В 1980-х годах воины-туареги стали элитой Вооруженных сил Ливии. А после неудачного восстания туарегов в 2007-2009 годах в северных регионах Мали и Нигера, где туареги намеревались создать собственное государство, многие из них вынуждены были бежать в Ливию, где они целыми подразделениями вошли в состав ливийской армии.

Неудивительно поэтому, что во вспыхнувшем в 2011 году ливийском конфликте туареги оказались на стороне Каддафи - в отличие

от поддержавших оппозицию родственников туарегам «оседлых» амазигов, многие из которых учились в Европе и в культурно-политическом плане ориентировались на Францию. В ходе ливийской войны туареги обзавелись новым оружием в дополнение к уже имевшемуся в их распоряжении. В Ливии они взяли на вооружение тактику партизанской маневренной войны с использованием оснащенных крупнокалиберными пулеметами джипов и применили ее во время нового восстания - в Мали.

В целом же уход с политической сцены Каддафи породил в африканских странах, связанных так или иначе с Джамахирией и ее лидером, множество проблем. Во-первых, был перекрыт поток многомиллиардной помощи со стороны Ливии беднейшим странам континента. Во-вторых, рухнула создававшаяся Каддафи десятилетиями система сдержек и противовесов между властями африканских государств и кочевниками-туарегами, не признававшими «колониальных» государственных границ и верными идее создания собственного независимого государства - «нового Азавада», который включил бы в себя обширный регион расселения туарегов: Малийский Азавад в Мали, юго-восток Алжира, запад Нигера, север Буркина-Фасо и юго-запад Ливии (Азауаг). В-третьих, возрос незаконный трафик оружия, усилились сепаратистские тенденции, активизировалась деятельность исламистских экстремистских организаций и возникла террористическая угроза, неведомая прежде Африке.

Все это происходило на фоне усиления позиций исламистских экстремистских движений и террористических группировок, создававших конфликтогенную обстановку в Африке, приносящих в регион, раздираемый этническими, клановыми и религиозными распрями, новую и, пожалуй, еще более усложненную волну дестабилизации, несущей угрозу не только региональной, но и международной безопасности.

НИГЕРИЙСКИЙ «ТАЛИБАН»

Развивающиеся быстрыми темпами процессы политической деструкции, сопровождаемые всеобщей ретрадиционализацией, хорошо просматриваются на примере Нигерии - государства со 177-миллионным населением, обширной территорией, значимым политическим и экономическим весом в регионе (в 2013 г. рост ВВП

Нигерии составил 6,2%), одного из крупнейших в Африке и мире экспортеров нефти и газа (подтвержденные запасы нефти составляют в Нигерии около 4,8 млрд. тонн, а газа - 5 трлн. м³). Но эти объективные показатели мало сказываются на развитии Нигерии, где неэффективное государственное управление, масштабная коррупция, неразвитость инфраструктуры и социальной системы оставляют в нищете большую часть населения: оно по числу СПИД-инфицированных занимает второе место в мире, а туберкулезных больных - и вообще малочетное первое место в Африке².

Традиционные противоречия по линии этнолингвистического (в Нигерии насчитывается около 250 этнических групп) и религиозного размежевания - в основном между мусульманами (50% населения) и христианами (40%) - усугублены серьезными региональными диспропорциями между относительно развитыми нефтедобывающими штатами юго-востока, где преобладают христиане, и лишенным этого природного ресурса отсталым и преимущественно мусульманским севером. Разительный контраст наблюдается, например, в сфере женского образования: если в некоторых северных штатах Нигерии умеют читать и писать менее 5% женщин, то в местах проживания крупнейшей народности юго-востока - иббо (игбо) грамоте обучены более 90% женщин³.

В преддверии предстоящих в 2015 году в Нигерии президентских выборов соперничество между условно северными и южными элитами будет только углубляться, в особенности если действующий Президент Гудлак Джонатан станет переизбираться на второй срок. Это нарушит неписаный закон, согласно которому уроженец региона дельты Нигера, каким является Джонатан, должен уступить место президенту-северянину. А поскольку в основе соперничества местных элит лежит стремление контролировать углеводородные богатства, к которым в настоящее время допущены лишь приближенные президента-южанина, можно предположить, что политики из северных штатов, где нет нефти (что подразумевает второстепенное значение этих территорий для бюджета страны), готовы будут использовать в их непростом диалоге с центральной властью любые методы, включая и негласное вовлечение в политическую борьбу группировок и движений экстремистского толка.

К участию в них нигерийских граждан, и особенно молодежи, все чаще толкает социальная неустроенность, бедность, безработица. Если по всей субсахарской Африке уровень безработицы в 2013 и

2014 годах составил 7,6%⁴, то в Нигерии наблюдается рост этого показателя - с 23,9% в 2011 году до, предположительно, 28% в 2014-м⁵.

Эти факторы создают благоприятную питательную среду для мобилизации все новых групп населения для участия в разворачивающемся в Нигерии конфликте нового типа. В нем вооруженные отряды, сформированные на основе клановой, этнической или религиозной принадлежности (или же просто бандформирования), противостоят правительству и гражданскому населению, становящемуся объектом насильственных, террористических действий со стороны таких негосударственных субъектов.

Особое место среди них занимает группировка «Боко харам», которую называют иногда нигерийским «Талибаном». Первые упоминания о ней относятся к 2002 году, когда на северо-востоке Нигерии возникло «общество приверженцев распространения учения пророка и джихада». Ставшее более известным под названием «Боко харам» («харам» в исламском праве трактуется как запрет на определенные деяния и вещи), это «общество» задалось целью распространить законы шариата на всю территорию страны, налагая при этом «харам» на светское (западное) образование, участие в выборах, ношение западной одежды, следование западным образцам культуры и поведения. Поощрялся также бойкот программ по иммунизации, которые были заклеены исламистскими пропагандистами как «западный заговор», направленный на то, чтобы сделать бесплодными мусульманских женщин.

Участники «Боко харам» напали на христианские церкви, полицейские участки, правительственные здания, а созданные движением исламские школы превратились со временем в места вербовки джихадистов, развернувших с 2009 года террор против неугодных политиков, представителей правопорядка, священнослужителей - не только христианских, но и мусульманских. В итоге жертвами «Боко харам» стали несколько тысяч мирных жителей Нигерии, вследствие чего правительство вынуждено было ввести в мае 2013 года чрезвычайное положение в трех северо-восточных штатах - Борно, Йобе и Адамава, где особенно сильны были позиции «Боко харам». Но это не остановило ее террористическую активность.

Так, 20 мая 2014 года группировкой был совершен террористический акт в городе Джос, а до этого члены «Боко харам» участвовали в нескольких нападениях в сельской местности, расстреляв более 300 местных жителей. Ведет «Боко харам» и войну с болельщиками футбола, утверждая, что через этот вид спорта Запад пытается отвер-

нуть мусульман от религии. Так, 1 июня 2014 года на северо-востоке страны 40 человек погибли в результате взрыва бомбы по окончании футбольного матча, а 17 июня в этом же регионе (г. Даматуру) террорист-смертник привел в действие взрывное устройство в толпе людей, смотревших матч чемпионата мира по футболу.

Власти Нигерии бессильны противостоять разгулу насилия, что произошло в случае с похищенными школьницами, когда правительство отказалось пойти на уступки «Боко харам» и обменять девочек на 100 членов группировки, находящихся в заключении. Развернувшаяся критика в адрес нигерийских властей за их бездействие вынудила Президента Джонатана запросить помощь у спецслужб США, Великобритании и Франции. США направили в Нигерию небольшие группы военных, которые оказывали помощь в поисках школьниц, однако войсковую операцию американцы, несмотря на глубокую вовлеченность компаний США в нефтегазовый сектор Нигерии, проводить отказались. В свою очередь, Совет Безопасности ООН признал «Боко харам» террористической организацией и наложил 22 мая на это движение санкции. Они предусматривают замораживание активов юридических и физических лиц, связанных с «Боко харам», запрет на их зарубежные поездки, эмбарго на поставки оружия. В ноябре 2013 года в свой список «иностранных террористических организаций» включили «Боко харам» и Соединенные Штаты.

17 мая в Париже был проведен так называемый «антитеррористический саммит». На нем президенты Нигерии, Франции, Чада, Камеруна, Нигера и Бенина обсудили - при участии американского и британского представителей - возможности достижения взаимодействия в борьбе с «Боко харам», которая становится потенциальной угрозой не только для Нигерии, но и для ее соседей.

В целом складывающаяся в Нигерии ситуация приближает республику к гражданской войне. Положение может быть выправлено, если власти сумеют побороть в стране хроническую нищету. Важным условием стабилизации ситуации может также стать достижение согласия (в том числе и по проблеме реорганизации системы образования) с той частью местных мусульман, которая противится вестернизации и реформам. В противном случае Нигерию ждет превращение в региональный плацдарм терроризма, осуществляемого, возможно, под контролем международной террористической организации «Аль-Каида». Трагизм ситуации в том, что Нигерия - не единственная африканская страна, стоящая перед такой угрозой.

АФФИЛИРОВАННЫЕ С «АЛЬ-КАИДОЙ»

С конца 1990-х - начала 2000-х годов наблюдается частичное перемещение сил радикального исламизма и транснационального терроризма с Ближнего Востока в те страны Африки, где центральные власти лишены возможности контролировать полностью территории своих государств и обеспечивать там безопасность своих граждан. Не слишком активны в Африке и международные организации, только лишь фиксирующие угрозу радикализации исламистских течений в Африке. Благодаря существованию таких неподконтрольных местным правительствам и недостижимых для международных организаций «серых зон» и происходит создание в Африке новых баз и постоянных опорных пунктов транснационального терроризма.

Это позволяет, во-первых, увеличивать число участников так называемого террористического глобального джихада за счет привлечения к нему африканцев, которых не включали ранее, как правило, в традиционный мир ислама. Во-вторых, как отмечается в докладе британского аналитического центра RUSI об африканской террористической угрозе для Европы⁶, это дает возможность готовить в относительно закрытых для мировых спецслужб условиях новых террористов с перспективой последующей отправки их в Европу, где они смогут организовывать теракты и заниматься идеологической обработкой (с экстремистским уклоном) живущих в странах ЕС эмигрантов из Африки и Ближнего Востока.

Примечательна в этой связи деятельность военизированной группировки «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ), которая давно обозначила свое участие во многих конфликтах в сахарской и сахельской зонах. Предполагается, что «спящие» ячейки этой организации есть также в целом ряде пока еще мирных африканских государств, где имеются мусульманские общины.

Сама эта группировка зародилась в Алжире, где в 1990-х годах полыхала гражданская война, активной участницей которой была «Вооруженная исламская группа» (ВИГ). Созданная арабскими ветеранами войны в Афганистане после запрета в декабре 1991 года правительством Алжира крупнейшей исламской партии страны - Исламского фронта спасения, ВИГ развернула в ходе борьбы со светским алжирским режимом масштабную террористическую кампанию⁷. В 1998 году несколько недовольных такими методами борьбы полевых командиров ВИГ основали новую организацию - «Салафитскую

группу проповеди и борьбы» (СГПБ). Алжирские власти вытеснили ее в начале 2000-х годов из страны, после чего эта группа обосновалась в пограничных районах между Алжиром, Нигером, Мавританией и Мали. Завязав затем контакты с эмиром «Аль-Каиды» Айманом аль-Завахири, руководители СГПБ объявили 11 сентября 2006 года о присоединении к этой террористической организации, в связи с чем в январе 2007 года СГПБ и была переименована в АКИМ.

Новое наименование понадобилось группе для «утяжеления» своего политического веса, а «материнской» «Аль-Каиде» - для расширения географического ареала своей деятельности, которая с созданием АКИМ позволяла сдвинуть поближе к Европе исламистскую террористическую «сеть». Ведь в трактовке лидеров АКИМ светские режимы Магриба и Сахеля считаются «ближними врагами», в то время как Испания и Франция, обвиняемые в политической и военной поддержке этих режимов, - враги «дальние». Поэтому распространение идеологии глобального джихада, а также объединение всех экстремистских группировок Северной Африки для свержения светских режимов региона и построения исламских государств являются лишь краткосрочной целью АКИМ. В долгосрочной перспективе идеологи международного терроризма мечтают повторить опыт средневекового мусульманского завоевания Европы, начав свой путь к этой цели из Африки.

Пока же боевики АКИМ, взяв на вооружение тактику, проводимую «Аль-Каидой» в Ираке, где эта организация широко представлена на стороне антиправительственных сил, продолжают нападать на представителей власти и госорганов, проводить террористические акты, которые затрагивают также объекты энергетической инфраструктуры, направлены против рядовых граждан, политиков, представителей национальных и зарубежных компаний. АКИМ неоднократно брала на себя ответственность за десятки нападений на военнослужащих и похищения европейцев (прежде всего в Алжире).

В Мали АКИМ, примкнувшая к начавшемуся в 2012 году восстанию туарегов, заявивших о намерении добиваться независимости, стала вводить в ряде городов и районов страны нормы шариата, изгонять христиан и терроризировать местное население. В Тимбукту, который включен ЮНЕСКО в список Всемирного культурного наследия, боевики АКИМ разрушили несколько древних мечетей и гробниц мусульманских святых. А 16 июля 2012 года на захваченных исламистами территориях было провозглашено Исламское государство Азавад, которое, правда, отстоять так и не удалось.

В январе 2013 года на слушаниях, проведенных в американском Конгрессе, тогдашний государственный секретарь США Хиллари Клинтон сравнила угрозы безопасности Мали в связи с деятельностью там АКИМ с ситуацией, возникшей в Афганистане в эпоху господства там «Талибана»⁸. И именно осознание угрозы, исходящей от АКИМ, побудило ООН, Евросоюз, ряд стран (США, Великобританию, Францию, Испанию) внести АКИМ в списки террористических организаций.

Примечательно, что некоторые исламистские группировки в Африке - из-за опасений быть обвиненными в терроризме, подвергнуться международным санкциям, по каким-то другим соображениям - постарались отмежеваться от АКИМ, заявив, как это сделали алжирские исламисты, о своем неприятии «насилия в отношении гражданских лиц»⁹.

В Мали в разгар конфликта между правительством и восставшими туарегами исламистское «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА), попытавшееся первоначально вместе с АКИМ и группировкой «Защитники ислама» (она укомплектована преимущественно туарегами-салафитами) использовать в своих целях восстание туарегов, заявило о том, что порывает связи с АКИМ. Это не означало, однако, что ДЕДЗА и другие исламистские организации в Мали отказались от своих экстремистских установок. Как заявил лидер «Защитников ислама», «мы не этническая, племенная или расовая группа, мы - исламский джамаат; мы принадлежим к нашей великой мусульманской умме и объявляем войну неверующим и многобожникам»¹⁰. Неудивительно, что эти организации и их руководители были внесены ООН в начале 2013 года в «перечень организаций и лиц, тесно связанных с «Аль-Каидой»»¹¹.

«Аль-Каида» координирует деятельность экстремистских групп и в Сомали, где свою нишу в политическом спектре страны пытается занять образовавшаяся в 2006 году на обломках Союза исламских судов, уничтоженного переходным правительством Сомали при помощи эфиопских регулярных войск, организация «Аль-Шабаб», что переводится как «молодые», или «ребята». Название отражает и внутреннее наполнение этой организации. Поскольку Сомали является страной с одним из самых худших уровней жизни в мире, государственная власть там отсутствует, а территория разделена между бандитскими группировками и местными кланами, «силы джихада» постоянно подпитываются молодыми людьми. Они присоединяются к «Аль-Шабаб» в поисках лучшей жизни, как правило, сразу по достижении возраста, когда их физические показатели позволяют твердо держать автомат.

По некоторым данным, долгое время «Аль-Шабаб» функционировала самостоятельно, добывая средства с подконтрольных группировке территорий Сомали, а также за счет организованного морского пиратства. О своем альянсе с «Аль-Каидой» группировка объявила в 2012 году. Помимо этого, «Аль-Шабаб» координирует свои действия с другими аффилированными с «Аль-Каидой» объединениями в Африке - АКИМ, «Боко харам», а также с некоторыми группировками, утвердившимися на неконтролируемых местными правительствами приграничных территориях - «серых зонах», находящихся между Чадом, Ливией и Суданом.

«Аль-Шабаб» неоднородна, и в ее составе имеются фракции, представляющие разные сомалийские кланы. Но это не мешало «Аль-Шабаб» оставаться сильной военизированной организацией, устанавливающей на подвластных ей территориях жесткое управление в соответствии с нормами шариата. Данная экстремистская группировка несет серьезную угрозу не только центральному правительству Сомали, но и своим африканским соседям. Свидетельство тому - крупный террористический акт, совершенный членами «Аль-Шабаб» в сентябре 2013 года в торговом центре «Вестгейт» в столице Кении Найроби, где погибло много заложников.

Таким образом, активизация в Африке южнее Сахары исламистских и транснациональных террористических группировок и движений становится поистине глобальной угрозой безопасности. В то же время религиозно-экстремистская компонента африканских конфликтов еще долго будет сохраняться в политической жизни региона в силу ряда специфических особенностей.

Во-первых, не признающим государственных границ и исповедующим экстремизм и нетерпимость местным исламистским движениям присуща высокая мобильность, что связано, в известной мере, с состоянием африканских границ: они практически прозрачны, особенно в зоне Сахеля. Так, исламистский терроризм в Алжире в конце 1990-х годов был успешно нейтрализован не только благодаря действиям правительственных войск и международной поддержке, но в значительной степени из-за того, что большая часть местных религиозных радикалов ушла, спасаясь от репрессий правительственных структур, из Алжира на север Мали через полностью прозрачные границы в Сахаре. А набравшиеся сил исламисты примкнули потом к вспыхнувшему в Мали в апреле 2012 года туарегскому восстанию и попытались использовать его для создания в этом регионе Африки прочного плацдарма.

Во-вторых, нарастающая с каждым годом террористическая угроза в Африке - это продукт сращивания политического и религиозного экстремизма с организованной преступностью, в результате чего Африка превращается в резервуар вербовки, подготовки и финансирования террористов, действующих и за пределами Черного континента.

В-третьих, конфликты, где активную роль играют исламистские экстремисты, протекают в основном в африканских странах, обладающих важными стратегическими ресурсами (нефть в Нигерии, уран в Мали и Нигере, алмазы в ЦАР и пр.), что автоматически выводит такие конфликты в разряд международных, обеспечивая им широкое информационное освещение в западных массмедиа. Неоднозначно выглядит при этом и конфликтная политика европейских государств, прежде всего Франции, а также и США: свою миротворческую миссию они спешат исполнить именно в тех африканских странах, которые богаты полезными ископаемыми.

Так, военная операция Франции в Мали под кодовым названием «Сервал» (дикая африканская кошка) напрямую была связана с экономическим интересом. Ведь на севере Мали (в районах, контролируемых туарегами) находятся урановые шахты, которые эксплуатируются французской атомной госкорпорацией «Арева» (Areva). Мали располагает урановым сырьем, запасы которого в мире, по имеющимся оценкам МАГАТЭ, составляют примерно 4,7 млн. тонн (предположительный общий объем запасов урана в мире составляет примерно 35 млн. т). Еще одним мотивом французской операции в Мали стало то, что в Париже опасались - и не без основания, - что исламистский пожар может перекинуться на соседний с Мали Нигер. А это государство является одним из ведущих производителей урана в мире и крупнейшим в Африке (Нигер находится на шестом месте по запасам урановой руды и на четвертом - по производству урана). В Нигере французы добывают уран для своих АЭС, на которые приходится львиная доля производства электроэнергии в стране. Крупнейшее нигерское урановое месторождение «Имурарен» также принадлежит «Арева». А по данным World Nuclear Association, именно на эту французскую госкорпорацию приходится 17% мирового производства урана¹².

Наконец, связь местных религиозно-экстремистских движений и групп с транснациональным терроризмом («Аль-Каидой»), взятие на вооружение обкатанных в афганской, пакистанской, иракской, сирийской конфликтных зонах прежде неведомых Африке методов и средств

борьбы (особенно использование террористов-смертников) говорят о частичном смещении на африканский континент центра глобального терроризма. Опасность этой ситуации заключена и в том, что действующие в Африке террористические организации, установив между собой прочные связи, все чаще выступают единым фронтом.

¹Anti-terror summit targets Nigeria's Boko Haram// DeutscheWelle. 17.05.2014 (<http://www.dw.de/anti-terror-summit-targets-nigerias-boko-haram/a-17642718>).

²*Ploch L.* Nigeria: Current Issues and U.S. Policy// Congressional research service. 2013. 15 November. P. 7.

³*Chothia F.* Who are Nigeria's Boko Haram Islamists? // BBC Africa. 2014. 20 May (<http://www.bbc.com/news/world-africa-13809501>).

⁴Global Employment Trends 2014/ International Labour Organization. Geneva. 2014. P. 19.

⁵The World Factbook. CIA (<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html?countryname=Nigeria&countrycode=ni®ionCode=afr&rank=172#ni>).

⁶*Soria V.* Global Jihad sustained through Africa// RUSI Analysis. London. №2. 04.04.2012.

⁷См. подробнее: *Малышева Д.* Алжирский конфликт: уроки для России? // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №10.

⁸*Laub Z., Masters J.* Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM). Council on foreign relations. 2014. 8 January (http://www.cfr.org/terrorist-organizations-and-networks/al-qaeda-islamic-maghreb-aqim/p12717?cid=nlc-dailybrief-daily_news_brief-link22-20140109&sp_mid=44794709&sp_rid=ZHN0ZXZhQG1haWwucnUS1).

⁹Ibid.

¹⁰*Gunatra R.* Instability Threatens the Sahel// The National Interest. 2012. 26 April (<http://nationalinterest.org/commentary/instability-threatens-the-sahel-6850>).

¹¹Лица, связанные с «Аль-Каидой». Резюме с изложением оснований для включения в перечень QI.A.316.13. Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям. 1267/1989. Опубликовано 25.02.2013 на официальном сайте ООН (<http://www.un.org/russian/sc/committees/1267/NSQI31613R.shtml>).

¹²*Teichmann R.* The War in Mali. What you should know: an Eldorado of Uranium, Gold, Petroleum... // Global Research. 2013. 15 January (<http://www.globalresearch.ca/the-war-on-mali-what-you-should-know/5319093>).

Ключевые слова: конфликты, исламистские движения, терроризм, ретрадиционализация, «Аль-Каида».

Сергей ТРУШ

Ведущий научный сотрудник ИСКРАН
zebra758@gmail.com

Американский проект Транстихоокеанского партнерства и Китай

Инициатива Транстихоокеанского партнерства (ТТП) впервые была выдвинута Новой Зеландией, Сингапуром и Чили в 2003 году. После подключения к ней США в 2011 году этот концепт, существенно переформатированный по сути и расширенный по составу участников, рассматривается как сугубо американский. Он небезосновательно трактуется и как неотъемлемый - если не самый ключевой - элемент стратегического переноса центра тяжести США в регион АТР. Его часто рассматривают и в связке с симметричной по замыслу инициативой Трансатлантического партнерства между США и ЕС. Совокупности этих двух инициатив многие эксперты - с разной степенью убедительности - придают системообразующее, центральное значение для внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии администрации Б.Обамы¹.

ТТП планирует объединить страны трех региональных зон - Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Северной и Южной Америки. Объединение будет включать в себя существенно различающихся

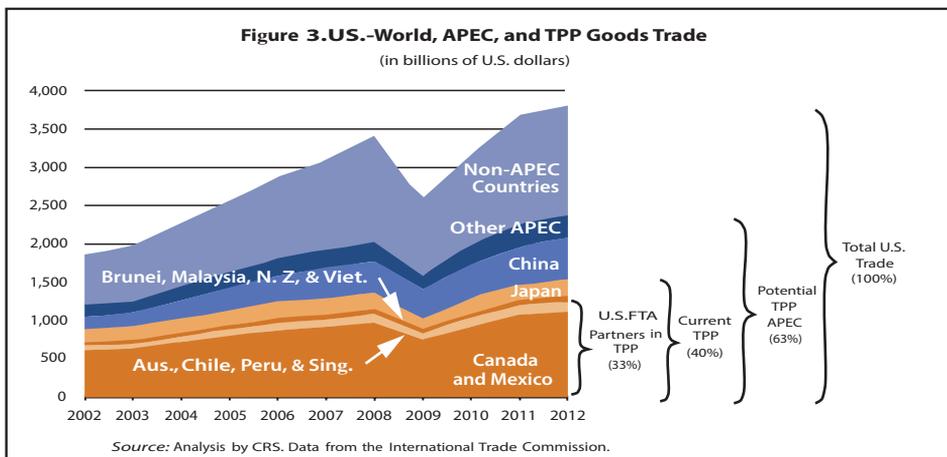
экономических игроков - по масштабу экономики, уровню индустриальности, методам управления, глобальной торговой вовлеченности.

Начиная с 2011 года переговоры о вступлении в ТТП вели девять стран: США, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Чили, Перу. Позднее к переговорам подключились Канада и Мексика, а в 2013 году - Япония. Эти страны в настоящий момент - костяк, основной состав будущего партнерства. Предметно рассматривает возможность подключения Республика Корея, раздумывают Тайвань, Таиланд, Филиппины, но к переговорному процессу отмеченные страны пока не подключены. Соглашение является формально открытым для всех, и присоединиться к готовому соглашению могут любые участники. Считается, что все нынешние участники Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) - а это на данный момент 21 страна - могут стать участниками проекта.

Соотносительные объемы торговых отношений США с нынешними и, возможно, будущими партнерами по ТТП на фоне «всей» американской торговли весьма иллюстративно представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Торговля США с миром, со странами АПЕК и различными партнерами по ТТП. 2013 г.

Источник: The Trans-Pacific Partnership (TPP). Negotiations and Issues for Congress. December 13, 2013. Congressional Research Service 7-5700 // www.crs.gov; <http://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf>

Что по сути представляет собой ТТП, о каком типе объединения идет речь? Вопрос далеко не праздный, поскольку в комментариях по

этому поводу ТТП квалифицируется крайне вариативно - «торговый блок», «таможенный союз», «внешнеэкономическая коалиция» и даже «интеграционный формат». Думается, на данной стадии переговорного процесса более резонно определять ТТП ближе к первому, не слишком амбициозному варианту. В настоящее время речь, разумеется, не идет об интеграционном объединении, а, скорее, о торговом блоке или многосторонней зоне свободной торговли, но с расширенным кругом обязательств стран-участниц. Именно вокруг этих расширенных обязательств и развивается - и часто буксует - переговорный процесс.

По замыслу инициаторов, помимо обнуления (стадийно к 2025 г.) всех торговых таможенных барьеров, страны принимают на себя обязательства, регламенты, принципы экономической деятельности, получившие в кругу экспертов название «платиновый стандарт». Этот стандарт касается не только собственно торговли, но и производства, налогообложения, правил конкуренции частного и государственного бизнеса, прозрачности инвестирования, прав интеллектуальной собственности, трудового законодательства.

В главном переговорном документе ТТП содержится 29 статей. Уместно привести полный перечень этих статей, что дает понимание сути ТТП как торгового объединения и спектра потенциальных договоренностей. Переговоры ведутся по следующим темам: 1. Доступ товаров. 2. Доступ сельскохозяйственных товаров. 3. Текстиль и одежда. 4. Таможня. 5. Правила, определяющие происхождение товаров. 6. Технические барьеры в торговле. 7. Санитарные и фитосанитарные стандарты. 8. Услуги. 9. Инвестиции. 10. Финансовые услуги. 11. Телекоммуникации. 12. Интернет-торговля. 13. Транзитное пребывание товаров. 14. Права на интеллектуальную собственность. 15. Государственные закупки. 16. Конкуренция / госпредприятия. 17. Возмещение убытков. 18. Прозрачность конкуренции. 19. Трудовые отношения. 20. Охрана окружающей среды. 21. Исключения. 22. Определения. 23. Разрешение споров. 24. Кооперация и создание производств. 25. Унификация хозяйственного права. 26. Помощь бизнесу и конкуренция (логистические цепи). 27. Развитие. 28. Малый и средний бизнес. 29. Порядок ввода соглашения в действие².

Обязательства, которые принимают на себя участники ТТП по целому ряду отмеченных направлений, превосходят те, что существуют в рамках ВТО. В силу разной «весовой категории» и «разномастности» экономик стран-участниц для многих из них принятые обязательства могут потенциально привести к существенным структурным из-

менениям, вплоть до принципиальных сдвигов в модели экономики. Именно это обстоятельство позволяет трактовать ТТП как несколько более тесное экономическое объединение, чем просто торговый блок.

МОТИВАЦИИ США

Мотивация США к созданию ТТП многоаспектна, но ядро этой мотивации, используя выражение одного американского эксперта (Ф.Бергстена), заключается в «конкурентной либерализации». По замыслу американских архитекторов ТТП, те нормы конкурентной открытости, правила игры, которые примут участники объединения, несомненно сдвинут их экономики в сторону большей совместимости с «вашингтонским консенсусом», создавая для США системные конкурентные преимущества³.

Необходимо особо отметить следующее. Параллельно с конкуренцией страновых экономик неизбежно соперничают и создаваемые вокруг них объединительные форматы, начиная от зон свободной торговли и заканчивая интеграционными объединениями. Стремление к таким форматам со стороны «центровых» стран продиктовано как желанием получить осязаемые торговые преференции, максимизировать преимущества своих экономик сегодня, так и - в качестве задачи на перспективу - выстроить и «кодифицировать» на будущее наиболее благоприятные для себя правила экономической игры, условия конкуренции. Речь идет о правилах, которые будут благоприятствовать им практически во всех сферах экономической борьбы, таких как рынки, инвестиционные потоки, технологии, доступ к энергии и сырью, оптимальное место в международном разделении труда, потоки эмиграции и квалифицированные рабочие руки, интеллектуальная собственность.

Восточная Азия - и более широко АТР в целом (с участием Индии) - превратилась с середины 1990-х годов в регион ускоренного роста, темпы которого на порядок превышали показатели в других регионах мира. Лидером этого роста стал Китай, который к 2000-м годам сделал свой выбор в интеграционных приоритетах, резонно сориентировавшись на АСЕАН. В основе этого выбора лежало несколько факторов. 1. Традиционная геоэкономическая дополняемость Китая и ЮВА, складывавшаяся к тому времени объективная субрегионализация восточноазиатской экономики. (Большой Китай

и концентрирующиеся вокруг него естественные экономические очаги регионализации.) 2. Мягкая, консенсусно-азиатская модель интеграции АСЕАН, оптимально подогнанная под широкое разнообразие, неравномерность развития и уникальность страновых характеристик стран-участниц. 3. Стремление использовать площадку АСЕАН в качестве промежуточного механизма выстраивания интеграционных связей с другими экономическими лидерами Азии - Японией, Кореей, Индией - с долгосрочной перспективой изоляции и постепенного выдавливания из региона США.

Азиатский финансовый кризис 1998 года ослабил экономическую и финансовую привлекательность США в регионе, в то время как Китай, его гибкая, но централизованно управляемая экономическая модель, получал все большую популярность в Азии. В ходе этого финансового кризиса Китай удержал от негативных колебаний курс юаня, чем оказал стабилизирующее влияние на азиатские рынки. Несмотря на сохраняющиеся недоверие и тревогу по отношению к новому «молодому волку» мировой экономики в лице КНР, конкурентную борьбу с ним со стороны Японии, Кореи, Индии, страны АТР воспринимали Пекин как более естественный локомотив азиатской интеграции, чем замедляющиеся и проблемные США.

В первое десятилетие нового века две администрации Дж.Буша-младшего выдвинули в фокус военной и дипломатической активности США Ближний Восток и Центральную Азию, обуславливая тем самым невозможность равной концентрации сил и в регионе АТР. Противодействие Китаю не ставилось Дж.Бушем на первый план. Наоборот, его администрация была вынуждена идти с Пекином на компромисс, не распыляя силы. В результате в первое десятилетие века США снизили планку своего присутствия и активности в АТР как в военно-политическом отношении, так и в процессах экономической интеграции.

На протяжении 1990-х годов в регионе возник ряд внешнеэкономических инициатив, так или иначе ориентированных на изоляцию Америки в регионе. Одними из ключевых были форматы АСЕАН + 1 (Китай), АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Корея), АСЕАН + 6 (Китай, Япония, Корея, Австралия, Индия, Новая Зеландия). В недрах этих форматов складывались различные формулы восточноазиатской интеграции (East Asian Community, East Asian Summit), в которых участие и неучастие США становилось объектом серьезной полемики между Китаем, Малайзией, Японией, Индией и Австралией. Это приводило, с одной сто-

роны, к слабости или полному параличу этих инициатив, а с другой - в конечном итоге к ослаблению американского присутствия в регионе.

Одновременно проявился целый ряд индикаторов, свидетельствующих о неблагоприятных для США последствиях конкуренции с Китаем в экономической и военно-политической областях: диссонанс темпов роста ВВП, долговая проблема США на фоне превращения КНР в ключевого внешнего кредитора США, упрочение связей КНР с Россией, продвижение Китая в зоны Центральной Азии, Африки (как правило, за счет США), продуктивная комплексная стратегия Пекина в вопросах тайваньского объединения, рост военных возможностей КНР относительно США вследствие внушительных военных ассигнований. Заметно ужесточилась позиция Китая в территориальных конфликтах в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, что воспринималось как оправданная решимость Пекина в отстаивании своих геополитических рубежей в АТР.

Весь комплекс этих обстоятельств и обусловил продвижение инициативы ТТП со стороны США. Можно сказать, что концепт ТТП стоит на двух китах. С одной стороны, он мотивирован эволюцией самой американской экономики, стремящейся институционализировать и закрепить свои конкурентные преимущества на перспективных и органичных для себя восточноазиатских рынках, максимально адаптировав под себя правила экономической игры. С другой стороны, он продиктован логикой глобализации и конкуренцией с Китаем, с тем чтобы преодолеть набранные последним очки в выдавливании США из экономики региона. Обе группы этих факторов тесно переплетены друг с другом.

Даже по мнению ряда американских аналитиков, условия и критерии присоединения тихоокеанских стран к сообществу ТТП являются чрезмерно «американоцентричными». Они существенно выводят проект за рамки торгового блока и продиктованы узкокорпоративными интересами промышленных групп США. Будучи принятыми, они явно закрепляют доминирующее положение этих групп, в частности в фармацевтической, автомобильной, сельскохозяйственной отраслях, в сфере услуг (финансовых, строительных, консалтинговых), в медиабизнесе, в интернет-торговле. Видный американский экономист Д.Бхагвати считает, что история с ТТП повторяет историю с продвижением аналогичного торгового блока в Латинской Америке - ФТАА. Создавая этот блок, США стремились навязать принципы НАФТА, которые также содержали много внеторговых условий и «правил

игры», странам «остальной» Латинской Америки. Однако Бразилия, как региональный экономический лидер, отказалась присоединиться к этим условиям. В результате регион оказался расколот на два торговых объединения (ФТАА и Mercosur) и планам США не суждено было сбыться в полной мере.

По мнению аналитика, нынешние участники ТТП - в значительной степени заложники американо-китайского противостояния. Они в значительной степени будут вынуждены принять американские условия в качестве превентивной меры, направленной против экономической и военной активности Китая в регионе⁴.

Если говорить о будущем стимулирующем эффекте ТТП на экономику США, то надо отметить, что США уже имеет зоны свободной торговли в шести из нынешних 11 стран - участниц ТТП (Канаде, Мексике, Австралии, Сингапуре, Чили, Перу). Из оставшихся вне этой шестерки стран Япония - принципиально важный элемент для стартовой дееспособности ТТП. На Японию приходится значительная доля торговли США как товарами, так и особенно услугами. Если на стартовом этапе переговорного процесса в 2012 году доля участников ТТП в товарообороте США не превышала 12%, то с Японией эта доля уже составит 40%.

Будучи экономическим партнером США с иным, более развитым рынком, чем большинство нынешних азиатских партнеров по ТТП, Япония вызывает повышенный интерес американского бизнеса.

В самой Японии вопрос о подключении страны к ТТП сопровождается острыми внутриэлитными дискуссиями. Налицо разница в подходах различных отраслей японской экономики, межотраслевой конфликт интересов. Если аграрный сектор Японии, традиционно развивавшийся в условиях ярко выраженного протекционизма, скрытых государственных субсидий, настроен к ТТП скептически и опасается потерять внутренний рынок, то автомобильная и электронная отрасли крайне заинтересованы в снижении торговых барьеров в рамках ТТП.

Планка переговорных позиций Токио остается высокой. Очередные раунды двусторонних переговоров с Вашингтоном в 2014 году не принесли результата. В значительной степени из-за несговорчивости Токио создание партнерства откладывается. Вместе с тем решение о присоединении Японии к ТТП явно носит политико-стратегический характер, и оно фактически принято.

Серьезно осложняют процесс переговоров макроэкономические проблемы США - долговые дефициты, подрывающие устойчивость

американской финансовой системы, доверие к доллару, к экономическим перспективам США. Пока не преодолены сложности в переговорах США с Малайзией, Вьетнамом, Новой Зеландией. Судя по всему, в 2014 году окончательный документ не будет согласован. Переговорный процесс продолжится и в 2015 году.

ПОДХОДЫ КИТАЯ

Выделяются две точки зрения в КНР, ведущие к разным сценариям китайского отклика на ТТП.

Первая - доминирующая, негативная, пока исключаяющая возможность китайского участия. США, считают приверженцы этого взгляда, реально не хотят китайского участия в проекте, несмотря на формальное провозглашение партнерства «открытым».

Предъявляемые к странам - участницам ТТП требования, в частности в вопросах свободы конкуренции, прозрачности финансирования госпредприятий, равных прав для экономических субъектов как государственного, так и частного сектора, доступа иностранных фирм к системе госзакупок, критериев защиты интеллектуальной собственности, однозначно неприемлемы для Китая на данный момент. Особенно болезненны они для крупных госкомпаний КНР, не готовых к конкуренции с заокеанскими ТНК на китайских и восточноазиатских рынках по американским правилам.

Эта точка зрения предопределила изначальную, однозначно отрицательную реакцию КНР на инициативу ТТП⁵.

Согласно этой точке зрения, Китай однозначно должен игнорировать ТТП и фокусироваться на продвижении аналогичных инициатив по либерализации торговли в АТР со своим участием и лидирующей ролью.

Центральное место в этом плане придается формату АСЕАН+6. Во многом как реакция на планы США и начавшийся переговорный процесс по ТТП Китай активно лоббировал проект «свободных зон», который получил название «Regional Comprehensive Economic Partnership» (RCEP). Этот проект с участием 16 стран - десять стран АСЕАН плюс Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия - уже сейчас выглядит солиднее, чем нынешнее ТТП и по составу участников, и мировой торговой «капитализации». Подготовительные переговоры ведутся с ноября 2011 года. Планируется, что данное соглашение вступит в силу в 2015 году.

РСЕР вводит режим зоны свободной торговли на более мягких условиях, с большей степенью толерантности к национальным экономикам и их правовым регламентам. Как отмечают китайские официальные лица, формат РСЕР, в отличие от американской ТТП, основывается на сложившихся реальностях, структуре и «социальных традициях» азиатских экономик. Китайско-асеановский проект предполагает щадящие, отсроченные режимы адаптации для стран-участниц и не противоречит уже существующим обязательствам этих стран в двустороннем и многостороннем планах⁶.

В дополнение к РСЕР - как параллельный (или конкурирующий) механизм ТТП - в Китае рассматривают проект зоны свободной торговли Северо-Восточной Азии с участием Китая, Японии и Кореи. Этот проект, несмотря на политические противоречия по линии Токио - Пекин, в Китае продолжают считать дееспособным и реализуемым⁷. Значительный масштаб китайско-корейской торговли и корейских инвестиций в КНР также способствует его реализации.

Вторая точка зрения по проблематике ТТП - менее влиятельная, но тем не менее существующая в экспертном и политическом сообществе КНР. Ее сторонники относятся к перспективам неучастия Китая в концепте ТТП не столь категорично.

В их понимании предложенные США условия и принципы подключения к блоку в нынешнем виде однозначно неприемлемы и не соответствуют торговым и макроэкономическим интересам КНР, ослабляют ее конкурентные позиции. Вместе с тем они отмечают, что полтора десятилетия назад, когда Китай вступил в ВТО, он взял на себя обязательства, которые многие считали разрушительными для его интересов. Время, однако, показало, что критики были неправы: конкурентная среда в КНР значительно окрепла, наблюдался стабильный рост ВВП, экспорта и доходов населения. Инфляция и курс юаня остались под эффективным контролем.

В этой связи, считают сторонники данного подхода, к инициативе ТТП Китай должен отнестись прагматично. Необходимо обсуждать условия и торговаться и не исключать полностью возможность подключения КНР к ТТП, разумеется, в свое время и на тех условиях, которые китайская сторона сочтет приемлемыми и стимулирующими для своего развития.

Сторонники такого взгляда отмечают, что, будучи проектом своего экономического соперника, ТТП, по сути, созвучно с философией торговой либерализации в рамках АПЕК, к чему Китай давно стре-

мился. Выстраивание прозрачных отношений между государством и частным бизнесом, лежащее в основе ТТП, соответствует долгосрочным целям китайских реформ. В этой связи, считают они, Китай должен стряхнуть с себя «летаргию» последних лет и преодолеть «особые интересы» отдельных экономических групп, препятствующих дальнейшему открытию китайской экономики. Если Китай пойдет на участие в ТТП, он будет вынужден принять многие из американских правил. Но если он полностью проигнорирует американский концепт, создастся риск его «маргинализации» в АТР⁸.

В китайском политическом классе идет достаточно острая дискуссия по принципиальным вопросам экономической стратегии. Сторонники сохранения сильного государственного сектора и активного государственного регулирования, приверженцы взгляда на экономику и социально-экономические условия КНР как на уникальные и исключаяющие традиционные западные подходы борются со сторонниками более либеральных взглядов, не исключая оправданное - хотя и адресно адаптированное - привлечение западных моделей хозяйствования.

В начале 2012 года был обнародован доклад «Китай - 2030», получивший большой резонанс как внутри КНР, так и за рубежом. Доклад явился плодом совместного двухгодичного проекта группы экспертов-экономистов и Всемирного банка, с одной стороны, а с другой - Центра исследований и развития Госсовета КНР - пожалуй, самого авторитетного китайского «мозгового треста» в вопросах экономики и государственного строительства⁹.

Почти 500-страничный доклад представляет собой своего рода «Дорожную карту» реформирования китайской экономики на ближайшие 15 лет. Главной рекомендацией авторов доклада является управляемое, но неуклонное переформатирование экономической роли государства, его дозированный уход из большинства «несистемообразующих отраслей».

По мере того как технологии раздвигают границы возможностей, а шансы получения этих технологий извне сужаются, отмечается в докладе, роль государства и его взаимосвязь с рынком и частным сектором нуждается в кардинальных изменениях. Предоставляя все меньше материальных общественных благ и услуг напрямую, государству будет необходимо предоставлять обществу все больший объем общественных благ нематериального характера в виде систем, правил и процедур, которые поспособствуют эффективности

производства, простимулируют конкуренцию и специализацию, ресурсосбережение, защиту окружающей среды. В промышленности, согласно докладу, фокус усилий должен быть направлен на реформирование госпредприятий, внедрение современных методов корпоративного управления, разделение права собственности и права хозяйствования. Это потребует в необходимых случаях постепенной диверсификации прав собственности, расширения частного сектора и развития конкуренции во всех секторах промышленности, включая стратегические и системообразующие.

В области финансов авторы доклада рекомендуют дальнейшую коммерциализацию банковской системы КНР, постепенный перевод банковских ставок на рыночную основу, создание прочных оснований для интернационализации финансового сектора.

На рынке труда Китаю надлежит осуществить постепенную отмену обязательной прописки граждан КНР, с тем чтобы обеспечить свободу перемещения рабочей силы по всей стране.

Все эти меры, по которым Всемирный банк нашел консенсус с китайским экспертным сообществом, в случае своей реализации, бесспорно, сделают экономику КНР, как минимум, еще более транспарентной, с точки зрения американцев, разумеется, без каких-либо стремлений к неадекватному копированию экономических моделей и институтов США. Сообразно этому выстраиваются и внешнеполитические приоритеты экспертного сообщества экономистов в отношении Америки - поддержание продуктивной взаимозависимости, разумный компромисс по ключевым конфликтным проблемам - валютная проблема, обоюдный протекционизм, Тайвань, противостояние в АТР, территориальные конфликты. В более широком плане этот подход предполагает мультилетаризм и глобализм, понимаемые как соответствующее китайским целям развития взаимодействие со сложившимися реалиями и институтами мироуправления и мировой экономики.

Понятно, что, если в идущей дискуссии возобладают сторонники такой пролиберальной рыночной логики развития, прописанной в подобных документах, перспективы подключения Китая к ТТП будут более радужными.

Характерно, что из 12 стран, ведущих в настоящее время переговоры о вступлении в ТТП, шесть государств на двусторонней основе имеют соглашения о зоне свободной торговли с Китаем. Это ведет к тому, что в случае своего невхождения в ТТП Китай на инклюзивной основе сохранит с группой стран ТТП свои торговые преференции.

НОВЫЕ КИТАЙСКИЕ НЮАНСЫ

В последнее время в подходе Китая к участию в ТТП налицо новые нюансы. Этот подход становится более гибким в отличие от прежнего железобетонного негативизма. Это связано, скорее всего, с более лояльным, компромиссным подходом нынешнего китайского руководства во главе с Си Цзиньпином к США, поисками новой модели связей, обозначенных китайским лидером сразу по приходу к власти, попытками выстроить доверительные и конструктивные отношения с Б.Обамой. Не в меньшей степени эта гибкость связана с усложнением проблем экономического развития КНР, признаками замедления роста, необходимостью ухода от нынешней «перегретой» модели развития, отличающейся экспортоориентированностью, недостаточной развитостью внутреннего рынка, капиталоемкостью. Сообразно этому должен эволюционировать и формат китайской взаимозависимости от мировой экономики.

В этой связи весьма показательным выступление премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна на Боаоском экономическом форуме (КНР, о. Хайнань) летом 2014 года. Этот форум, собирающий лидеров и экономическую элиту стран АТР - своего рода китайский Давос, - знаковая площадка по данной проблематике.

Выступая на форуме, Ли Кэцян дал понять, что Китай и на официальном уровне - что характерно - движется к более прагматичной позиции в отношении ТТП. «Китай занимает открытую позицию в отношении инициативы Транстихоокеанского партнерства, - заявил китайский премьер. - До тех пор пока эта инициатива будет благоприятствовать развитию мировой торговли и продвижению равноправия и открытой торговой среды, Китай будет приветствовать ее формирование»¹⁰. При этом премьер Госсовета акцентированно подчеркнул необходимость сохранять «центральную роль» ВТО в глобальных торговых режимах, а также отметил, что наряду с ТТП важную роль в архитектуре экономики АТР должен сыграть и продвигаемый Китаем формат РСЕР (АСЕАН + 6).

Данные заявления и акценты китайского премьера говорят о многом. Во-первых, как явствует из слов Ли Кэцяна, дана отмашка не «мочить» ТТП голословно, а трактовать его появление как многофакторный и частично полезный для Китая тренд. КНР, будучи наряду с США мощным экономическим локомотивом в регионе, имея по сравнению с последними даже большую динамику и стабиль-

ность ресурсов для роста, объективно разделяет с США философию обнуления торговых барьеров, что является сверхзадачей ТТП. От либерализации торговли выигрывают в первую очередь наиболее конкурентоспособные игроки.

Разумеется, принимать на себя чрезмерные и структурно деструктивные обязательства по прозрачности конкуренции, финансовому мониторингу госпредприятий, по интеллектуальной собственности, в области рабочего законодательства Китай в данный момент не готов и не собирается. Упоминание премьером роли ВТО подчеркивает ту мысль, что именно переговорные критерии ВТО, потребовавшие от Пекина многих компромиссов, являются для него тем «золотым стандартом», который он не готов обменивать ни на какие «платиновые стандарты» ТТП.

Но игнорировать те возможности, которые дало бы ТТП для Китая на рынках АТР, не использовать бестарифную зону, имея сильные экономические козыри и преимущества перед американцами, особенно в плане торговых инвестиций в АТР, для Китая вряд ли разумно.

ТТП является ступенькой в интеграционном процессе в рамках АТР. Этот процесс невозможен без участия Китая. По сути, сторонники гибкого подхода Китая к ТТП рекомендуют использовать участие Китая в РСЕР и форматах АСЕАН, участие в них Японии, Кореи, Австралии как форму инклюзивного, непрямого подключения к ТТП. В результате такого инклюзивного участия регион АТР станет представлять собой зону перекрещивающихся, накладывающихся друг на друга торговых объединений, существование которых объективно способствует интеграционному процессу в регионе. Имея в виду очевидные дивиденды от такой интеграции для наиболее сильных экономических игроков, какими являются США, Китай, Япония, Корея, Индия, вполне возможно преодолевать неизбежные конфликты экономических интересов между ними.

Такая точка зрения больше отражает популярное в китайских верхах с приходом Си Цзиньпина стремление наполнять содержанием «новую модель» сотрудничества и взаимодействия с США, в первую очередь в экономической области, на фоне объективно существующих трений в военно-стратегической и политической областях.

¹См.: *Рогов С.* Доктрина Обама: властелин двух колец // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1748#top; *Загашвили В.* О переговорах в рамках Транс-Тихоокеанского партнерства. Актуальный комментарий. ИМЭМО. 2013 // www.imemo.ru/publ.html?fo=44

- ²The Trans-Pacific Partnership (TPP). Negotiations and Issues for Congress. P. 19 // <http://fas.org/sgp/crs/row/R42694.pdf>
- ³*Bergsten F.* Competitive Liberalization and Global Free Trade: A Vision for the Early 21st Century // Working Paper 96-15. Peterson Institute of International Economics. 1996. P. 3-4.
- ⁴*Bhagwati J.* Time for Rethink (Millennium Development Goals). 2014. P.15 // <http://www.columbia.edu/~jb38/papers/pdf/Time%20for%20a%20Rethink.pdf>
- ⁵Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хуа Чуньин. 22 апреля 2013 г. // <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t1035220.shtml>; Экономическое обозрение: вероятность присоединения Китая к переговорам вокруг ТПП в ближайшей перспективе невелика // <http://russian.people.com.cn/31518/8277616.html>; Trans-Pacific Partnership not best way forward for China at present // <http://www.globaltimes.cn/content/863864.shtml>
- ⁶Ministry of Commerce of People's Republic of China: Give play of China's Important Role and Accelerate RCEP Negotiations September 1. 2014 // <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/201409/20140900720384.shtml>; Ministry of Commerce of People's Republic of China: China mulls «mega» FTA. May 5, 2014 // <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/europereport/201405/20140500572698.shtml>
- ⁷Ministry of Commerce of People's Republic of China: China, S.Korea, Japan start 4th FTA // <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/europereport/201403/20140300507013.shtml>
- ⁸*Li Xiangyang.* Trans-Pacific Partnership Agreement: A Major Challenge to China's Rise // International Economic Review. 2012-02; *Li Xiaoyu, Wang Qiang.* The Trans-Pacific Partnership (TPP): New Developments and China's Response // China Institute of International Studies. Jun. 3, 2013 // http://www.ciis.org.cn/english/2013-06/03/content_6000336.htm; *An Gang.* Rational Response to US shift. Beijing Review. January 4, 2013; *Jeffrey J. Schott.* The Trans-Pacific Partnership: Whither China? // http://www.dragon-report.com/Dragon_Report/Home/Entries/2013/1/7_The_Trans_Pacific_Partnership_Whither_China.html
- ⁹China 2030. Building a Modern, Harmonious and Creative High-Income Society. The World Bank and Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. 2012 // <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/China-2030-complete.pdf>
- ¹⁰Ministry of Commerce of People's Republic of China: Full text of Li Keqiang's speech at opening ceremony of Boao Forum. April 11, 2014 // <http://english.mofcom.gov.cn/article/counselorsreport/europereport/201404/20140400547347.shtml>

Ключевые слова: Транстихоокеанское партнерство, АСЕАН+6, либерализация торговли, экономика КНР, ВТО, субсидирование госпредприятий, прозрачность конкуренции, унификация хозяйственного права.

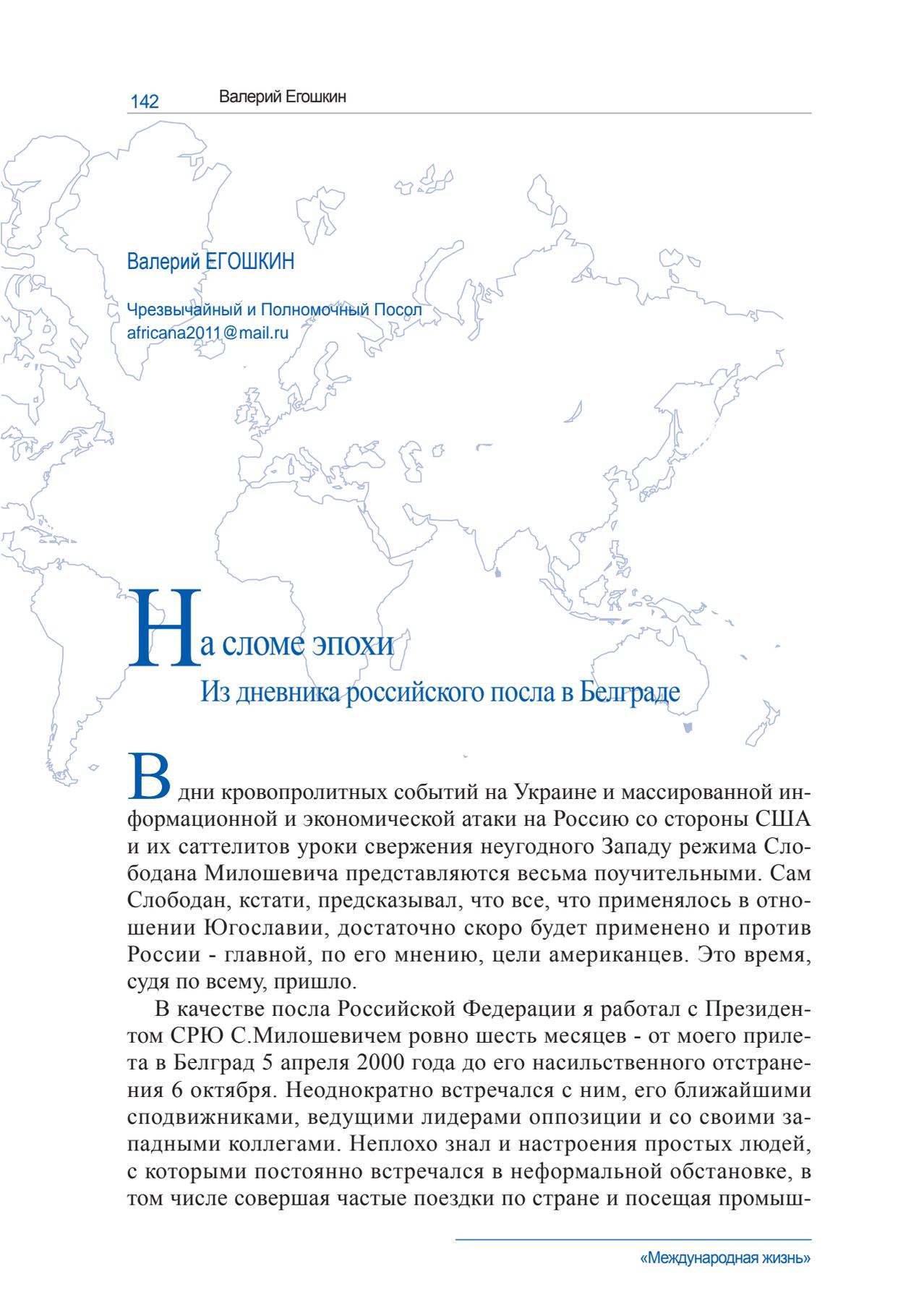
Международная

ЖИЗНЬ

Вехи истории

Валерий ЕГОШКИН

Чрезвычайный и Полномочный Посол
africana2011@mail.ru

Н а сломе эпохи

Из дневника российского посла в Белграде

В дни кровопролитных событий на Украине и массивной информационной и экономической атаки на Россию со стороны США и их саттелитов уроки свержения неугодного Западу режима Слободана Милошевича представляются весьма поучительными. Сам Слободан, кстати, предсказывал, что все, что применялось в отношении Югославии, достаточно скоро будет применено и против России - главной, по его мнению, цели американцев. Это время, судя по всему, пришло.

В качестве посла Российской Федерации я работал с Президентом СРЮ С.Милошевичем ровно шесть месяцев - от моего прилета в Белград 5 апреля 2000 года до его насильственного отстранения 6 октября. Неоднократно встречался с ним, его ближайшими сподвижниками, ведущими лидерами оппозиции и со своими западными коллегами. Неплохо знал и настроения простых людей, с которыми постоянно встречался в неформальной обстановке, в том числе совершая частые поездки по стране и посещая промыш-

ленные и сельскохозяйственные предприятия. Наиболее важные из этих встреч нашли отражение в моих записях бесед, часть из которых сохранилась в рукописном виде в моих архивах.

Перелистывая сегодня эти записи, я задаюсь вопросом, как, казалось бы, достаточно консолидированный режим, на протяжении многих лет сохранявший свою жизнеспособность, несмотря на развал большой Югославии, многочисленные этнические и религиозные конфликты, массовый наплыв беженцев из Боснии, Хорватии, а затем и Косова, переживший информационную войну и жесточайшую экономическую блокаду со стороны Запада, многомесячные массированные натовские бомбардировки и в целом пользовавшийся, как минимум, пассивной поддержкой основной части населения, вдруг в одночасье, без боя сдал свои позиции, поддавшись требованиям оппозиционных демонстрантов, отнюдь не представлявших всю страну.

ЗОВ БАЛКАН

Балканы всегда влекли меня, особенно Югославия. В студенческие годы, как и все, кто учился на факультете международных отношений МГИМО, я штудировал историю дипломатии, и особенно важно было изучать опыт работы российских дипломатов на Балканах. Когда в 1992-1995 годах после возвращения из очередной командировки в Северную Африку пришлось заниматься проблемами Закавказья и Турции, я нередко вспоминал то, чему нас учили на балканском опыте. Кавказ с его переплетением многочисленных этнических групп, политической взрывоопасностью, повышенным интересом мировых и региональных держав, несчетными проблемами самого разного свойства и постоянными подковерными интригами в былые годы русские дипломаты нередко сравнивали с Балканами, где всегда было беспокойно и где ни на кого полностью положиться было нельзя.

Более чем бурные события в бывшей Югославии, в недавнем прошлом процветающем государстве, прекрасно иллюстрировали в наши дни устоявшийся еще с конца XIX века термин «балканизация», вполне подходивший и к тому, что происходило на Кавказе в последние десятилетия. Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, разделенные границей лезгины, непринимаемые Грузией

турки-месхетинцы, курды, духоборы, молокане, а заодно и проливы, соседняя Чечня - лишь часть проблем, с которыми мне пришлось разбираться.

Работая с 1995 года послом в Алжире, где в тот период происходило острое противостояние между экстремистскими исламистскими группировками и светским военно-политическим руководством страны и, по существу, шла гражданская война, я внимательно следил за тем, что происходило вокруг Югославии, и даже начал подумывать, что с учетом опыта работы в «горячих точках» было бы интересным после окончания алжирской командировки заняться проблемами Балкан. Впрочем, будучи реалистом, понимал, что об этом нельзя и мечтать - на балканское направление в МИД «чужаков», как правило, не пускали. Когда мне неожиданно позвонил из Москвы курировавший в МИД Балканы первый заместитель министра А.А.Авдеев и предложил подумать насчет работы в Белграде, я очень обрадовался и сразу дал согласие.

С Авдеевым мы вместе начинали свою дипломатическую карьеру в Алжире, жили на одной коммунальной вилле, дружили семьями, работали в Центре, в Первом африканском отделе. Он хорошо знал мои возможности. К тому же, как Саша мне рассказывал, на заседаниях коллегии министерства Е.М.Примаков в свою бытность министром иностранных дел нередко ставил меня в пример по получении телеграмм из Алжира, и это, видимо, сыграло свою роль при принятии решения по моей кандидатуре. Авдеев, как мне показалось, обрадовался моему согласию и сказал, что процесс оформления будет запущен незамедлительно. Впрочем, мой отъезд в Белград задержался из-за начавшихся натовских бомбардировок Югославии. Послов в такой обстановке менять не принято.

Оставаясь в Алжире, я с еще большим вниманием следил за тем, что происходило в Югославии и вокруг нее. Меня, мало-мальски знакомого с историей и сутью балканских проблем, крайне раздражала откровенная ангажированность и примитивность освещения событий западными телеканалами. Американские и натовские официальные лица явно не утруждали себя изобретением сколько-либо правдоподобной аргументации и рассчитывали на абсолютно несведущую аудиторию. Алжирские СМИ каких-либо комментариев по событиям в Югославии не публиковали, ограничиваясь довольно нейтральным изложением сообщений мировых информационных агентств. Но как-то в одной арабоязычной газе-

те мы обнаружили статью, носящую явно заказной характер. Она была рассчитана на то, чтобы создать из Белграда образ врага ислама, жестоко преследующего мусульман в Боснии и Косове. Не только содержание, но и специфический язык статьи показывали, что автор не алжирец, а житель Аравийского полуострова, скорее всего саудовец.

На следующий день после этой публикации у меня было запланировано выступление в Национальной административной школе, где традиционно присутствовали не только слушатели, но и представители президентской администрации, МИД, ведущих СМИ. Такие встречи регулярно проводились с послами, которые были способны излагать свои мысли по-арабски. Круг вопросов определялся организаторами встречи, и от дипломата требовалось не только изложить официальную позицию своей страны по обсуждаемой теме, но и ответить на многочисленные и подчас очень непростые вопросы слушателей, которые к такой встрече тщательно готовились. Обсуждения натовских бомбардировок Югославии в ходе встречи предусмотрено не было, однако, отвечая на какой-то вопрос одного из присутствующих, я сам затронул эту тему.

Подчеркнул, что знаю алжирцев очень давно. У них хорошая память. Они никогда не забывают то плохое, что делалось в отношении алжирского народа, но всегда прекрасно помнят хорошее, что делали для них друзья в тяжелые для Алжира времена. Алжирцы не предадут друзей, что бы ни происходило. У России с Югославией были свои трудности во времена Тито, но у Алжира с югославами никаких проблем никогда не возникало. Белград оказывал алжирцам всю возможную помощь, даже оружием, в годы войны за независимость. Он был одним из главных партнеров в период становления независимого государства, близким союзником по Движению неприсоединения. В эти трудные для югославских друзей дни, исходя из их понимания дружбы, алжирцы никак не могут допустить антиюгославских публикаций в своей печати. Не знаю, было ли это следствием моего высказывания, сделанного в присутствии влиятельных политиков и журналистов, но больше ни одного антисербского комментария в алжирской печати нам не встречалось.

Уже в Алжире я начал активно готовиться к работе в Белграде. Наладил тесный контакт с недавно приехавшим в Алжир поверенным в делах СРЮ Йозефом Дашичем, который впервые оказался

на дипломатической должности. До этого он работал помощником премьер-министра Сербии. Его предшественник, карьерный дипломат Димитри Бабиш, уроженец Черногории, был ортодоксальным коммунистом и, хотя отношения у нас были хорошими, не всегда шел на контакт. Как истый атеист, он, например, наотрез отказывался участвовать в мероприятиях славянских диаспор, проводившихся, в том числе по нашей инициативе, по поводу общих православных праздников. Дашич же, уроженец Западной Сербии, абсолютно не был политизирован, в госструктуры попал случайно, а в молодости танцевал в фольклорном коллективе, часто ездил на гастроли и очень гордился этим. Его жена Вера была замечательной стряпухой, никаким языком, кроме сербского, не владела и для меня стала первой учительницей не только языка, но и сербской кулинарии.

Через югославскую диаспору мне достали самоучитель сербско-хорватского языка, и я стал его штудировать в свободное от работы время. Конечно, освоить новый язык без серьезных системных занятий и без каждодневной потребности им пользоваться было делом непростым. Я попытался как можно чаще общаться с сербами, и это общение показало, что при, казалось бы, близости русского и сербского языков между ними очень немало существенных различий, в том числе в значении большого числа наиболее употребляемых одинаково звучащих слов, многие из которых имеют абсолютно противоположное значение. Французы такие слова называют «ложными друзьями переводчика».

Как-то я организовал коллективный выезд сотрудников российского и югославского посольств в наш бывший пионерский лагерь в Шенуа-Пляж недалеко от города Типаза. Купались в море, играли в мяч, жарили шашлыки. На каникулы к нашим сотрудникам приехали дети - несколько студентов и старших школьников, а к Дашичу - сын Владимир, очень симпатичный юноша 20 лет от роду. Нашим девочкам Владимир сильно приглянулся, и они во всю хлопотали вокруг него, пытаясь привлечь его внимание. Вдруг, вся заплаканная, подбегает ко мне десятиклассница Ира, которой Владимир, судя по всему, понравился больше всех, и сквозь рыдания говорит: «Владимир меня обидел! Я его угощала, водой поила, чуть ли не пылинки с него сдувала, а он меня вредной назвал!»

Хорошо, что к тому времени я уже знал, что «вредна» значит «трудолюбивая», и смог объяснить девочке, что молодой человек

похвалил ее. Для него самого было непонятно, почему после его комплимента девочка вдруг расплакалась. Как я не раз потом убеждался, таких сомнительных для нас слов в сербском языке множество и необходимо постоянно проявлять осторожность, чтобы не понять все наоборот или кого-нибудь не обидеть.

После прекращения натовских бомбардировок Югославии меня вызвали в Москву, где я вплотную приступил к оформлению в новую командировку. Ознакомился с материалами в курирующем Балканы Третьем Европейском департаменте, где приняли меня вполне любезно, посетил ведомства, связанные с югославской проблематикой, прошел курсы для послов, проводившиеся в Дипакадемии. Там встретил и Ю.П.Котова, которого я менял в Белграде и который оформлялся послом в Рабат.

Круг визитов по ведомствам определил мне А.А.Авдеев, отвечавший за направление на уровне министерского руководства. Запомнился визит к патриарху Алексию II, вручившему мне для передачи сербскому патриарху Павле рождественское фарфоровое блюдо 2000 года. Незадолго до отъезда в Белград меня принял министр И.С.Иванов, в числе прочих указаний призвавший срочно произвести ремонт фасада посольства, который, по его словам, выглядит очень обшарпанным.

Посол СРЮ в Москве Борислав Милошевич - старший брат Президента Милошевича устроил ланч в мою честь, пригласив, помимо своих старших дипломатов, югославских представителей, занимающихся вопросами экономического и военно-технического сотрудничества. Борислава я знал еще с 1988 года по Алжиру, где был тогда советником-посланником посольства СССР, а он - послом СФРЮ. У нас сложились очень хорошие деловые отношения. Обстановка в Алжире тогда стала резко обостряться, активизировались различные оппозиционные течения, включая исламистские, и югослав сам искал встречи со мной, поскольку я в дипкорпусе считался специалистом по внутривосточной обстановке. Наш посол В.Н.Таратута, до Алжира работавший первым секретарем Винницкого обкома КПСС, в профессиональном плане Б.Милошевича не интересовал. Сам Борислав показал себя в Алжире хорошим профессионалом, у него были обширные связи, наработанные еще большой Югославией, пользовавшейся в свое время в Алжире огромным авторитетом, и я от него всегда получал немало полезной информации.

ПРИБЫТИЕ В БЕЛГРАД

В белградском аэропорту 5 апреля 2000 года встретили меня как положено - представитель протокола МИД СРЮ и старший дипсостав посольства. Дальше дни полетели стремительно - знакомство с посольством, с персоналом, организация работы коллектива по привычной мне проверенной схеме - ежедневные утренние совещания дипсостава с докладом главной информации местных СМИ и последующим обсуждением текущих вопросов. Дипломатов, включая военный атташат и другие службы, оказалось так много, что они не умещались в довольно просторном посольском кабинете. Пришлось сотрудников, занимающихся непрофильными, в большинстве своем техническими, вопросами, в дальнейшем от участия в таких совещаниях освободить.

Однокурсник Игорь Халевинский, оказавшийся руководителем офиса ООН в Белграде, чуть ли не через день после моего приезда стал возить меня по городу, показывать интересные, с его точки зрения, места, знакомить с людьми. Первые контакты с местными жителями у меня состоялись благодаря ему, и некоторые из них я сохраняю до сих пор. Игорь, в силу своего положения общавшийся по большей части с западниками, показал мне популярный у них белградский «андерграунд» - какие-то подвалы с диссидентствующими сербскими музыкантами и художниками, где он с западными коллегами коротал время во время бомбардировок. Настоящих сербов уже показывал ему я, когда стал встречаться со своими знакомыми, в том числе по Алжиру, и ездить по стране.

Руководители различных подразделений и служб (торгпред, военный атташе и др.) организовали в выходные выезды в какие-то популярные места за городом, где впоследствии я так больше и не побывал. В целом эти встречи, в том числе и у некоторых из них дома, позволили мне достаточно быстро составить представление об окружающих меня людях и взаимоотношениях между ними.

На начальном этапе моего пребывания в Белграде главным было подготовиться к вручению верительных грамот. Слободан Милошевич, находившийся под большим прессингом со стороны США и их западных союзников, был крайне заинтересован в скорейшей «легализации» российского посла, рассчитывая на то, что это расширит его возможности для политического маневра. Было ясно, что затягивать с церемонией вручения верительных грамот югославы не будут.

Еще перед отъездом из Москвы я поставил перед руководством 3-го ЕД вопрос о желательности заблаговременной подготовки моего выступления на вручении верительных грамот, сославшись на то, что к нему, несомненно, будет приковано повышенное внимание, в том числе западников, а я пока всеми нюансами наших подходов не владею. Мне, однако, ответили, что специалисты в посольстве очень квалифицированные и способны самостоятельно подготовить все, что требуется. Действительно, проект выступления, который мне подготовил советник-посланник Я.Ф.Герасимов вместе с другими дипломатами, мне понравился. Он вполне подходил для выступления перед югославским руководством, но как отреагируют наши «западные партнеры», которым наш позитивный настрой может не очень понравиться? Меня, впрочем, заверили, что все формулировки выверены и уже не раз использовались.

Свое выступление при вручении верительных грамот я решил сделать на сербском языке, полагая, что это сразу же создаст нужную мне атмосферу. Советник по культуре посольства О.Е.Булдаков, считавшийся самым грамотным знатоком литературного сербского языка, перевел и отпечатал подготовленный текст и расставил все необходимые ударения. Я же несколько раз прочел его вслух, чтобы потом где-нибудь невзначай не споткнуться. Сербского я еще не знал и сербских собеседников почти не понимал, несмотря на занятия с самоучителем в Алжире. Любой наш сотрудник, что-то произносивший по-сербски, казался мне корифеем. Лишь месяцев через восемь я вдруг обнаружил, что нередко даже те, кто провел в Югославии лет 20 и ни одного другого языка толком не знал, постоянно делают, говоря по-сербски, элементарные грамматические ошибки, понимают «через пятое на десятое», да и произношение у них, мягко говоря, далеко от идеального. Но читать вслух по-сербски я уже научился и делал это вполне сносно, хотя произношение получалось скорее чешское.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С МИЛОШЕВИЧЕМ

Нередко послы ожидают вручения верительных грамот месяцами, их по приезде накапливают группами и принимают коллективно. Но для российского посла руководство СРЮ сделало исключение. Мое ожидание продлилось всего неделю - в пятницу

13 апреля 2000 года меня пригласили к Президенту Союзной Республики Югославии для вручения верительных грамот. Накануне в соответствии с протоколом я вручил копии своих верительных грамот министру иностранных дел СРЮ Живадину Йовановичу. В порядке очередности передо мной верительные грамоты должен был вручать посол Австралии, прибывший в Белград несколько раньше, однако вопреки протокольной практике российского посла пропустили вперед. Впрочем, на наши отношения с австралийцем это не повлияло, он в целом всегда проявлял доброжелательность.

Церемония вручения верительных грамот в Белграде в целом соответствует международной практике. За мной приехала машина с протокольщиками и повезла в Президентский дворец. Туда же поехали старшие дипломаты посольства. В помещении было много журналистов, телевизионщиков.

Президента Слободана Милошевича сопровождал уже знакомый мне министр иностранных дел Ж.Йованович. Президент принял мои верительные грамоты и внимательно выслушал мою речь, которая, судя по всему, ему понравилась. Решив, что я достаточно прилично говорю по-сербски, он предложил пройти с ним для последующей беседы без переводчика. Моя попытка объяснить, что сербский я только начал изучать, Милошевича не смутила, и он

настоял на своем. Думаю, он просто хотел переговорить с новым послом напрямую, без лишних глаз и ушей, чтобы составить о нем собственное представление. Русского языка он, в отличие от своего брата Братислава, не знал совсем, зато отлично говорил по-английски, как и присутствовавший на беседе Ж.Йованович.

Встреча наша была довольно продолжительной. Я, опираясь на полученные в Москве рекомендации, вкратце изложил российские подходы к ситуации в регионе и к развитию сотрудничества с СРЮ. Но больше говорил С.Милошевич, который дал развернутую характеристику экономической и внутривластной обстановки в стране, высказал свою оценку действиям США, подчеркнул важность роли России. По существу, он изложил для передачи российскому руководству свое видение развития обстановки в мире и вокруг Югославии.

Мой собеседник подчеркнул, что, несмотря на санкции и разрушения, вызванные натовскими бомбардировками, промышленное производство в стране в последнее время заметно выросло, стабильным оставался выпуск сельскохозяйственной продукции, на который не повлияла даже военная обстановка. СРЮ, по данным ООН, - единственная страна региона, не сократившая сельскохозяйственного производства и обеспечивающая продуктами питания не только себя, но и производящая их на экспорт. Те, кто предсказывал стране коллапс уже этой зимой, посрамлены. Население не умирало от голода и не погибало от холода, как они рассчитывали.

Политически, по словам Милошевича, все патриотические партии сплотились - от правых до левых: Сербская радикальная партия, Социалистическая партия Сербии, Югославские левые. Абсолютное большинство в парламенте составляют сторонники режима. Они - гаранты стабильности. Оппозиция способна лишь на то, чтобы «пошуметь». Президент критически отозвался о «демократической оппозиции», которая, по его словам, является «пятой колонной» и «служит одному хозяину». Некоторые лидеры оппозиции, так называемые «друзья НАТО», в период натовского нападения призывали Запад бомбить свою страну. Они находятся на содержании у американцев, и те публично это признают. В связи с запланированным оппозицией в скором будущем «митингом протеста» в Белграде собеседник высказал мнение, что его организаторы явно не чувствуют себя готовыми к такой акции и идут на

нее без энтузиазма, но им необходимо отработать деньги, полученные от американцев. Никаких серьезных последствий демонстрации не будет.

Определенные силы, по словам Милошевича, хотели бы поставить к власти в Югославии своих марионеток, но это у них не получится. Они сделали это в Болгарии, где власти сдались под воздействием немногочисленных демонстраций, насадили марионеточный режим в Румынии. Не успев получить государственности, утратила свою самостоятельность и Македония, с руководством которой никто не считается. Однако никакой пользы народам этих стран, несмотря на обещания, американцы не принесли. Уровень жизни в Югославии, несмотря на годы войны, санкций и блокады, в разы выше насажденного там «американского рая».

Югославский президент подчеркнул, что рассчитывает на укрепление политических связей с Россией. Он убежден, что В.В.Путин является патриотом России, что его приоритет - сохранение российских интересов, недопущение сдачи позиций американцам. Это хорошая основа для взаимодействия. Югославия - естественный союзник России в Европе. Она и была атакована, чтобы создать американцам плацдарм для продвижения на Восток. «Нам необходимо понимать друг друга и как можно теснее сотрудничать - это в интересах обеих стран», - заявил Милошевич. Те силы, что выступают с нападками на Россию, поддерживают и оппозицию в Югославии. Косово и Чечня - звенья одной цепи. Сейчас реализуется политика разобщения славянских народов. В то время как на Западе осуществляется объединение Германии, на Востоке идет раздробление славян, будь то Югославия, Чехословакия, Советский Союз. Стратегическая линия - всех разделить и сравить друг с другом, а затем вмешаться и установить свой порядок. Это стратегия неокOLONИализма. Американцы стремятся также столкнуть между собой славянские и мусульманские народы, добиться, чтобы славяне и мусульмане убивали друг друга.

Сотрудничество с неокOLONИзаторами, потворство им на пользу не пойдут. Единственный принцип, который движет ими, - их собственный интерес. Любые уступки они воспринимают как проявление слабости. Колонизаторы никогда не способствовали процветанию колонизуемых. Из России в последние годы выкачива-

ли сотни миллиардов долларов, а теперь в качестве финансовой помощи сулят крохи из награбленного, причем под большой процент. Цель колонизаторов - раздробить Россию на множество государственных образований. В России, как и в Сербии, есть своя «пятая колонна», с ней надо быть осторожным.

Несмотря на имеющиеся подчас различия в подходах, сербы, по словам Милошевича, испытывали и испытывают братские чувства в отношении России, и это было даже в периоды охлаждения отношений, например в 1948 году.

Югославия заинтересована в успешном развитии экономического сотрудничества между двумя странами, в том, чтобы экспортировать в Россию свои товары. Важно, чтобы оно учитывало взаимные интересы. Хорошим импульсом для взаимной торговли стало бы, по мнению президента, скорейшее подписание уже подготовленного Соглашения о свободной торговле. Он заявил о готовности СРЮ дать возможность российским организациям приобретать акции югославских предприятий. Определенный интерес в этом уже проявляет «Лукойл». Югославские предприниматели, в свою очередь, активно работают в России.

Милошевич посоветовал мне активнее ездить по стране, знакомиться с промышленными и сельскохозяйственными объектами, больше посещать предприятий, как государственных, так и частных. Российский посол, по его словам, мог бы сыграть важную роль в установлении взаимовыгодных партнерских связей между предприятиями двух стран. Этот совет, кстати, я взял на вооружение и использовал в дальнейшем любую возможность для поездок по стране и посещения различных предприятий, особенно тех, которые могли представлять интерес для нашего сотрудничества.

Встреча российского посла со Слободаном Милошевичем вызвала, судя по всему, повышенный интерес не только в Югославии, но и на Западе. Уже на следующее утро в посольство стали звонить из Москвы и со ссылкой на министра требовать немедленно представить подробный доклад о содержании беседы, а заодно и выслать текст моего выступления на русском языке. Как я понял, И.С.Иванова «достали» западные партнеры, которых насторожили публикации в белградской печати под заголовками «Стратегическое партнерство с Россией», и они высказали по этому поводу свое неодобрение. Впрочем, развития эта тема тогда не получила.

Ваше Превосходительство,

Следя политике укрепления сотрудничества между народами и желая способствовать развитию дружественных отношений между Российской Федерацией и Соединенной Республикой Югославией, я решил аккредитовать при Вас, Ваше Превосходительство, гражданина Валерия Евгеньевича Егошкина в качестве своего Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Аккредитуя гражданина Валерия Евгеньевича Егошкина настоящей грамотой, прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять его с благосклонностью и верить всему тому, что он будет иметь честь излагать Вам от моего имени и от имени Правительства Российской Федерации.

В. Путин

Москва, Кремль

"3" февраля 2000 года

Сергей И. Лавров
Министр Иностранных Дел
Российской Федерации

БЕСЕДЫ ПО ЧЕРНОГОРИИ

После вручения верительных грамот я активно приступил к нанесению протокольных визитов членам правительства, парламента, руководителям политических партий, входящих в парламентское большинство, коллегам по дипкорпусу. В числе первых стал председателем правительства СРЮ Момир Булатович, представлявший в федеральных органах власти Черногорию. С ним я встретился уже через пять дней - 19 апреля.

По оценке премьера, социально-экономическая обстановка в стране продолжает оставаться сложной, особенно после недавнего решения Совета министров ЕС о введении дополнительных финансовых санкций против Югославии. Это, по сути дела, полная торгово-экономическая блокада, поскольку теперь ни одна легально работающая в СРЮ фирма (то есть уплачивающая налоги государству) не сможет иметь дело с западными партнерами. Контрастом на этом фоне выглядят отношения с Россией, имеющие исключительно важное значение для стабилизации обстановки в Югославии. В ходе недавнего визита в Москву югославской финансовой делегации удалось найти с Центробанком России способы смягчения последствий новых санкций ЕС.

Интересны были высказывания М.Булатовича по обстановке в родной ему Черногории. Режим М.Джукановича, по его словам, держится только благодаря массивной политической и материальной поддержке Запада. Он вынужден играть отведенную ему роль из-за наличия у западников обширного досье по его криминальному бизнесу, в частности по организации широкомащтабной контрабанды сигарет. Черногория фактически сейчас превращается в инструмент западной политики, направленной против Белграда. Однако черногорское руководство не располагает потенциалом, достаточным для дестабилизации ситуации в Сербии. Оно способно лишь вызвать раскол черногорского общества, чреватый тяжелыми последствиями прежде всего для черногорцев.

Характерно, что еще через пять дней, 24 апреля, я был в Подгорице и беседовал с черногорскими руководителями - Президентом М.Джукановичем, премьер-министром Ф.Вуяновичем, председателем парламента С.Маровичем, министром иностранных дел Б.Луковцом, а также министром культуры Р.Лубуричем.

Изложил наши принципиальные подходы к урегулированию между Белградом и Подгорицей, подчеркнув заинтересованность России в сохранении территориальной целостности СРЮ. Отметил, что существующие противоречия следовало бы решать демократическим путем, без резких непродуманных шагов, способных привести к расколу страны, в чем, безусловно, не заинтересованы ни сербский, ни черногорский народы.

Черногорские руководители главную ответственность за разлад в федерации, да и вообще за бедственное положение, в котором находится сейчас Югославия, естественно, возложили на официальный Белград. По словам Президента М.Джукановича, они как раз и «прилагают значительные усилия», чтобы не допустить раскола Югославии, но для этого необходимо обеспечить подлинное равноправие субъектов федерации, проводить политику демократических реформ и быть открытым по отношению к международному сообществу. Эти требования были сформированы Черногорией еще прошлым летом в так называемой Платформе по переустройству федерации, однако Белградом они игнорируются, что усугубляет накопившиеся проблемы. Дальнейшее развитие ситуации в черногорско-сербских отношениях М.Джуканович поставил в зависимость от подходов югославских властей. Он высказал также надежду на понимание и поддержку с российской стороны стремления Черногории наладить собственные контакты с внешним миром, в том числе ее участия в программах Пакта стабильности для ЮВА. Такая активность, уверял он, не имеет «сепаратистской» направленности, а призвана лишь облегчить бремя санкций.

Премьер-министр Ф.Вуянович, подтвердив приверженность руководства Черногории югославской идее, обвинил Слободана Милошевича в стремлении «задавить» республику путем односторонних экономических санкций, блокировав торговый и платежный оборот с Сербией. Черногорцы не принимают ответных мер, сознавая их пагубность для единого рынка и союза в целом. Они готовы к переговорам, но позитивного отклика на черногорские инициативы из Белграда не поступает, и уже почти 60% населения начинает склоняться в пользу самостоятельности. Ф.Вуянович считал бы полезным, если бы «Россия и Китай, к мнению которых в Белграде прислушиваются, могли подтолкнуть белградские власти к откровенному диалогу с черногорским руководством».

Председатель парламента С.Марович высказал мнение, что будущее федерации во многом зависит от динамики политических процессов внутри Сербии. Реальных сдвигов там можно было бы ожидать от демократических выборов на всех уровнях, в результате которых к власти бы пришла оппозиция, которая способна победить лишь при условии сохранения своего единства. Черногорцы против новых разделов и конфликтов, однако сохраняющиеся в отношении СРЮ международные санкции ведут к дальнейшему обнищанию народа и государства и все больше подталкивают их к самостоятельному поиску путей выхода из нынешнего тяжелого положения. Россия, как убежден собеседник, способна реально помочь Подгорице «навести мосты» с Белградом, который с явной антипатией относится к ультимативным «советам» на этот счет из западных столиц, но не смог бы просто «отмахнуться от Москвы».

Мининдел Б.Луковац еще жестче указывал на необходимость «строительства принципиально новой федерации», основанной на равноправии и свободном волеизъявлении республик. Он назвал ошибкой то, что при создании в 1992 году СРЮ в основу государственного устройства была заложена выгодная Белграду «централистская концепция». Черногория не согласна на «принудительный союз» с Сербией и не хочет оставаться «заложницей традиций». В Подгорице, по его словам, готовы вести переговоры на основе разработанной Платформы по переустройству отношений и с действующими сербско-югославскими властями, исходя из того, что дело самих сербов определять, кто должен управлять ими.

Черногорские руководители высказали признательность за полученную в рамках госкредита технику для горнодобывающей отрасли и за предстоящие поставки оборудования для электрохозяйства. Они заявили о намерении активнее задействовать имеющийся потенциал экономического сотрудничества с Россией, в том числе в области туризма. Обсуждался и вопрос скорейшего завершения процесса передачи в российскую собственность на безвозмездной основе здания для генконсульства в Подгорице. Первоначально черногорское руководство хотело привязать эту передачу к нашему отказу на права на здание бывшего посольства Российской империи в Цетинье, где последние годы размещалась Школа изобразительных искусств, однако впоследствии приняло решение об одностороннем предоставлении России необходимого строения.

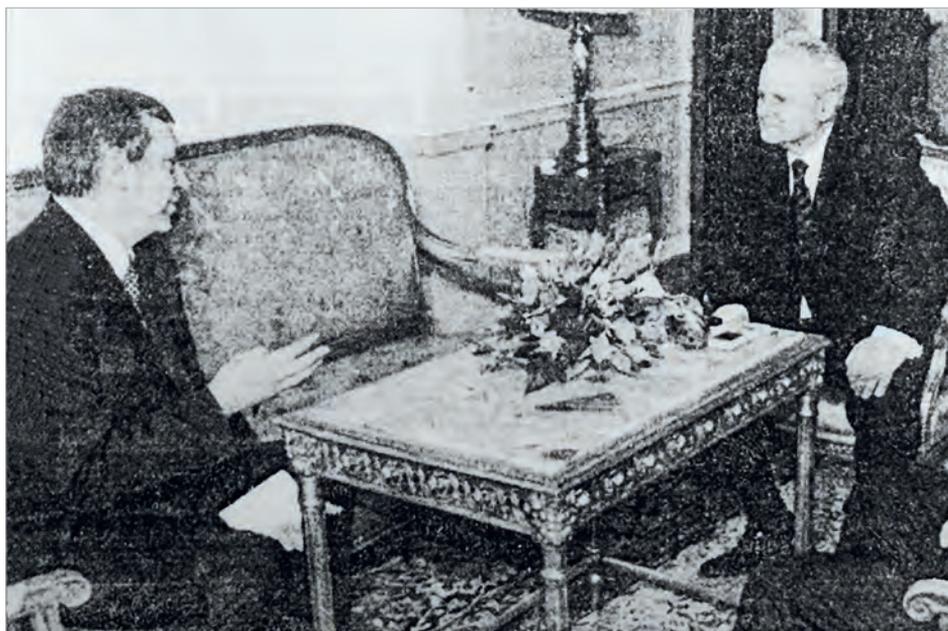
ВСТРЕЧА С ПАТРИАРХОМ ПАВЛЕ

Вернувшись из Черногории, 3 мая я посетил с протокольным визитом главу Сербской православной церкви Патриарха Сербского Павле. Надо сказать, что в ходе беседы с С.Милошевичем 13 апреля я упомянул о своем намерении нанести визит патриарху по поручению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Тот тепло отозвался о главе Российской православной церкви, пользуемся, по его словам, большим уважением в Югославии и воспринимаемым как искренний друг сербов.

Остановившись на отношениях с Сербской православной церковью, президент отметил тогда, что, хотя сам патриарх Павле «человек слабый и поддающийся влиянию», в Священном синоде у властей сейчас большинство. Среди иерархов церкви немало достойных людей, в числе которых, в частности, епископ Иринея из города Нови Сад, владеющий многими языками и отвечающий за межцерковные связи. Однако есть в их числе, по словам С.Милошевича, и люди «недостойные», хотя они и исключение. Он обрушился при этом на косовского епископа Артемия, который-де «заискивает перед американцами» и «ведет себя постыдно». Даже в Грачанице, где он находится, епископ не пользуется доверием сербов, которые в Косове все поддерживают правительство СРЮ.

Патриарх - маленький, сухонький, почти невесомый встретил меня радушно. Сербь рассказывали, что он постоянно молится, практически ничего не ест, но всегда бодр. Передал ему личное послание Патриарха Московского и всея Руси и его подарок - фарфоровое блюдо с росписями, посвященными 2000-летию Рождества Христова.

Глава СПЦ просил поблагодарить от его имени Алексия II за оказанное внимание. Между двумя патриархиями, по его словам, сложились тесные связи, которые в период югославского кризиса приобрели особое качество. Павле высоко оценил помощь, оказываемую Россией и РПЦ в преодолении переживаемых Сербией и Югославией трудностей, прежде всего внешней изоляции и «культивируемого на Западе антисербского настроения». Развернутая против Белграда массивная пропаганда, по мнению патриарха, имеет целью навязать в разрешении «югославских» проблем

двойные стандарты, по сути, взвалив всю вину за конфликты последних лет исключительно на сербский народ. Такой односторонний подход неприемлем, хотя «никто не отрицает, что конкретные преступники могут иметь любую национальность».

Остановившись на положении в Косове, собеседник подчеркнул, что предвзятость политики США и Евросоюза способствовала созданию там для сербов бедственной ситуации. После размещения в Косове международных присутствий этнически мотивированные репрессии в отношении неалбанцев только усилились, из-за чего до 70% сербских жителей были либо изгнаны оттуда, либо стали жертвами убийств и похищений. Албанские экстремисты продолжают методично разрушать православные храмы, за последние десять месяцев взорвано свыше 80 церквей. Если не будут приняты адекватные меры, Косово скоро станет этнически чистым - албанским.

Сербская православная церковь, подчеркнул патриарх, и впредь будет занимать активную позицию в преодолении стоящих перед обществом проблем, призывая при этом сограждан «не поддаваться на провокации и не отвечать злом на зло», и рассчитывает на дружескую помощь России и РПЦ.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

С первых же дней пребывания в Белграде у меня возникло множество неформальных контактов с сербами, что позволило довольно быстро ощутить атмосферу страны и «проникнуть в душу народа». Прежде всего это были родственники и друзья моего коллеги по Алжиру Йована Дашича - его сын Владимир, приезжавший со старшей сестрой, один из бывших коллег Йована по работе в правительстве, трудившийся в секретариате премьер-министра, молодой предприниматель Тодор, приезжавший когда-то к Дашичам в Алжир.

Тодор - симпатичный и очень деятельный молодой человек, женатый и имевший двоих детей, проявлял наибольшую активность. Он занимался разнообразным бизнесом, в том числе в Черногории, - обработкой и сбытом трепангов, изготовлением вяленой ветчины, образцы которой привозил даже в Алжир, и чем-то еще, знал всех и везде имел хорошие контакты, в чем я не раз имел возможность убедиться.

Установление таких неформальных и ни к чему, казалось бы, не обязывающих связей с самыми разнообразными людьми на начальном этапе моего пребывания в Белграде было чрезвычайно полезным. Новые знакомые показывали мне не только город и его окрестности, но и сербскую глубинку, места, куда иностранцам обычно доступа нет. Я побывал с ними в неприметных ресторанчиках «для своих», посещал какие-то мелкие предприятия и мастерские в провинции, бывал гостем их родителей в глухой деревне, где меня радушно угощали деревенской пищей и собственной ракией. Узнал, что практически каждый горожанин имеет глубокие корни в сельской местности, даже важные политические персоны.

Хотя большинство моих собеседников практически не знали ни английского, ни русского, а мой сербский оставлял желать в тот период лучшего, наше общение было интенсивным и польза от него для меня была огромной. Мои сербские друзья помогали мне не только находить оптимальное решение бытовых проблем, которых в тот период в Белграде было предостаточно, но и содействовали организации контактов любого уровня, подключались даже к обеспечению пребывания как в Сербии, так и Черногории наших официальных делегаций. Получалось это всегда тепло и неформально.

Убежден, что профессиональный дипломат, и особенно посол, не может быть успешным, если ему не удалось создать устойчи-

вых личных отношений в стране пребывания. Конечно, доверительные контакты в высших эшелонах власти в профессиональном плане идеальны, однако злоупотреблять ими, «дергая» официальное лицо по мелочам, никак нельзя, можно их лишиться. Нужны и связи другого уровня, основанные на каком-то схожем интересе - культурном, спортивном, идеологическом, религиозном, коммерческом и т. п.

Российский дипломат, особенно в такой исторически близкой нам стране, как Сербия, всегда может быть интересен местным жителям, а знакомство с ним для многих даже престижно. Конечно, необходимо отсекай «накись», разных проходимцев, которые тянутся к тебе исключительно из корыстных побуждений, но не следует отталкивать тех, кто может быть полезен, как у нас это подчас делается.

Один из моих первых знакомцев - черногорец Саша, от которого наши старшие дипломаты упорно отворачивались, он им казался чересчур навязчивым с проявлением своих симпатий к России. В разгар антиправительственных выступлений 5-6 октября 2000 года он буквально «за ручку» провел меня через беснующиеся толпы в штаб оппозиции, где я ночью переговорил со всеми ее лидерами, включая Джинджича и Коштуницу, обеспечив прилет в Белград через пять часов нашего министра И.С.Иванова.

Саша же через несколько месяцев в ходе нашего воскресного неформального выезда в курортный Златибор проинформировал меня о начавшейся в Белграде силовой операции по захвату С.Милошевича, о чем с места событий по мобильному ему сообщили друзья. Никто в нашем посольстве об этом и не подозревал. В этот момент все компетентные руководители отмечали какой-то юбилей в ресторане и заверили меня, что ничего не происходит. Находясь в сотнях километрах от столицы, я тем не менее сумел в деталях проинформировать вдруг позвонившего мне А.А.Авдеева, узнавшего о происходящем из новостных лент.

Ежедневные интенсивные контакты с местными жителями требовали скорейшего освоения сербского языка. С первых дней пребывания в Белграде я стал подыскивать преподавателя. В посольство лет 20 приходила дама, занимавшаяся обучением сотрудников языку. Некоторые из числа молодежи с ее помощью его даже освоили. Но в последние годы она больше специализировалась на том, что организовывала выезды посольских женщин на шопинг.

Знающие сотрудники утверждали, что дама - чуть ли не полковник местных спецслужб и в делах преподавания не слишком компетентна, и порекомендовали мне элегантную молодую женщину с модельной внешностью и какой-то изысканной манерой поведения - Татьяну Дяклеву, у которой была отработанная и уже проверенная на наших дипломатах среднего возраста система преподавания сербского русским и русского сербам. Основное внимание в ней уделялось тому, что в обоих языках совпадает и в чем принципиальные различия. Сама Татьяна русский знала с детства - жила с родителями в Москве, где те работали в какой-то югославской фирме, ходила в московскую школу, а затем закончила филфак Белградского университета. Ее русский был безукоризнен, хотя неуловимый, но совсем не типично сербский акцент проскальзывал.

Мой тогдашний возраст (ближе к 60), казалось бы, не слишком располагал к освоению нового языка, однако считается, что, если знаешь три иностранных языка, следующий выучить значительно легче. В моем активе на тот момент было пять языков, считая и алжирский диалект, на котором я до сих пор могу что-то сказать, причем с тремя языками многие годы достаточно успешно приходилось переводить на высшем уровне. Это внушало надежду. Несмотря на естественную для руководителя заграничного учреждения загрузку, я пытался заниматься сербским регулярно, пил с Татьяной в одной из приемных посольства чай и послушно штудировал то, чему она пыталась меня научить. До письма дело толком не доходило, но основные правила грамматики, чтение, разговорную речь я освоил.

Как мне предсказывали, через шесть месяцев не слишком все-таки регулярных занятий я уже мог не только говорить, но даже дал свое первое интервью сербскому телевидению (телестудии г. Нови Сад), а еще через год чувствовал себя с сербским абсолютно свободно, обладал огромным словарным запасом, мог практически без ошибок говорить на любую тему, произносить импровизированные речи, отвечать в прямом эфире на вопросы телезрителей и т. д. Любопытно, что случайные собеседники из числа сербов до сих пор за иностранца меня не принимают, воспринимая как местного - македонца. Небольшой акцент у меня все же есть.

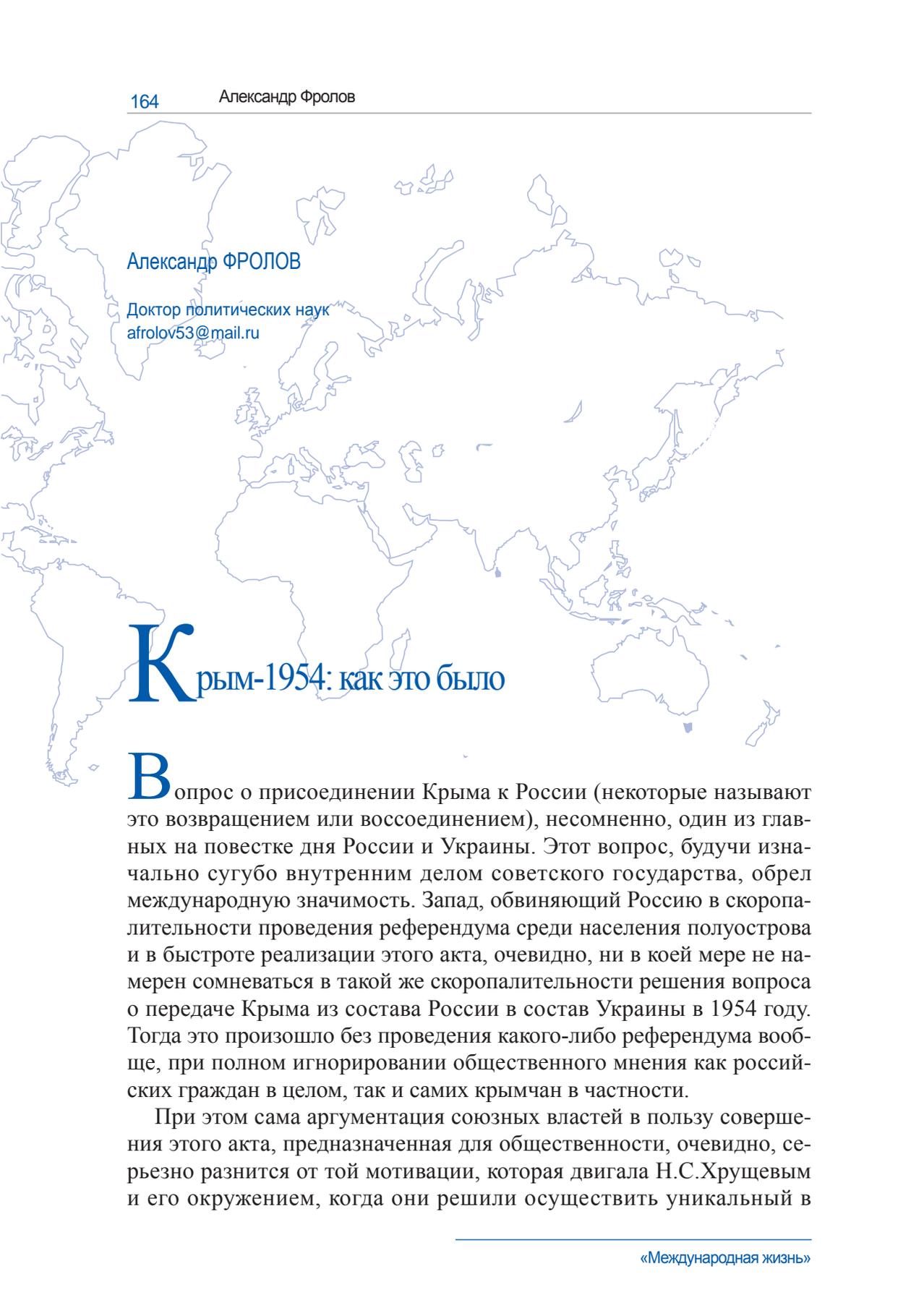
Татьяна Дяклева обучила сербскому и работавшего по линии ООН И.В.Халевинского, который, видимо, «устыдившись», что за пару лет жизни в Белграде по-сербски ничего не понимал, после-

довал примеру российского посла. Учила она и мою дочь, приехавшую в Белград в мае с трехмесячным сыном. Они стали подружками, нередко занимались языком в популярных белградских кафе. Дочь быстро выучила язык и органично вписалась в окружающую ее сербскую молодежную «тусовку».

Надо отметить, что, несмотря на, казалось бы, жесточайшую экономическую блокаду со стороны Запада, разрушения, причиненные недавними натовскими бомбардировками, десятки тысяч беженцев, постоянные проблемы, создаваемые американцами, пытавшимися разжечь этнические и религиозные конфликты в самой Сербии, жизнь в стране не остановилась. Люди отнюдь не умирали с голоду, все беженцы были размещены и обеспечены средствами к существованию, на улицах не толпились нищие, все промышленные предприятия работали, разрушения устранялись. Несмотря на санкции, машины обеспечивались бензином, никаких перебоев с продуктами питания не было, промышленных товаров в магазинах было достаточно, даже импортные вещи без труда можно было достать. Культурная жизнь бурлила - спектакли, выставки, концерты. И, как всегда, рестораны и кафе, которых множество, постоянно полны.

Не забуду, как приехал к нам из Брюсселя постпред Кисляк - нынешний посол в Вашингтоне. Мы с И.В.Халевинским повели его в очень популярный ресторан - огромный зал был «забит под завязку», негде яблоку упасть. Наш гость в полном недоумении крутил головой - натовские партнеры его перед вылетом в Белград уверяли, что благодаря их «умелым действиям» Югославия находится «при последнем издыхании», но то, что он увидел, явно не укладывалось в нарисованную ими апокалипсическую картину.

Ключевые слова: С.Милошевич, Черногория, Сербия, СРЮ.

Александр ФРОЛОВ

Доктор политических наук
afrolov53@mail.ru

Крым-1954: как это было

Вопрос о присоединении Крыма к России (некоторые называют это возвращением или воссоединением), несомненно, один из главных на повестке дня России и Украины. Этот вопрос, будучи изначально сугубо внутренним делом советского государства, обрел международную значимость. Запад, обвиняющий Россию в скоропалительности проведения референдума среди населения полуострова и в быстрой реализации этого акта, очевидно, ни в коей мере не намерен сомневаться в такой же скоропалительности решения вопроса о передаче Крыма из состава России в состав Украины в 1954 году. Тогда это произошло без проведения какого-либо референдума вообще, при полном игнорировании общественного мнения как российских граждан в целом, так и самих крымчан в частности.

При этом сама аргументация союзных властей в пользу совершения этого акта, предназначенная для общественности, очевидно, серьезно разнится от той мотивации, которая двигала Н.С.Хрущевым и его окружением, когда они решили осуществить уникальный в

истории государств мира дар части территории от одной союзной республики другой. Большинство исследователей вполне логично считают, что Хрущевым двигали сугубо политические причины. Достаточно вспомнить, что Хрущев и сблокировавшиеся вокруг него руководители партии сначала арестовали, а в декабре 1953 года казнили одного из своих главных соперников в борьбе за власть в стране - Л.П.Берию.

Позиции самого Н.Хрущева в Президиуме ЦК КПСС были недостаточно прочны, а такие фигуры, как В.Молотов, Г.Маленков, Л.Каганович и даже тот же самый герой недавней войны маршал Г.Жуков, были не менее популярными среди населения страны, среди коммунистов и, несомненно, весьма влиятельными в принятии политических и общеполитических решений. Каждый из них мог представлять собой альтернативу Н.Хрущеву как лидеру великой страны, который для собственного политического и даже физического выживания должен был по возможности скорее укрепить свою личную власть путем опоры на лояльных и подконтрольных ему лиц.

Сделать это можно было за счет усиления позиций в Президиуме ЦК КПСС представителей или выходцев из второй по значимости союзной республики, из Коммунистической партии Украины (КПУ). А ситуация там для Н.Хрущева была непростая: имея много сподвижников на Украине, в силу специфики своей деятельности бывший первый секретарь КПУ не мог рассчитывать на их полную лояльность.

Казалось бы, странным выглядит отсутствие апелляции со стороны устроителей акта к этническому фактору, который обычно ложится в обоснование всех переделов территорий. Это и понятно: если бы они к нему обратились, то тогда вряд ли стоило заводить разговор о передаче. На лето 1944 года (после освобождения Крыма от фашистских захватчиков и, очевидно, депортации крымско-татарского народа) население полуострова составляло 379 тыс. человек, из которых русские составляли 75%, украинцы - лишь 21%. С передачей Крыма в состав УССР ситуация коренным образом не изменилась: в 1959 году из 1 млн. 200 тыс. населения области русские составляли более 71%, украинцы - немногим более 22%¹.

Уже в силу этого акт передачи выглядит явно притянутым к иным соображениям. В советское время было просто не принято опираться на общественное мнение - соцопросы, тем более по

политическим темам, также не проводились. Технология принятия политических решений состояла в том, что зарождавшаяся сверху идея спускалась, как правило, в нижестоящие партийные и советские организации, и если она там не вызывала резкого отторжения, то получала поддержку или же такая поддержка инициировалась². На этой стадии вырабатывалась и необходимая аргументация для населения страны.

Такая система позволяла принимать коллективные решения, таким образом «растворяя» как инициаторов данного решения, так и простых исполнителей, сторонников, наблюдателей, что делало практически невозможным отыскать тех людей из числа руководителей, кто за таким коллективным решением непосредственно стоял. Эта же система скрывала истинную мотивацию принятия данного решения и последующий поиск ответственных, в случае если данное решение оказывалось явно ошибочным. Так, например, до сих пор не установлено, кто конкретно стал инициатором решения ввести войска в Афганистан. Данное положение применимо и к вопросу передачи Крыма Украине.

Кто-то из исследователей вопроса ссылается на то, что решение от 1954 года принималось с нарушениями процедуры³, что оно готовилось под сильным давлением увлекшегося этой идеей Н.Хрущева. Дело в том, что территория РСФСР не может быть изменена без согласия самой РСФСР - данное положение содержалось в ст. 16 ее Конституции. Это значит, что для принятия такого акта необходимо было прежде всего решение не только Президиума, но и самого Верховного Совета РСФСР⁴. Ссылки в документах Верховного Совета СССР на эти решения нет. Что же касается документов самого ВС СССР, то в ходе обсуждения данного вопроса упоминается лишь ссылка на обращение со стороны Президиума Верховного Совета РСФСР, без четких ссылок на решения самого Верховного Совета. В официальных документах Верховного Совета РСФСР, во всяком случае тех, что содержатся в Российской государственной библиотеке, обсуждение данной проблемы не отражено. Возможно, что такое обращение делалось под давлением сверху.

Политических причин передачи Крыма Украине упоминается несколько. Одной из не самых популярных версий передачи Крыма называется так называемая «кредитная история», связывающая РСФСР и американскую еврейскую организацию «Джойнт». Идея

о переселении евреев в Крым начала обсуждаться по окончании Гражданской войны среди руководства РКП(б) при ее поддержке зарубежными фондами. Назывались ее сторонники: Л.Троцкий, Л.Каменев, Г.Зиновьев, Н.Бухарин, А.Рыков⁵. Сообщалось о создании в Симферополе филиала банка «Агро-Джойнт», подготовке проекта о создании в северной части Крыма Еврейской автономной республики под красивым названием «Крымская Калифорния». Однако реализация решения затягивалась. Во время Тегеранской конференции Ф.Рузвельт напомнил И.Сталину о данных обязательствах, а депортацию татар в 1944 году некоторые историки объяснили как освобождение Крыма для еврейских переселенцев⁶. И, дескать, когда подходил крайний срок расплаты по долгам, Хрущев сделал ход конем, отдав Крым Украине⁷.

Есть версия, касающаяся решения национальных проблем, или того, как они решались. В 1944 году из Крыма депортировали татар, а вместе с ними греков (около 15 тыс. чел.) и болгар (12,5 тыс.). Татар в основном выселили в Узбекистан, греков и болгар в Казахстан, другие республики Средней Азии и в отдельные области РСФСР. Но с этим выселением особенно пострадало сельское хозяйство полуострова. В 1950 году по сравнению с 1940 годом производство зерна упало почти в пять раз, втрое - табака, вдвое - овощей. Добровольно-принудительной украинизацией хотели закрыть эту проблему⁸. Но эта версия, скорее всего, может рассматриваться лишь как вспомогательная.

Существует также мнение о том, что акт передачи был приурочен к 300-летию воссоединения Украины с Россией и таким образом руководство страны решило отблагодарить Украину за эти три века «дружбы и любви» братских народов. Возможно, такой подход и имел бы какой-то смысл, но, по крайней мере по двум причинам, и эта версия является лишь вспомогательной. Во-первых, это событие лишь вскользь упоминалось во время исторического заседания Верховного Совета СССР, а, во-вторых, юбилеи из далекого до социалистического прошлого не особенно приветствовались советской властью.

Наиболее расхожей выглядит следующая версия: Н.Хрущев, придя к власти после смерти И.Сталина, начал готовить почву для развенчания культа личности и репрессий. Но, будучи первым секретарем ЦК КПУ в 1938-1947 годах, он сам принимал активное участие в репрессиях на Украине, в том числе работал в соста-

ве так называемой «тройки». И, чтобы в какой-то мере искупить вину перед Украиной и заручиться поддержкой украинской верхушки, придумал такой подарок. Видоизмененным вариантом этой версии является следующая: готовясь к захвату власти, он решил опереться на своих давних украинских соратников, подарив в качестве взятки лакомый полуостров⁹. Несомненным является одно - в 1954 году и в последующие годы Н.Хрущев всячески поддерживал выходцев из Украины, в частности тогдашнего руководителя КПУ А.И.Кириченко. Вскоре Н.Хрущев делает его членом Президиума ЦК КПСС. А.Кириченко впоследствии решительно поддержал Н.Хрущева в его борьбе с «антипартийной группировкой» Молотова - Маленкова - Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова. Сын Хрущева Сергей Никитович так коротко писал о А.Кириченко: «В те годы отец видел в Кириченко своего преданного сторонника и возлагал на него большие надежды»¹⁰.

Но как сын, С.Хрущев при оценке акта передачи Крыма в состав Украины не мог говорить о некоем «искуплении грехов», он ссылается на технические проблемы, якобы легшие в основу решения. В интервью Российскому телевидению по телемосту из США от 19 марта 2014 года он пояснил, что, по словам отца, данное решение было связано со строительством Северо-Крымского водоканала от Каховского водохранилища на Днестре и желательностью ведения и финансирования масштабных гидротехнических работ в рамках одной союзной республики.

Есть еще одна интересная деталь, на которую мало кто обращает внимание. Параллельно с передачей Крыма в состав Украины практически по всей стране был проведен целый ряд административно-территориальных преобразований в России, на Украине, в других республиках, не исключено, что для создания соответствующего фона - об этом судить историкам. Так, в частности, в РСФСР были образованы новые области - Липецкая, Каменская, Белгородская, Балашовская, Арзамасская и Магаданская. На Украине - Черкасская и Хмельницкая области (последняя в честь Б.Хмельницкого на месте Каменец-Подольской области), в Туркмении создали Красноводскую область. При этом ликвидировались Измаильская область УССР, пять областей Белоруссии, четыре области Литвы, Тбилисская и Кутаисская области Грузии под предлогом «улучшения управления народным хозяйством»¹¹. Примечательно то, что по всем этим административно-территориальным трансформациям не

было никаких парламентских слушаний, они были преподнесены собравшимся депутатам как свершившийся факт, а решения принимались директивно.

В такой ситуации, очевидно, вряд ли стоит называть одну единственную причину данного решения, скорее всего это был комплекс причин, не исключено, что вспомогательные причины были искусственно вплетены в канву основополагающей причины.

Итак, 25 апреля 1954 года состоялось Пятое утреннее заседание Совета Союза, на которое явилось практически все руководство Советского Союза, включая Н.Хрущева, Г.Маленкова, К.Ворошилова, Н.Булганина, Л.Кагановича, А.Микояна и другие лица. В ходе заседания Н.Хрущев выступил с большой речью, в которой коснулся в основном экономических вопросов, утверждения госбюджета, вскользь - международной ситуации и ни одного слова не сказал ни про Россию, ни про Украину или Крым.

После перерыва слово взял секретарь Президиума ВС СССР Н.М.Пегов и заявил, что Президиумы Верховных Советов РСФСР и Украинской ССР вошли в Президиум Верховного Совета СССР с совместным представлением о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел это представление и 19 февраля 1954 года принял Указ о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР¹².

Согласно Конституции СССР, как объяснил спикер союзного парламента, утверждение изменений границ между союзными республиками относится к ведению Верховного Совета СССР. Руководствуясь этим, Президиум Верховного Совета СССР вносит Указ о передаче Крымской области в состав Украинской ССР на утверждение Верховного Совета СССР.

По словам Н.Пегова, Президиум ВС СССР учитывал общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР. «Как известно, - продолжал он, - Крымская область не имеет общих границ с другими областями РСФСР, а непосредственно примыкает к Украинской республике, является продолжением южных степей Украины, составляя вместе с ними единую территорию этого района. Географическое положение Крыма в значительной степени обуславливает сходство экономики Крымской области с экономикой южных районов Украины. В непосредственной связи с экономическим развитием Украины росло и крепло хозяйство Крымской об-

ласти, которое получит дополнительные экономические возможности для своего развития при включении Крымской области в состав Украинской ССР. Таким образом, по территориальным и экономическим соображениям передача Крымской области в состав Украинской республики является вполне целесообразной»¹³. При этом секретарь Президиума ВС СССР назвал этот акт «свидетельством безграничного доверия и любви русского народа к украинскому народу, наглядным доказательством братских отношений, сложившихся между народами нашей страны»¹⁴.

Однако выступающий обошел вопрос о том, как отнестся к данному акту парламент России - Верховный Совет РСФСР, сухо констатируя, что Конституцией СССР установлено, что «территория союзных республик не может быть изменена без их согласия. В этом положении Конституции выражена суверенность советских социалистических республик, их государственная самостоятельность»¹⁵.

Далее секретарь Президиума ВС СССР подвел историческую базу под данное решение, сославшись на то, что оно принято в знаменательные дни 300-летия воссоединения Украины с Россией, и выразил глубокую уверенность в том, что этот указ встретит единодушное одобрение депутатов Верховного Совета СССР¹⁶. Еще один тезис секретаря Президиума заслуживает внимания. «Такой дружественный акт, - говорил он, - может быть совершен только в условиях нерушимого единства и дружбы народов СССР. Коммунистическая партия сплотила все народы нашей страны в единую, неразрывную семью, где нет и не может быть места каким-либо территориальным притязаниям, желанию поживиться за счет другого, где все вопросы, в том числе и территориальные, решаются в духе подлинного равноправия, взаимного доверия и братского сотрудничества»¹⁷.

В последовавших прениях слово от Москворецкого избирательного округа города Москвы взял депутат М.А.Яснов (в 1956 г. назначенный председателем Совета Министров РСФСР), который в значительной степени повторил аргументы предыдущего оратора относительно исторического и экономического значения этого акта и, помимо общих фраз, не добавил ничего существенного. «По своему экономическому положению Крымская область занимает видное место в народном хозяйстве нашей страны как область развитой металлургической, пищевой промышленности и виноградарства. Как известно, Крым является первоклассной здравницей мирового уровня», - сказал он¹⁸.

Ссылки депутата на выполнение некоторых совместных оборонительных задач весьма условно можно назвать веской аргументацией в пользу принятия данного акта: «Для Советского государства Крымская область имеет важное значение. Враги нашей Родины не раз пытались захватить Крымский полуостров и использовать его для разбойничьих набегов на русские и украинские земли. Но эти попытки врагов захватить Крым разбивались о стойкость и мужество, проявляемые русским, украинским и другими народами нашей страны в совместной борьбе за независимость нашей Родины»¹⁹. «Братский союз и дружба русского и украинского народов и народов всей нашей страны крепили и закалялись в Великой Октябрьской социалистической революции, в огне Гражданской войны, в совместном созидательном труде в процессе социалистического строительства, в исторических битвах Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков»²⁰ - довод не очень убедительный в пользу принимаемого решения.

Правда, при этом М.Яснов сослался и на некое народное мнение, сообщив, что «исторический акт передачи Крымской области в состав Украинской Советской Социалистической Республики встречен единодушным одобрением всего советского народа. В этом акте трудящиеся нашей страны видят новое яркое проявление ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии и Советского Правительства»²¹.

С украинской стороны слово было предоставлено депутату от Тульчинского избирательного округа Н.П.Бажану - народному поэту Украины, известному общественному деятелю, являвшемуся главным редактором Украинской советской энциклопедии. По его словам, «с величайшей радостью и благодарностью воспринял весь украинский народ Указ Президиума Верховного Совета СССР... Украинский народ глубоко ценит безграничное доверие и любовь русского народа к народу украинскому, доверие и любовь, которые утверждались на протяжении веков совместной жизни и борьбы и которые снова так ярко выражены в акте передачи Украине одной из ценнейших и красивейших областей России...

Бережно и любовно будет хранить украинский народ славные исторические традиции Крыма. Русские воины покрыли себя неувядаемой славой на крымской земле, очищая ее от разбойничьих гнезд, с которых в прошлом не раз срывались хищники, нападавшие на русские и украинские города и села. Не раз пытались враги овла-

деть Крымом для своих кровавых, захватнических целей. Русское оружие било всех этих врагов, и холмы вокруг Севастополя видели их гибель и их позор. Город русской славы, город отважных русских воинов-мореходов - Севастополь был, есть и будет символом немеркнущих героических традиций и для русского человека, и для украинца, и для всех советских людей»²².

«Та земля, которую воспел Пушкин, - продолжал украинский поэт, - на которой жил Чехов, о которой писали Леся Украинка и Коцюбинский, - она будет землей цветущей культуры русской и культуры украинской, имеющей, как и культуры всех братских народов, залогом своего дальнейшего, еще более пышного развития несокрушимую благотворную связь и единение с великой культурой русского народа»²³.

Вместе с тем он подчеркнул важное сельскохозяйственное значение Крыма, способного внести достойный вклад «во всенародное дело создания в нашей стране обилия, в дело все более полного удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей социалистического общества»²⁴. Второе направление развития Крыма, по его словам, - это здравницы всесоюзного и мирового значения на основе выделения бюджетных средств. Н.Бажан также отметил, что «замечательный акт передачи Крымской области из состава Российской Федерации в состав Украинской ССР произошел в дни, когда народы нашей страны отмечают как свой светлый всенародный праздник, 300-летие воссоединения Украины с Россией... Это праздник чувства глубочайшей любви к русскому народу, чувства, которым преисполнены сердца всех народов-братьев... Украинский народ радуется и благодарит своего великого брата»²⁵.

Других выступающих по данному вопросу не нашлось, после чего Закон о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР был поставлен на голосование, которое прошло единогласно в пользу его утверждения в следующей редакции:

Закон о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

2. Внести соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР.

В поддержку решения, за которое Н.С.Хрущев и его окружение подвергались атакам критики со стороны представителей России, можно привести только одно обстоятельство: только в страшном сне эти люди могли представить распад руководимого ими могущественного Советского Союза и обретение внутренними территориальными границами статуса межгосударственных.

В заключение, очевидно, следует отметить, что Россия, апеллируя к историческим, этническим и иным корням крымского вопроса, склонна считать акт 1954 года как поспешный, принятый в угоду узким политическим соображениям и не соответствующий даже советским процедурам, не говоря уже о международно-правовых актах. Украина, со своей стороны, считает передачу ей Крыма раз и навсегда свершившимся фактом, не подлежащим пересмотру. Мировое сообщество в этой связи даже с нормативно-правовой точки зрения находится в непростой ситуации между неделимостью границ государств и свободой выбора народа своей собственной судьбы.

В мире существует много разделенных народов. Например, провинция Хузестан в Иране, населенная этническими арабами, или Иранский Азербайджан, население которого даже больше, нежели население Азербайджанской Республики. Есть провинция Воеводина в Сербии, населенная венграми, франкофонная провинция Квебек в Канаде. И эти народы, говорящие на отличном от большинства населения языке, верой и правдой служили своему государству. Арабские граждане Ирана в 1980-х годах воевали на фронте против иракских арабов. И ни одно из вышеупомянутых государств даже не пыталось объявить право этих народов говорить и использовать свой родной язык незаконным. Украинское руководство решило сделать такое исключение для русскоговорящего населения. Результат - налицо.

¹http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E0%F1%E5%EB%E5%ED%E8%E5_%CA%F0%FB%EC%E0

²Исследователь советской номенклатурной системы М.Восленский характеризует ее следующим образом: «Центрами принятия решений класса номенклатуры являются не Советы, столь щедро перечисленные в Конституции СССР, а органы, которые в ней не на-

званы. Это партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС. Они и только они принимали все до единого политические решения любого масштаба в СССР. Официальные же органы власти - лишь безжизненные луны, светящиеся отраженным светом этих звезд в системе класса номенклатуры» // Цит. по: http://bookap.info/upravlenie/chernyavskaya_psihologiya_gospodstva_i_podchineniya_hrestomatiya/gl28.shtm

³<http://argumentua.com/stati/peredacha-kryma-ukraine-v-1954-godu-mify-i-pravda>

⁴http://censor.net.ua/forum/404297/pravda_o_peredache_kryma_ukraine_v_dokumentah

⁵<http://russian7.ru/2014/02/7-faktov-o-peredache-kryma-ukraine/>

⁶Там же.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹http://kirimtatar.com/index.php?option=com_content&task=view&id=97&Itemid=378

¹⁰Хрущев С.Н. Рождение сверхдержавы: Книга об отце. М.: Время, 2000. С. 156.

¹¹Заседания Верховного Совета СССР. Четвертый созыв, первая сессия. 25 апреля 1954 г.: Стенографический отчет. М., 1954. С. 522-523.

¹²Там же. С. 516.

¹³Там же. С. 516-517.

¹⁴Там же. С. 517.

¹⁵Там же.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. С. 518.

¹⁹Там же.

²⁰Там же. С. 519.

²¹Там же.

²²Там же. С. 520.

²³Там же. С. 520-521.

²⁴Там же. С. 521.

²⁵Там же.

Ключевые слова: Крым, РСФСР, Н.С.Хрущев, УССР, Закон о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.

Международная

ЖИЗНЬ

КНИГИ И ОБЗОРЫ

Евгений ОСИПОВ

Кандидат исторических наук
eaossipov@gmail.com

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Весной 2014 года в свет вышла монография сотрудника Дипломатической академии МИД РФ Т.В.Зверевой, посвященная внешней политике современной Франции*. На основе ее текста в июне 2014 года автором была защищена диссертация на соискание степени доктора политических наук.

Хронологически монография охватывает период с начала XXI века до июня 2012 года. Наибольший акцент сделан на изучении президентства Николя Саркози (2007-2012 гг.). Рецензируемая книга является не первой в отечественной историографии по выбранной теме. Российские политологи, историки, дипломаты уделяют пристальное внимание

внешнеполитической деятельности французского государства. Так, за последние несколько лет были опубликованы труды Ю.И.Рубинского¹ и Е.О.Обичкиной², частично затрагивающие время правления Ширака и Саркози. Однако монография Т.В.Зверевой обладает рядом неоспоримых объективных преимуществ. Она вышла спустя два года после ухода Саркози из большой политики. За это время, прежде всего во Франции, появилось множество экспертных оценок, позволяющих лучше понять различные решения французского президента. К достоинствам монографии отнесем и анализ первых дипломатических шагов нынешнего Президента Франции Франсуа Олланда, чего в российской историографии еще не было. Отметим также, что в условиях резкого обострения отношений России

*Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции: Монография. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2014. 344 с.

с Западом экспертный взгляд на эволюцию внешней политики Франции, всегда имевшей особое мнение на развитие международных отношений, представляется очень актуальным.

Основное внимание в книге уделено двум главным направлениям французской дипломатии - европейскому и атлантическому (отношения с США и НАТО).

В истории Европейского союза первое десятилетие XXI века оказалось богатым на события. В 2004 и 2007 годах произошло пятое и самое крупное в истории европейской интеграции расширение. Вступление в союз сразу 12 стран, многие из которых еще недавно были частью советского блока и отставали по уровню экономического развития от ведущих западноевропейских держав, требовало коренных изменений внутри всей «единой Европы». Под руководством экс-президента Франции Валери Жискара д'Эстена специально созданный Конвент разработал проект европейской Конституции, призванной адаптировать ЕС к новым реалиям. Однако французское «нет» Конституции на референдуме в 2005 году стало неожиданным сюрпризом для всей Европы и для Франции. Автор справедливо отмечает, что отрицательные результаты референдума во Франции связаны с негативным отношением французского населения к резкому расширению границ ЕС, страхом перед увеличением масштабов иммиграции и, соответственно, безработицы, а также с тем, что «текст Конституции был сложным и громоздким» (с. 26). В определенном смысле французское «нет» стало реакцией граждан на усиливающийся процесс глобализации и страх перед потерей своей национальной идентичности.

Несмотря на провал проекта европейской Конституции, реформы были необходимы для ЕС. Саркози, возглавив Францию в 2007 году, одной из своих основных целей провозгласил именно принятие нового основополагающего европейского договора. Идея французского президента состояла в том, чтобы принять «упрощенный документ», который не был бы Конституцией, но при этом содержал все ее основные элементы. Энергичная политика Саркози привела к тому, что в декабре 2009 года документ, вошедший в историю под названием «Лиссабонский договор», вступил в действие.

По мнению Т.В.Зверевой, принятие Лиссабонского договора можно считать успехом французской политики. Во-первых, началось проведение институциональной реформы, призванной упростить систему принятия решений внутри ЕС и разработать механизм квалифицированного го-

лосования. Во-вторых, были расширены полномочия Европейского парламента и сделаны шаги по направлению к «европейской оборонной идентичности». Что касается споров о форме европейского объединения, то Франции удалось продолжить свою политику «да, но...», которая означала, что федерализм должен проявляться в согласовании экономических и финансовых вопросов, но не выходить за определенные пределы (с. 65). Лиссабонский договор, таким образом, сделал Европейский союз более управляемым, «но не стал мотором быстрого продвижения вперед по направлению к федеративному устройству, что вполне устраивало Париж» (с. 52).

Договор вступил в силу в самый разгар глобального экономического кризиса и долгового кризиса еврозоны, которым посвящена отдельная часть книги. Автор последовательно показывает, что преодоление финансовых трудностей в Европе происходило в результате тесного взаимодействия между Францией и Германией. Более того, «обе страны предпочитали согласовывать общий подход в ходе двусторонних контактов и только после этого выходить с соответствующими предложениями на уровень ЕС» (с. 95).

Однако между Парижем и Берлином сохранялись и существенные расхождения по некоторым ключевым вопросам. В поисках путей выхода из кризиса Германия выступала за ужесточение финансовой дисциплины и усиление контроля над экономикой стран зоны евро, тогда как Франция считала приоритетными меры по стимулированию экономического роста. Отметим, что этот спор продолжается до сих пор. В августе 2014 года министр экономики Франции Арно Монтебур выступил

с резкой критикой финансовой политики ФРГ, что привело в итоге к отставке французского правительства.

В конечном счете разногласия в тандеме Париж - Берлин объясняются стремлением каждой из стран к доминированию внутри «единой Европы». Расширение ЕС в 2004-2007 годах привело к развороту процесса европейской интеграции в сторону Восточной Европы, где традиционно были очень сильны позиции Германии. В этих условиях Саркози с самого начала своего президентства постарался активизировать южно-европейский вектор развития ЕС.

Т.В.Зверева подробно освещает проект Саркози по построению Союза для Средиземноморья (СДС), представленного французским президентом в 2007 году в Марокко. Предполагалось, что союз станет площадкой для реализации крупных совместных программ и обсуждения экономических и политических проблем региона. Для Франции, всегда уделявшей особое внимание Средиземноморью, СДС был шансом на упрочнение своих позиций не только в районе Средиземного моря, но и в Европе в целом.

Тем не менее у СДС оказалось множество противников. Германия вполне справедливо усматривала в средиземноморском союзе угрозу усиления французских позиций; Турция опасалась, что членство в СДС будет рассмотрено в качестве альтернативы ее вступления в ЕС; непредсказуемый лидер Ливии Муаммар Каддафи тоже выступил против. В итоге проект СДС из французского постепенно превратился в общеевропейскую программу по развитию отношений со Средиземноморским регионом, став, по сути, частью давно существовавшего «Барселонского про-

цесса». Очередное обострение ближневосточного конфликта, а затем и череда арабских революций окончательно похоронили идею Саркози. Для Франции же провал СДС означал, что она еще не готова в одиночку реализовывать настолько крупные проекты.

Ключевым событием средиземноморской политики Саркози стала, конечно, военная операция в Ливии в 2011 году. В самый разгар кризиса на страницах журнала «Международная жизнь» была опубликована статья Т.В.Зверевой³ о причинах, побудивших Саркози возглавить поход против Каддафи. Рецензируемая монография вышла спустя два года после свержения и жестокого убийства ливийского диктатора, поэтому в ней помимо причин присутствует и анализ первых итогов ливийской кампании Саркози. По словам автора, цели, которые ставила перед собой Франция в Ливии, «были достигнуты лишь частично» (с. 291). Французские нефтяные компании получили ряд выгодных контрактов, прошло проверку на прочность франко-британское военное сотрудничество, в целом укрепилась роль Франции в НАТО. Однако в том, что касается построения демократического общества в Ливии, результаты как минимум неоднозначны. По данным социологического опроса, проведенного в Ливии в феврале 2012 года, 25% жителей страны поддерживали идею введения режима личной власти, 23% выступали за создание правительства технократов, и только 12% - за введение институтов западной демократии (с. 285).

Вызывают беспокойство многочисленные свидетельства о нарушениях прав человека в современной Ливии и возможность принятия там норм шариата в качестве

единственной системы судопроизводства (с. 286). Отметим, что уже после выхода монографии в печать летом 2014 года внутривнутриполитическая обстановка в Ливии резко обострилась, что позволяет сделать вывод не о построении демократического общества в стране, а, скорее, о постепенной деградации ситуации после свержения режима Каддафи.

Отношения с США и НАТО всегда находились в центре внимания Парижа. За последние 50 лет франко-американское сотрудничество знало периоды как взлетов, так и падений. Однако именно в XXI веке двусторонние отношения достигли своего исторического минимума и максимума за все время существования Пятой республики.

В 2003 году Франция вместе с Россией и Германией резко выступила против американского вторжения в Ирак. Учитывая, что Россия и Франция являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, США в итоге были вынуждены действовать в Ираке без санкции ООН. Впервые за последние 50 лет Франция в период острого международного кризиса отказалась поддержать Вашингтон. Иракский конфликт раскол не только трансатлантические связи, но и европейский континент. Многие страны Восточной Европы, готовившиеся стать членами ЕС, открыто поддержали США, выступив, таким образом, против Франции и Германии - родоначальниц «единой Европы». Дело дошло до того, что французский Президент Жак Ширак в достаточно грубой форме назвал эти страны «плохо воспитанными и безответственными», добавив, что «они упустили возможность промолчать» (с. 139).

По мнению автора, жесткая позиция Парижа в иракском кризисе объяснялась

рядом причин идеологического, геополитического и экономического характера. Франция, несмотря на родство взглядов с США в деле приверженности демократическим ценностям, выступала против насаждения «основ демократии» насильственными методами. В Париже считали, что подобная тактика не только малоэффективна, но и опасна, поскольку усиливает рост экстремистских и радикальных взглядов среди местного населения.

Французские политики подчеркивали, что «ключом к эффективности любых международных акций служит их легитимность, и именно ООН... должна играть первостепенную роль в вопросах применения военной силы» (с. 145). Важной в позиции Парижа была и экономическая составляющая. Францию и Ирак традиционно связывали тесные торгово-финансовые отношения. Т.В.Зверева отмечает, что, по свидетельству прессы, среди западных компаний, представленных на иракском рынке, французские фирмы имели самые многочисленные и выгодные контракты (с. 149).

В геополитическом смысле французское руководство опасалось, что американская интервенция в Ирак приведет к территориальному распаду государства и длительной дестабилизации ситуации во всем регионе. Учитывая сегодняшнее положение дел в Ираке, подобные опасения оказались пророческими. Кроме того, Париж в своем противостоянии с США надеялся сплотить вокруг себя страны ЕС и наконец сдвинуть с мертвой точки идею создания «европейской оборонной идентичности». Однако этим планам не суждено было сбыться.

Иракский кризис в течение длительного времени тормозил франко-американское

сотрудничество. Заметное улучшение двусторонних отношений произошло только после прихода к власти в США Барака Обамы и особенно после избрания Саркози Президентом Франции.

Самым важным событием всего пятилетнего президентского срока Саркози стало его решение о возвращении Франции в военную организацию НАТО. С момента создания Североатлантического альянса в 1949 году Франция была его частью, а в Париже даже находилась первая штаб-квартира организации. Однако в 1966 году генерал де Голь, так и не добившись от США и Великобритании согласия на повышение роли Франции внутри альянса, принял решение о выходе из военной организации НАТО. С тех пор не раз появлялись слухи о возможном возвращении Франции. В 1995 году, в самом начале первого президентского срока Ширака, оно было даже вполне возможно, но только Саркози решился провести его в жизнь. По сути, этот президент изменил один из главных принципов голлистской внешней политики.

Т.В.Зверева справедливо отмечает, что решение Саркози о реинтеграции в военную организацию НАТО объяснялось прежде всего желанием активизировать процесс создания «европейской оборонной идентичности» и личными качествами французского президента. Уже в августе 2007 года Саркози заявил «о своем намерении добиваться создания «системы обороны Европы» в условиях обновления отношений с альянсом» и о том, что «оба процесса должны проходить одновременно» (с. 171). До этого США, да и некоторые страны ЕС, негативно относились к идеям построения европейской обороны. Общее изменение внешней политики Вашингто-

на после прихода к власти Обамы и декларированное им стремление уделять больше внимания отношениям с союзниками вместе с желанием Франции вернуться в качестве полноправного члена в альянс давало надежду на построение «европейской оборонной идентичности». Для Франции в связи с этим открывались новые перспективы, поскольку в ЕС именно она всегда ратовала за развитие европейской интеграции в военной сфере.

Важную роль в возвращении Франции в военную организацию НАТО сыграли и особенности характера самого Саркози. По выражению Е.О.Обишкиной, Саркози - «главный атлантист в ряду президентов Пятой республики»⁴. Т.В.Зверева отмечает, что еще в 2003 году в ходе иракского кризиса он, несмотря на то, что был членом правительства, критиковал излишний антиамериканизм Ширака. Автор также пишет, что, «будучи открытым атлантистом, Саркози представлял довольно узкий спектр общественного мнения Франции, связанного главным образом с международной финансовой и политической элитой» (с. 176).

Последствия французского возвращения оказались, как и вся политика Саркози, неоднозначными. С одной стороны, Париж добился возможности более эффективно влиять на решения альянса, пользоваться военно-техническими возможностями и инфраструктурой НАТО, определенный импульс получили франко-британские военные связи, а французский генерал стал командующим НАТО по трансформации. С другой стороны, ставка Парижа на развитие европейской обороны и, соответственно, укрепление своего влияния в ЕС себя не оправдала, а «европейская оборонная идентичность» пока остается только лишь лозунгом. Любопыт-

но, что действующий Президент Франции Олланд, активно критиковавший Саркози по вопросу реинтеграции в военную организацию НАТО, практически продолжает внешнюю политику своего предшественника, что особенно заметно в позиции Парижа по сирийскому вопросу. Все это показывает, что решения Саркози объяснялись не только его волюнтаристским желанием, но и объективной реальностью.

В монографии также уделено внимание китайскому и российскому направлениям французской дипломатии. Франция первой из западных держав нормализовала сотрудничество с Пекином, установив с ним дипломатические отношения еще в 1964 году. Экономический рывок Китая и превращение его в одну из крупнейших экономик мира привели в XXI веке к резкому увеличению франко-китайского торгового оборота. В 2011 году Китай «занимал пятое место как поставщик товаров во Францию, опережая США» (с. 304).

Особенностью франко-китайских торговых контактов является их тесная зависимость от уровня политического взаимопонимания двух стран. В политической же сфере Париж и Пекин далеко не всегда разделяют единую точку зрения. Так, в 2008 году, незадолго до начала Олимпийских игр в Пекине, Саркози объявил о желании встретиться с Далай-ламой, что вызвало резкий протест Китая. Примирение произошло только в 2009 году после того, как Франция скорректировала свою позицию по Тибету, признав, что «Тибет является неотъемлемой частью китайской территории а его проблемы - внутреннее дело Китая» (с. 297).

Комментируя подобные действия французского руководства, автор обоснованно замечает, что «во имя развития экономи-

ческого сотрудничества с Пекином Париж склонен идти навстречу китайским требованиям и не муссировать вопросы нарушения демократии и прав человека» (с. 309). Отметим, что после смены власти во Франции и избрания Олланда политика государства по отношению к Китаю не изменилась.

Отношения с Россией для Франции также всегда были важной частью французской дипломатии. Большую роль в развитии двусторонних контактов, как и в случае с Китаем, сыграл генерал де Голль, совершивший в 1966 году визит в СССР. Поездка де Голя стала символом эпохи разрядки и привела к установлению доверительного и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Францией, особенно в сфере экономики. После распада bipolarной системы межгосударственные связи вышли на еще более высокий уровень. Нынешнее столетие начиналось для российско-французских отношений не лучшим образом. После избрания В.В.Путина Президентом России между ним и Шираком в течение десяти месяцев не было официальных контактов (с. 312). В дальнейшем, как известно, отношения между двумя странами вышли на прежний уровень, достигнув своего максимума в 2003 году в период иракского кризиса.

Во время президентства Саркози, несмотря на проводимую им проамериканскую политику, сотрудничество между Парижем и Москвой оставалось партнерским и взаимовыгодным. Франция заняла достаточно сдержанную позицию в период кон-

фликта между Грузией и Южной Осетией в 2008 году, а Саркози приложил серьезные усилия для преодоления кризиса. Также именно при Саркози был подписан договор о поставках в Россию вертолетоносцев «Мистраль». По словам Т.В.Зверевой, «как для Москвы, так и для Парижа заключение этого контракта имело большое символическое значение, наглядно демонстрируя новые отношения российского ВПК с внешним миром и прежде всего с одной из влиятельных стран альянса» (с. 320).

Как справедливо отметил Ю.И.Рубинский, «каждый из президентов Пятой республики начинал свой мандат обычно в конфликтной тональности отношений с Москвой, но всегда заканчивал сближением с ней»⁵. Что касается Франсуа Олланда, то резкое обострение франко-российского сотрудничества на этот раз пришлось не на начало президентского срока, а, скорее, на его середину. Остается надеяться, что к концу его пятилетнего президентства сотрудничество между Россией и Францией выйдет на свой традиционно высокий уровень.

¹Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М.: Международные отношения., 2011.

²Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голя до Саркози. 1940-2012. М.: Аспект Пресс, 2012.

³Зверева Т.В. Саркози vs. Каддафи // Международная жизнь. 2011. №5.

⁴Обичкина Е.О. Указ. соч. С. 320.

⁵Рубинский Ю.И. Указ. соч. С. 302.

Ключевые слова: внешняя политика современной Франции, Лиссабонский договор, Саркози, Пятая республика, Жак Ширак, Оланд.

Юрий БЕЛОБРОВ

Старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук
yuriy.belobrov@dipacademy.ru

АМЕРИКАНСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ ПРОТИВ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

На рубеже второго десятилетия XXI века Вашингтон перешел к практическим действиям, нацеленным на слом стратегического баланса в мире, сдерживающего на протяжении полувека ядерные державы от масштабных военных действий друг против друга. В этой связи наибольшую опасность для человечества представляет реализуемая американская программа развертывания глобальной системы противоракетной обороны (ПРО), в выполнение которой втянуты теперь и страны НАТО. Главная цель этого натовского проекта - обнулить ракетно-ядерный потенциал России и Китая, являющийся основным препятствием на пути претворения в жизнь замысла альянса по установлению единоличного мирового господства. Россия, безусловно, не может игнорировать нарастающую угрозу своим нацио-

нальным интересам, которая сознательно создается военно-политическими кругами Запада. На протяжении многих лет она настойчиво убеждала США решить проблему ПРО сообща, на основе учета равной безопасности. В условиях, когда западные партнеры, судя по всему, не намерены прислушаться к голосу разума, России необходимо решить, какие ответные практические меры потребуются принять по защите собственных национальных интересов. По этому поводу в российском экспертном сообществе развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой выявились диаметрально противоположные оценки эффективности создаваемой американской ПРО и, соответственно, возможной российской реакции на нее. В этой связи, как представляется, полезный вклад в фор-

мирование общенационального консенсуса в отношении характера и масштаба угрозы натовской ПРО и путей ее снятия призвана, на мой взгляд, внести монография В.Козина «Эволюция противоракетной обороны США и позиция России»*. Ее автор - советник 1-го класса МИД РФ в отставке, ныне консультант директора РИСИ, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Экспертного совета Межведомственной рабочей группы при администрации Президента Российской Федерации по взаимодействию с НАТО в сфере ПРО.

Книга В.Козина - первое за последние годы наиболее полное исследование современных усилий США по созданию собст-

венной глобальной системы ПРО в отечественной военно-политической литературе. В ней скрупулезно анализируется история зарождения этой проблемы, затрагивающей жизненно важные интересы не только России, но и всего человечества, и современные военные, политико-дипломатические, финансовые и иные аспекты создаваемого силами США и их натовских союзников «противоракетного щита», а также подробно изложена позиция российского военно-политического руководства по данному вопросу. Монография опирается на широкий круг источников, как отечественных, так и иностранных, подкреплена солидной документальной базой, снабжена богатым иллюстративным материалом (фотографиями, схемами и графиками), наглядно демонстрирующим суть этой программы и ее реализацию.

Как отмечает автор, Президент США Барак Обама пошел дальше всех своих предшественников, провозгласив в сентябре 2009 года запуск принципиально новой программы развертывания американской ПРО, получившей наименование «Европейский поэтапный адаптивный подход» (ЕПАП). Этот план, рассчитанный вначале до 2020 года, а затем продленный до 2022 года и состоящий из четырех этапов, позволяет Соединенным Штатам и их ближайшим союзникам по НАТО создать эшелонированную структуру уничтожения баллистических ракет в первую очередь на европейском континенте и вокруг него.

Поскольку этот амбициозный замысел предусматривает размещение средств противоракетной системы в достаточной близости от российских границ, он, по оценке эксперта, чреват появлением непосредственной угрозы национальной безопасности Российской Федерации и

* Козин В.П. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России. М.: Российский институт стратегических исследований. 2013. 384 с.

прежде всего ее силам ядерного сдерживания (СЯС). Отмеченная опасность, по его мнению, может серьезно возрасти, если учесть, что единая американско-европейская система ПРО в Европе может быть использована совместно с ракетно-ядерными средствами США против России и ее союзников (с. 15-16).

К числу несомненных достоинств выполненного исследования можно отнести то, что автору удалось достаточно полно раскрыть содержание этой программы, выявить ее принципиально новую сущность, показав отличие ее от бушевской, а также глубоко проанализировать практические действия США и их союзников по ее осуществлению. Как отмечает эксперт, перед новой программой Вашингтоном поставлена поистине грандиозная задача - обеспечить защиту не только вооруженных сил всех без исключения стран - членов НАТО и других американских союзников, но и всей их территории и гражданского населения.

В своей окончательной конфигурации вся создаваемая наземная, морская и воздушная, а также космическая структура ПРО США и НАТО в Европе будет представлять собой многоуровневую совокупность систем перехвата баллистических ракет на малых и больших высотах, включая средства командования и управления боевыми действиями, связи и разведки, средства дальнего радиолокационного обнаружения и радиолокационные средства ближнего радиуса действия, а также различные ракеты-перехватчики, дальность стрельбы и точность наведения которых будут постепенно увеличиваться. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов, что эти ракетно-ядерные средства будут усилены крылатыми ракетами морского базирования (КРМБ) в обычном снаряжении,

которые устанавливаются на четырех модернизированных американских атомных подводных лодках, переделанных под этот вид высокоточного и эффективного оружия. В монографии представлен достаточно полный реестр компонентов американской системы ПРО, развернутых и планируемых к размещению на европейском континенте. Иными словами, с точки зрения автора книги, США и их ближайшие партнеры по НАТО идут по пути создания в Европе принципиально иной военно-стратегической ситуации, в которой России отводится роль не равноправного партнера, а потенциальной жертвы амбициозных планов НАТО.

Рассмотрев итоги первого, самого короткого этапа осуществления программы ЕПАП, выполненного в течение 2011 года, аналитик обращает внимание на то, что США практически за год заложили политико-правовую основу для внедрения американской системы перехвата баллистических ракет на европейском континенте, в основном за счет развертывания морской составляющей. К апрелю 2013 года, как отмечается в монографии, американские ВМС располагали 29 кораблями, оснащенными противоракетами и средствами их наведения (с. 105). А в общей сложности к 2022 году, то есть к конечному сроку выполнения ЕПАП, в составе ВМС США будут находиться 43 крейсера и эсминец, оснащенных ракетами-перехватчиками. Причем корабли с системой ПРО Пентагон намерен развертывать в Балтийском, Средиземном и Черном морях, а также в северных морских широтах вокруг Европы, то есть в непосредственной близости от российских берегов. Речь, по его оценке, идет о выдвижении своего рода средств передового противоракетного базирования к территории России с целью усиления наземной составляющей противо-

ракетной системы США и НАТО, размещаемой в этом регионе, а также на американской территории.

На втором этапе реализации ЕПАП, названном «Усиление потенциала перехвата баллистических ракет средней дальности», который продлится до 2015 года, предполагается развернуть более усовершенствованные корабельные варианты ракет-перехватчиков, а также разместить такие ракеты и системы их наведения в ряде европейских стран на суше, в частности в Румынии, Польше, Турции и др. Кроме того, будут совершенствоваться воздушный и космический компоненты противоракетной системы. Не следует также забывать, что развертывание элементов ПРО США на европейском континенте происходит одновременно с модернизацией американских СНВ и обновлением тактических ядерных средств США и НАТО в регионе, а также с начавшимся размещением ракет-перехватчиков на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Автор также обращает внимание на то, что, несмотря на объявленное некоторое снижение военного бюджета США в ближайшие годы, ассигнования на развитие системы ПРО практически не уменьшаются. Так, по приведенным им данным, в 2013 году на эти цели Пентагону выделялось 9,7 млрд. долларов, в том числе Агентству по ПРО - 7,75 млрд. долларов (с. 78). Можно добавить, что, согласно опубликованной недавно в США информации, столь же крупные расходы запрашиваются Пентагоном и на 2015 год. Все это позволяет Вашингтону не снижать темпов и масштабов развертывания ПРО.

Таким образом, эксперт приходит к выводу, что задуманная общая конфигурация создаваемой США системы глобальной

ПРО преследует цель фактически окружить не только территорию России со всех географических направлений, но и Китая, и ряда других стран. В результате такого развития ситуации российские и китайские СЯС могут оказаться в своеобразных противоракетных и ракетно-ядерных «клещах» США и их ближайших союзников по НАТО. Нельзя не видеть, что в случае своего полномасштабного развертывания у российских границ эта противоракетная система станет самой провокационной затеей Вашингтона после Карибского кризиса 1962 года и двойного решения НАТО 1979 года о развертывании ядерных ракет средней дальности в Западной Европе.

В монографии подробно освещена эволюция позиции России, которая, как справедливо напоминает автор, изначально заявляла о своем резко отрицательном отношении к разработке американской системы противоракетной обороны, считая ее нарушением советско-американских договоров об ограничении стратегических вооружений и Договора по ПРО. Эта позиция, отмечает он, традиционно выстраивалась на основе двух ключевых принципов: американская противоракетная система не должна наносить ущерба безопасности России, в том числе представлять непосредственную угрозу ее СЯС, а возможное участие российской стороны в создании совместной системы ПРО с Соединенными Штатами, чего добивались от нее натовцы, должно обязательно выстраиваться на основе равенства и равной безопасности сторон, при этом не провоцируя гонку противоракетных и иных видов вооружений (с. 204).

Ключевым же элементом российской позиции по ПРО являлось требование о получении от США и Североатлантического союза военно-технических гарантий нена-

правленности их противоракетной системы против российских сил ядерного сдерживания, которые были бы закреплены в юридически обязывающих документах сторон. Такие гарантии должны быть проверяемы на основе объективных военно-технических критериев. Причем Москва заинтересована в получении от Запада не просто политической декларации, а в подписании специального соглашения с США/НАТО об основных принципах и конкретных военно-технических деталях взаимодействия с альянсом в противоракетной сфере.

Вашингтон, однако, упорно отказывается предоставить юридически обязательные гарантии «ненаправленности» американской системы ПРО против России, ограничиваясь лишь декларативными высказываниями о том, дескать, «система ПРО не ориентирована против России и не имеет потенциала, способного подорвать ее силы сдерживания». При этом необходимость ее развертывания американцы и их натовские союзники объясняют совершенно несерьезным аргументом о том, что она создается лишь для защиты стран Евро-Атлантики от баллистических ракет, которые могут быть запущены с Ближнего Востока или со стороны КНДР, не имеющих и вряд ли в обозримой перспективе способных приобрести межконтинентальные ракеты. Реальная же причина отказа ведущих стран Запада дать России подобные гарантии кроется в том, что на самом деле создаваемая многослойная и широко разветвленная система ПРО США и НАТО в Европе направлена против национальных интересов Российской Федерации и предназначена для снижения эффективности ее стратегических ядерных сил.

В этих условиях, по мнению В.Козина, у российской стороны остается только один

возможный путь: сделать так, чтобы противоракетная угроза ее национальным интересам, создаваемая совместными усилиями США и НАТО при одновременном сохранении значительных ядерных арсеналов, была нивелирована и устранена ответными военно-техническими средствами.

Положительной стороной монографии является среди прочего то, что ее автор не ограничивается тщательным исследованием проблемы и критикой «компромиссных» предложений по адаптации взглядов России и Запада в вопросе ПРО, выдвигаемых в том числе и некоторыми отечественными экспертами. В четвертой главе - наиболее интересной - сведены воедино основные идеи и практические предложения, направленные на решение проблемы ПРО, выдвинутые как российскими, так и иностранными экспертами относительно путей возможного решения этой проблемы. К сожалению, по мнению В.Козина, подавляющее большинство таких соображений не содержит действительно взаимоприемлемых решений в рамках кооперативной системы ПРО и не учитывает озабоченности российской стороны в этих вопросах. Фактически они призваны лишь создать иллюзию возможного выхода из «противоракетного тупика», куда загнали себя сторонники размещения ракетно-ядерных и противоракетных арсеналов «на передовых рубежах».

В.Козин не ограничился критикой подобных предложений, а попытался сформулировать собственные сугубо конкретные идеи на этот счет. В частности, он обращает внимание на то, что некоторые российские исследователи предлагают только два решения: либо взаимодействие с США и НАТО в деле создания «кооперативной» системы ПРО и на их условиях, либо какие-то

ответные меры на развертывание такой системы, если она будет создаваться без участия России.

По его мнению, однако, нужен и третий путь, который мог бы касаться введения ограничений на масштабы развертывания странами Запада противоракетной структуры. Как он полагает, наряду с принятием адекватных военно-технических мер для парирования обозначенной угрозы с российской стороны должны быть выдвинуты в том числе и радикальные требования к США и НАТО вообще о полном свертывании программы ЕПАП или ее замораживание первым этапом (с. 329). Это стало бы, по его мнению, наиболее эффективным способом решения противоракетной проблемы в отношениях России с ведущими странами Запада.

Весьма оригинальной выглядит и мысль о возможности возрождения Договора по ПРО, но не на двусторонней, а на многосторонней основе и придании ему бессрочного характера. Такой шаг международного сообщества, полагает автор, мог бы предусматривать ограничение размещения наземных противоракетных сил и средств за пределами национальных границ, в особенности ударно-боевых. По мысли автора, участниками подобного договора могли бы выступить все государства, располагающие потенциалом создания систем перехвата баллистических ракет, да и вообще все желающие страны. Такое многостороннее соглашение было бы самой реальной гарантией ненападения ущерба национальной безопасности России со стороны США и НАТО (с. 332).

К сожалению, осуществление этих, безусловно, интересных идей, по крайней мере в нынешних условиях, выглядит

трудно реализуемым. Их продвижению, как следует из статьи, возможно, могло бы способствовать энергичное принятие Россией адекватных мер по противодействию американской ПРО, включая создание перспективных средств преодоления противоракетной обороны США и НАТО, а также параллельно этому по обесцениванию их ракетно-ядерных и противоракетных потенциалов. Приходится, правда, считаться с тем, что со своей стороны Россия не имеет практической возможности развернуть у американских рубежей без каких-либо ограничений собственные противоракетные структуры, поставив Вашингтон в столь же опасное положение, в которое он ставит своими действиями нашу страну.

Трудно не согласиться с главным выводом автора данного исследования о том, что реализуемая администрацией Б.Обамы принципиально новая американская программа создания системы ПРО может серьезно дестабилизировать стратегическую ситуацию не только в евроатлантическом пространстве, но и на всей планете и поэтому представляет реальную угрозу международному миру и безопасности. Поскольку, как видно, договориться о ее закрытии или снятии российских озабоченностей не получается, то выход у России, вероятно, остается только один: принять решительные и тщательно продуманные контрмеры по защите своих жизненно важных интересов. Как представляется, нашей стране следовало бы также рассмотреть возможность активного вовлечения в процесс урегулирования проблемы ПРО стратегических партнеров России, в первую очередь Китая и Индии, которые, как это очевидно, скорее рано, чем

поздно, также окажутся под прицелом противоракетных средств Запада.

В целом же монография, безусловно, добротная, оценки и аргументы автора убедительны и полновесны и заслуживают не только самого внимательного рассмотрения заинтересованными специалистами, но и ознакомления всеми теми, кто занимается вопросами отношений России с США и странами НАТО.

Хотелось бы также посоветовать автору продолжить отслеживание дальнейшего хода реализации планов США в данной сфере и формулирование ответной реакции России на эти опасные действия США и их союзников, как на Западе, так и в других частях света.

Ключевые слова: американская глобальная система противоракетной обороны (ПРО), Европейский поэтапный адаптивный подход (ЕПАП) к ПРО, стратегическая стабильность, стратегические ядерные силы (СЯС), Договор по ПРО.

Валентин БОГОМАЗОВ

Чрезвычайный и Полномочный Посол,
кандидат политических наук
bogomi@list.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Обзор новинок западной историографии

Для общественного мнения России и, думаем, не только нашей державы, религиозные войны - сложное явление истории средневековой Европы, выразившееся в острой борьбе католиков против кальвинистов (гугенотов), то есть событий, предшествовавших разработке Вестфальской системы международных отношений. Исходя из такой посылки, у читателей может априори сложиться впечатление о предлагаемой статье, как о некоем экскурсе в дела давние и имеющие крайне отдаленное отношение к миру XXI века. Хотим сразу же и ясно сказать о намерении проанализировать использование историческим Западом религиозного фактора во второй половине XX - начале XXI века, то есть как во времена холодной войны, так и в последовавший период, когда множатся попытки США и их атлантиче-

ских сторонников навязать человечеству ту шкалу ценностей, которая, по словам С.В.Лаврова, «все больше отрывается от своих собственных христианских корней и все менее восприимчива к религиозным чувствам людей других вероисповеданий»¹. Имеем в виду осветить в указанном контексте и соответствующую принципиальную линию поведения мирового католицизма.

Работа в библиотеке отделения ООН в Женеве в июле 2014 года позволила ознакомиться с последними исследованиями видных мировых историков, политологов и религиоведов, специализирующихся на истории религии и Ватикана, включая нынешний этап - понтификат действующего Папы Франциска. Представляем результаты проведенного анализа и сделанных обобщений. Надеемся, что запуск полу-

ченных данных в академический оборот послужит углублению изучения роли и места религиозного фактора в международных отношениях начала XXI века.

Решив сконцентрироваться на католицизме, мы в полной мере осознаем, что у ислама и индуизма примерно равное с Римско-католической церковью (РКЦ) число последователей - каждая из этих религий опирается более чем на 1 млрд. приверженцев (католиков в мире - 1 млрд. 230 млн. человек²). Но вряд ли вызовет спор наша констатация наличия в исламе и индуизме множества школ и движений, тогда как у католиков существует единый руководящий центр, что делает более полной организацию работы данной церкви. К тому же РКЦ является единственной мировой религией, располагающей суверенным и признанным международным правом субъектом - государством-городом Ватикан, или официально Святым престолом, поддерживающим дипломатические отношения с подавляющим большинством стран мира. Так, по положению на начало 2014 года у Ватикана существовали дипломатические отношения со 180 государствами³, он активно участвовал и участвует в работе ведущих международных организаций (ООН, ОБСЕ и др.).

На Западе в последние годы вышла в свет целая серия, на наш взгляд, содержательных исследований, посвященных различным аспектам деятельности католической церкви, в том числе относящихся к новейшей истории. Считаем возможным назвать стержневые из опубликованных только в США работ: Barron, Robert. *Catholicism: A Journey to the Heart of the Faith*. New York, 2011; Cunningham, Lawrence. *An Introduction to Catholicism*. New York, 2009; O'Collins, Gerald, and Mario Farrugia. *Catholicism: The Story of Catholic Christianity*. New York, 2004; Viadmar, John. *The Catholic Church through*

the Ages: A History. New York, 2005; Woods, Thomas E. *How the Catholic Church Built Western Civilisation*. Washington, 2005; Roberts, Tom. *The Emerging Catholic Church: A Community's Search for Itself*. New York, 2011; Cafardi, Nicolas P. *Voting and Holiness: Catholic Perspectives on Political Participation*. New York, 2012; Heyer, Kristen E., Mark J. Rozell, and Michael A. Geneovese, eds. *Catholics and Politics: The Dynamic Tension between Faith and Power*. Washington, 2008; Weigel, George. *The End and the Beginning: Pope John Paul II - The Victory of Freedom, the Last Years, the Legacy*. New York, 2010. Особо хотим выделить опирающуюся на солидную фактологическую основу книгу Дж.Аллена «Католическая церковь» (John L. Allen jr. *The Catholic Church. What everyone needs to know*. New York, 2013).

Дж.Аллен - один из ведущих ватиканистов США, 16 лет проработавший в Риме в качестве обозревателя крупнейшего североамериканского информагентства, специализирующегося на проблематике РКЦ, «National Catholic Reporter», сотрудничал с CNN, NPR, публиковал свои материалы в «New York Times», специализированном приложении итальянской газеты «La Stampa» - «Vatican Insider», с начала 2014 года отвечающий за публикации в газете «Boston Globe» о католицизме. Придерживается консервативных взглядов и явно поддерживает концепцию универсальной мировой религии. Восторженно акцентирует в названной нами монографии участие Иоанна Павла II в «разгроме коммунизма» и утверждает, что историки могут продолжать дебаты о том, был ли «мягкой силой» Папа Римский из Польши, а Рейган и Тэтчер - «грубой силой». Но, по словам религиоведа, «каждый должен признать, что картина была бы иной, если бы польский Папа не вдохновил и не под-

держал движение «Солидарность» на его родной земле, запустив духовную революцию по всему советскому блоку»⁴.

Аллен располагает обширными знаниями о Ватикане и порой, когда выступает с призывами к единению наиболее консервативных сил католицизма (этому посвящалось его обращение к членам печально известного образования «Опус Деи», разделяющих крайне ретроградные позиции), как бы претендует на роль партнера и собеседника РКЦ. Однако он явно оказался застигнутым врасплох отставкой Бенедикта XVI и избранием Папой Римским кардинала Х.М.Бергольо из Аргентины. Эти вопросы оказались, по сути, за скобками его книги, а ведь именно они занимают сегодня многих в мире. В своих статьях журналист пытается разобраться с происходящим сегодня в Ватикане, анализирует инициативы нового понтифика, строит какие-то прогнозы, но, как представляется, пока он в поисках ключа к «загадкам Папы Франциска». Тем не менее и последняя книга Аллена, и многие его статьи по католической тематике могут быть, полагаем, полезными при проведении различных исследований. Интересными считаем и недавно опубликованные в США книги об использовании религиозного фактора на ряде этапов холодной войны. В них не только нашли отражение еще несколько лет назад засекреченные данные, но и откровенные признания особой важности религии в «налаживании политического противостояния». Назовем некоторые наиболее показательные в данной связи работы: T.Jeremy Gunn. *Spiritual Weapons: The Cold War and the Forging of an American National Religion*. Westport, 2009; Jonathan P. Herzog. *The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War*. New York, 2011; William Inboden. *Religion*

and American Foreign Policy, 1945-1960: The Soul of Containment. New York, 2008; David E. Settje. *Faith and War: How Christians Debated the Cold and Vietnam Wars*. New York, 2011.

В этих монографиях рассматривается история холодной войны с точки зрения США. У.Айнбоден и Дж.Герцог приводят обстоятельную фактологию места религии в начале холодной войны и ее взаимодействия с внешней политикой Вашингтона. Айнбоден подкрепляет свои взгляды рассказом о ключевых фигурах осуществленных мер, а Герцог концентрирует внимание на том, что и как было сделано в США различными институциями и структурами. Т.Джереми Ганн освещает историю концепции «американской национальной религии» в увязке со стремлением руководства государства, военными, деловым миром обеспечить религиозную поддержку целям холодной войны. Д.Ситтдж исследовал тот же вопрос, но с точки зрения отношения христианских СМИ и тех дебатов, которые развернулись в США относительно государственной политики в холодной войне и, в частности, в ходе интервенции во Вьетнаме. По словам крупного американского религиоведа Дж.Уолласа, данные четыре книги содержат историю стратегического и тактического использования религии со стороны США во время холодной войны⁵.

Айнбоден отмечает, что для Сталина была очевидна значимость религии в культурной жизни США и он рекомендовал Громыко, назначенному послом СССР в США, каждое воскресенье бывать в церкви, слушать проповеди для понимания их воздействия на американские мировоззрение и систему ценностей⁶. Начиная с 1945 года на состояние ментальности и нравственности американцев значительное влияние оказывал Президент

Г.Трумэн, не просто убежденный баптист, но и человек, глубоко веривший в то, что Бог и история привели его в Белый дом для «противодействия вызову СССР». Айнбоден убедительно демонстрирует, и Герцог вторит ему, что для Трумэна холодная война была «не чем иным, как религиозной войной»⁷.

Приведем ряд исторических фактов, описанных Айнбоденом. Так, летом 1947 года Советом национальной безопасности США была утверждена секретная директива, поручавшая ЦРУ предотвратить победу итальянских коммунистов на предстоявших тогда в Италии парламентских выборах. В ответ на просьбу Папы Пия XII о помощи резидент ЦРУ в Риме Дж.Энглтон передал более 10 млн. долларов одному из политизированных объединений Римско-католической церкви - «Ационе каттолика» и Христианско-демократической партии Италии. В итоге такого денежного вливания удалось добиться поражения коммунистов на выборах в апреле 1948 года⁸, наладить сотрудничество США и Ватикана в существовавшей тогда обстановке.

Религиозные убеждения Президента Д.Эйзенхауэра, по выводам Айнбодена, не ограничивались риторикой, и его администрация осуществила конкретные шаги по встраиванию религии во внешнюю политику. Так, на Ближнем Востоке государственных деятелей-мусульман призывали совместно с США вести «священную войну» против коммунизма, была запущена «Программа поддержки православной церкви», имевшая своей единственной целью поощрение инакомыслия в среде духовенства, а в Юго-Восточной Азии культивировалась обработка буддийских и исламских иерархов для противостояния экспансии китайских коммунистов и недопущения распространения коммунизма⁹.

Дж.Герцог первым применил термин, относящийся к главным действующим силам эпохи холодной войны - «духовно-промышленный комплекс». По его мысли, это определение существенно отличается от дефиниции Эйзенхауэра «военно-промышленный комплекс», поскольку характеризует «боровшихся за религиозное возрождение»¹⁰. Ученый подразделил названный комплекс на три учрежденческих компонента - политические инстанции, службы безопасности, общественные институты - и развернуто поведал об использованных методах и формах для «углубления духовности» персонала перечисленных структур¹¹. Насыщенным представляется описание Герцогом активности Президента Трумэна и его администрации в «наращивании религиозности и нравственности Вооруженных сил США при обеспечении боеготовности и безопасности нации».

Т.Дж.Ганн рассматривает историю религиозного фактора в холодной войне через призму разработки концепции «американской национальной религии», опиравшейся на три основы: теизм руководства государства, военное превосходство, капитализм, и прочно связывает генезис этого явления с холодной войной, «реакцией на угрозы со стороны Советского Союза и мирового коммунизма»¹². Созданное в этих условиях «духовное оружие» вскоре привело, по выводам историка, к втягиванию американских религиозных иерархов и групп в организованный ЦРУ переворот в Гватемале, а затем - к вооруженной операции США во Вьетнаме¹³.

Исследование Д.Ситтджа касается середины холодной войны, конкретно периода с 1964 по 1975 год, и сконцентрировано на рассмотрении взаимосвязи «религии, политики и внешней политики»¹⁴ на этапе, когда проявились и усилились антивоенные настроения в США. Указано, что большинство американцев смирилось

с итогами войны во Вьетнаме. Но внимание там акцентировано на отказе американских консервативных христиан отречься от антикоммунистических убеждений и создании ими мощной политической силы - правые христиане. А эта сила, как отмечается, привела к власти Рейгана и ведет настойчивую кампанию по возвращению тематики холодной войны на центральное место¹⁵. Актуальность и оправданность данного вывода очевидна, по нашему убеждению, в свете происходящего на международной арене в 2014 году.

Все названные нами авторы задаются резонным и логичным вопросом, существует ли связь между религиозными делами времен холодной войны и комплексной религиозной действительностью международных отношений начала XXI века. И следует утвердительный ответ, хотя и говорится об «отчасти случайном характере отдельных совпадений».

Что до истории отношений США с Ватиканом, то американские специалисты едины в том, что назначение Президентом Ф.Рузвельтом во время Второй мировой войны своим личным представителем при Святом престоле М.Тейлора оказалось весьма продуктивным. Именно этот эмиссар доставлял и передавал прямо в руки Пия XII послания Рузвельта, непосредственно обсуждая поднятые в них вопросы. Трумэн сохранил такой канал и продолжал пользоваться им на раннем этапе холодной войны¹⁶. Взаимодействие официального Вашингтона и Ватикана получило со временем, констатируют историки, значительное развитие, что особо проявилось после избрания Иоанна Павла II и провозглашения Рейганом приверженности идеалам веры и свободы¹⁷. Ватикан однозначно трактуется давним и надежным союзником США. Мелькают интересные выводы о природе современной религиозной жесткости, проявляемой в церков-

ных и околоцерковных кругах. Герцог, к примеру, убежден: «Всплеск нынешнего религиозного консерватизма подзаряжается и наследием духовно-промышленного комплекса»¹⁸.

Все говорит за то, что изучение связи религии и политики во время холодной войны будет продолжено с новыми и, возможно, неожиданными умозаключениями. Ждут ведь своего рассекречивания документы 1970-1980-х годов. При этом ряд современных выводов западных политологов, включая процитированные нами, вряд ли прозвучали бы в ходе жесткой идеологической конфронтации Запад - Восток. Надеемся, что последует реакция академического мира Запада и на реверсные кульбиты столиц атлантических государств в отношении нашего Отечества в 2014 году. Особо хотим выделить раздающиеся там утверждения, будто Советский Союз с его коммунистической идеологией, по крайней мере, оставался в рамках выработанной на Западе системы идей, в то время как новая Россия возвращается к собственным традиционным ценностям, коренящимся в православии, и вследствие этого становится еще менее понятной¹⁹.

Как бы ни относились в западном мире к нашим предостережениям об опасности восприятия России в качестве противника, в центре начинающихся дебатов, полагаем, окажутся мысли, изложенные С.В.Лавровым на протокольном мероприятии по случаю православной Пасхи 28 мая 2014 года. Там тогда было сказано: «Мы никому не навязываем свою точку зрения и убеждения, но уверены, что в современном мире необходимо признавать право друг друга быть разными, без чего немислимо демократическое развитие ни внутри государства, ни на международной арене. Нет сомнений, что унылое однообразие в духе «конца

света», которое еще не так давно представлялось многим вполне реальным и как бы оправдывающим движение в сторону однополярной модели мироустройства, не состоялось. Картина динамичного и успешного мира будущего может быть только яркой и многоцветной, основанной на плодотворном партнерстве различных культур и цивилизаций»²⁰.

Приход к руководству РКЦ Папы Франциска вызвал в мире большой интерес к его фигуре, выдвигаемым инициативам, осуществляемым практическим шагам, состоянию и перспективам католицизма, в целом - роли и месту религии в жизни международного сообщества XXI века. Ответить на такие вопросы пытаются религиоведы и политологи разных уровней, и, несмотря на то что прошло всего полтора года после избрания нынешнего главы Ватикана, уже опубликовано чрезвычайно большое количество книг и исследований, посвященных очерченным вопросам. Как в любом деле, есть достойные и содержательные работы, но есть и «скороспелки» с едва скрываемой коммерческой подоплекой. Об этих последних «опусах» заметим, что вне зависимости от страны происхождения их авторов сделаны они как по единому шаблону - поездка в Аргентину для контактов с теми, кто лично знал и взаимодействовал с Х.М.Бергольо, проведение встреч с родными и близкими понтифика, беглый обзор отдельных папских документов и заявлений.

Анализ действительно научных, по нашему мнению, трудов считаем нужным начать с бытующего объективного мнения об изрядно подпорченном имидже РКЦ, финансовых махинациях лиц, руководивших банковской системой Ватикана, серии случаев педофилии со стороны церковнослужителей, массового перехода верующих-католиков на американском континенте в лоно протестантов и сек-

тантов. Сторонники критической оценки находят относящимся к прошлому заключение крупного американского ученого и специалиста по менеджменту П.Друкера о католической церкви как одном из трех наиболее организованных в мире объединений наряду с «Дженерал Моторс» и прусской армией в силу способности проводить операции планетарного масштаба с весьма ограниченным по численности центральным аппаратом²¹.

Факты, однако, подтверждают высокую степень слаженности и результативности в деятельности РКЦ. Судя по последним ватиканским данным, из 1,2 млрд. католиков примерно 412 тысяч - священники, а 5 тысяч - епископы, архиепископы и кардиналы. Это означает, что духовенство составляет только полпроцента от общего количества католиков²². Большинство верующих РКЦ - то есть более 750 млн. человек проживает ныне в Латинской Америке, Африке, Азии. Ожидается, что к середине XXI века три четвертых всех католиков будут жителями южного полушария²³. Эти уточнения делаем для понимания читателями надежд и настроений, высказываемых в РКЦ в связи с преобразованиями, начатыми Папой Франциском.

При проведении исследований по современному Ватикану настоятельно рекомендуем прежде всего ознакомиться со следующими печатными работами кардинала Х.М.Бергольо в бытность его архиепископом Буэнос-Айреса:

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Reflexiones en esperanza*. Buenos Aires, 1992;
Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Ponerse la patria al hombro: Memoria y camino de esperanza*. Buenos Aires, 2004;
Bergoglio, Jorge Mario SJ. *La nación por construir: Utopía, pensamiento y compromiso*. VIII Jornada de de Pastoral Social. Buenos Aires, 2005;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Sobre la acusación de si mismo*. Buenos Aires, 2005;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Corrupción y pecado: Algunas reflexiones en torno al tema de la corrupción*. Buenos Aires, 2005;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Educар, elegir la vida: Preguntas para tiempos difíciles*. Buenos Aires, 2005;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Educар: Exigencia y pasión. Desafios para educadores cristianos*. Buenos Aires, 2006;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *El verdadero poder es el servicio*. Buenos Aires, 2007;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Nosotros como ciudadanos, nosotros como pueblo. Hacia un Bicentenario en justicia y solidaridad 2010-2016*. Buenos Aires, 2011;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Mente abierta, corazon creyente*. Buenos Aires, 2012;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *En Él solo la esperanza: Ejercicios espirituales a los obispos espanoles*. Madrid, 2013;

Bergoglio, Jorge Mario SJ. *Papa Francisco: Pilares de un pontificado. Las grandes lineas del Magisterio del Cardinal Jorge Mario Bergoglio*. Madrid, 2013.

Предложенный перечень носит развернутый характер, но, считаем, на этой базе можно проследить гносеологические корни не только социальных воззрений действующего понтифика, но и его убежденности в особой роли мировой периферии в делах РКЦ, безальтернативности диалога католицизма с другими религиями.

Написанная Х.М.Бергольо совместно с равнином из Буэнос-Айреса и его другом А.Скоркой книга²⁴ обычно рассматривается в мире под углом ее пронизанности духом межрелигиозного диалога.

Назовем теперь труды, заслуживающие, по нашему мнению, изучения и разработки высказанных в них соображений. На первый план выносим книгу аргентинского журналиста-религиоведа

С.Рубина и итальянской исследовательницы Ф.Амброджетти «Папа Франциск: новый Папа рассказывает о себе»²⁵, основанной на ответах самого Х.М.Бергольо на конкретные и разного рода вопросы касательно его жизни, служения и мировосприятия. Особо выделяем раздел, в котором теперь уже глава мирового католицизма горячо ратует в пользу «культуры встречи религий и цивилизаций», чрезвычайной важности диалога²⁶. В близком по форме ключе создана книга главного редактора ведущего теоретического журнала Ватикана «Ла Чивильта каттолика» А.Спадаро «Папа Франциск: моя дверь всегда открыта»²⁷, включающая не только интервью с понтификом, но и развернутые ссылки на его высказывания и соображения, представленные по разным поводам.

Анализу существенных монографий, сосредоточенных на фигуре и мировоззрении Папы Франциска, намерены посвятить отдельную статью, но сейчас хотим сделать акцент на мнении ватиканистов о глубинной приверженности понтифика делу мира и недопущения конфликтов любого рода. Известный и в нашей стране испанский писатель и историк Марио Эскобар выпустил в 2014 году в США книгу под названием «Мирная революция: перемены, начатые Папой Франциском в католической церкви»²⁸. В ней, подводя итоги первого года деятельности главы мирового католицизма, политолог утверждает, что «стратегия Х.М.Бергольо направлена против любой конфронтации»²⁹.

Видный английский религиовед П.Веллили в его фундаментальной книге «Папа Франциск: развязывая узелки»³⁰ на богатом иллюстративном материале демонстрирует использование аргентинской военной хунтой в годы ее правления (1976-1983 гг.) приемов и методов холодной войны, трактуя происходящее

в их стране «первыми битвами третьей мировой войны». Поэтому, как следует, Х.М.Берголь не понаслышке знает о подобном, а его соответствующее отношение опирается на личный опыт и знания³¹. В настоящий момент очевидны попытки втянуть Ватикан в новое переиздание холодной войны, сделать РКЦ участницей современной «религиозной битвы». Понятно, что не только внешние силы

подталкивают к тому РКЦ. В рядах самого католицизма немало тех, кто ностальгирует по прошлому. Но в XXI веке, когда формируется многоцентричный мир, множатся ряды сторонников истинной, а не подчиненной узким эгоистичным страстям нравственности. Хочется верить в предстоящее научное изучение данного аспекта.

¹http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/412C7BA2A5A1E66544257CED0059D4DF

²<http://www.news.va/it/news/annuario-pontificio-aumentano-i-cattolici-nel-mond>

³<http://www.news.va/it/news/il-corpo-diplomatico-presso-la-santa-sede>

⁴John L. Allen jr. *The Catholic Church. What everyone needs to know.* New York, 2013. P. 6.

⁵James C. Wallace. *A Religious War? The Cold War and Religion // Journal of Cold War Studies.* Vol. 15. №3. Summer 2013. P. 162-180.

⁶William Inboden. *Religion and American Foreign Policy, 1945-1960: The Soul of Containment.* New York, 2008. P. 1.

⁷Ibid. P. 1, 2, 114-115. Айнбоден поясняет, что религия в холодной войне применялась в двойном качестве - «как повод и как инструмент».

⁸Ibid. P. 119-138.

⁹Ibid. P. 289-294, 300, 305.

¹⁰Jonathan P. Herzog. *The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War.* New York, 2011. P. 6-7.

¹¹Ibid. P. 112-124.

¹²Jeremy Gunn. *Spiritual Weapons: The Cold War and the Forging of an American National Religion.* Westport, 2009. P. 8.

¹³Ibid. P. 108-130.

¹⁴David E. Settje. *Faith and War: How Christians Debated the Cold and Vietnam Wars.* New York, 2011. P. 2-3.

¹⁵Ibid. P. 161-174.

¹⁶William Inboden. *Op. cit.* P. 119-138.

¹⁷Ibid. P. 321.

¹⁸Jonathan P. Herzog. *Op. cit.* P. 205.

¹⁹http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/412C7BA2A5A1E66544257CED0059D4DF

²⁰http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/CCC70EEB910543E844257CE600477D3A

²¹http://www.businessweek.com/managing/content/dec2010/ca20101216_586852.htm

²²http://it.radiovaticana.va/news/2014/05/29/annuario_pontificio_cresce_la_chiesa_nel_mondo/1101154

²³Ibid.

²⁴*Bergoglio Jorge Mario y Abraham Skorka. Sobre el cielo y la tierra. Buenos Aires/New York, 2010.*

²⁵*Sergio Rubin e Francesca Ambrogetti. Papa Francesco: il Nuovo Papa si racconta. Milano, 2013.*

²⁶Ibid. P. 105-111.

²⁷*Antonio Spadaro. Pope Francis: My door is always open. London, 2014.*

²⁸*Mario Escobar. La Revolución Pacífica: Los Cambios que el Papa Francisco ha comenzado en la Iglesia Católica. Nashville (USA), 2014.*

²⁹Ibid. P. 126.

³⁰*Paul Vally. Pope Francis: Untying the knots. London, 2013.*

³¹Ibid. P. 63-94.

Ключевые слова: вера, Вестфальский мир, Пий XII, нравственная и духовная борьба, «священная война» против коммунизма, религиозное возрождение, Папа Франциск, церковь и мир.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:

С.В.ЛАВРОВ, министр иностранных дел России

А.А.АВДЕЕВ,

*Чрезвычайный
и Полномочный Посол*

А.И.ДЕНИСОВ,

*Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
кандидат экономических
наук*

А.С.ДЗАСОХОВ,

*доктор политических
наук*

И.С.ИВАНОВ,

*президент РСМД,
член-корреспондент
РАН, доктор
исторических наук*

К.И.КОСАЧЕВ,

*руководитель
Россотрудничества,
кандидат юридических
наук*

В.П.ЛУКИН,

*Чрезвычайный
и Полномочный Посол,
доктор исторических
наук, профессор*

М.В.МАРГЕЛОВ,

*специальный
представитель
Президента Российской
Федерации по сотрудни-
честву со странами
Африки*

С.И.МАРЕЕВ,

*генеральный директор
МИД России*

А.Ю.МЕШКОВ,

*зам. министра
иностраных дел России*

А.Н.ПАНОВ,

*доктор политических
наук*

Г.Г.ПЕТРОВ,

*вице-президент
ТПП России*

Е.М.ПРИМАКОВ,

академик РАН

А.К.ПУШКОВ,

*председатель
Комитета ГД
по международным
делам, кандидат
исторических наук*

С.А.РЯБКОВ,

*зам. министра
иностраных дел России*

М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ,

*руководитель Федерального
агентства по печати и
массовым коммуникациям*

В.Г.ТИТОВ,

*первый зам. министра
иностраных дел России*

А.В.ТОРКУНОВ,

*ректор МГИМО (У),
академик РАН,
доктор политических
наук*

А.Л.ФЕДОТОВ,

*посол по особым
поручениям, член Коллегии
МИД России, кандидат
юридических наук*

В.А.ЧИЖОВ,

*постоянный представитель
России при ЕС*

В.И.ЧУРКИН,

*постоянный представитель
России при ООН,
кандидат исторических
наук*

Ю.К.ШАФРАНИК,

*председатель Правления
МГНК «СоюзНефтеГаз»,
президент Фонда
«Мировая политика и
ресурсы»*

А.В.ЯКОВЕНКО,

*Чрезвычайный и
Полномочный Посол,
доктор юридических
наук, профессор*

Главный редактор **А.Г.ОГАНЕСЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН****Е.В.Ананьева,***кандидат
философских наук***А.И.Давыденко,***первый заместитель
главного редактора***В.К.Злобина,***заведующая отделом
интернет и мультиме-
диaproектов***Т.А.Макарова,***заместитель главного
редактора***Ю.А.Минаев***заместитель главного
редактора***Г.И.Поволоцкий,***шеф-редактор***Б.Д.Пядышев,***Чрезвычайный и Полно-
мочный Посол, доктор
исторических наук***Е.Б.Пядышева,***ответственный
секретарь, кандидат
исторических наук***А.В.Рассадин,***политический
обозреватель***Е.Ю.Студнева,***обозреватель***С.В.Филатов,***обозреватель***НАУЧНЫЙ
РЕДАКТОР:
А.Д.Дубина****РЕДАКТОРЫ:
О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская****РЕДАКТОР
ПО ВЫПУСКУ:
И.Н.Знатнова****ТЕХНИЧЕСКИЕ
РЕДАКТОРЫ:
В.А.Позднякова
М.С.Тюрина****ОРГРАБОТЫ:
О.Н.Иванова**

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь»,
не обязательно отражают точку зрения редакции.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования
и в список журналов, рецензируемых ВАК.

Учредитель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Издатель ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».

Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе,
США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN,
55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202;
toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4200. Цена свободная.

Дата выхода в свет 21.11.2014. Формат 70x100 1/16. Офсетная печать.

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Заказ №712.

Отпечатано в типографии ООО «Верже-РА»

Москва, 127055, ул. Новослободская, дом 31, стр.4, офис 11

www.verge.ru, e-mail: info@verge.ru тел./факс: +7 (495) 727-00-08, 363-61-55

INTERNATIONAL AFFAIRS

*A Monthly Journal of Foreign Policy,
Diplomacy and National Security*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: articles@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата за аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ ПО АДРЕСУ: articles@interaffairs.ru КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

Правила оформления сносок и библиографии в конце статьи:

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²Rutham H. Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS. RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв. URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

www.interaffairs.ru